

ОКЕАНА ГОПОВИНА

СЕРИЈЕ
СВЕТЛА

Теперь не существует прежнего мира. Наш мир — два уцелевших города, над выжженной землей, соединенные между собой хрупким мостом. Высокие неприступные стены отгораживали нас от того, что было там, за Вратами, и что тихо звали проклятой Пустошью. Нам рассказывали страшные сказки, о живущих там чудовищах, и о тех, кто не побоялся выйти за пределы города. Мы называли их Патрулем. Тех, кто берег наш сон...

Головина Оксана Сергеевна

Сердце зверя

12 год от начала времени...

Солнце яркое, ослепительное плавало в глазах. Пустое синее небо разделялось лишь потемневшими опорами, удерживающими Мост над выжженной пыльной землей. Клубы той самой рыжеватой пыли взметались вверх, заставляя, глаза слезится. Он прищурился, но не опустил головы. Пусть ноги отказывали, но он велел себе идти достойно до конца. Еще сотня шагов, и все...

— Проклятый ублюдок!!!

Он лишь проглотил горький ком, подступавший к горлу скованному «Усмирителем», каждый раз, когда из толпы раздавалась очередная реплика в его адрес.

— Тварь!!

Холодный камень рассек скулу, заставив на мгновение приостановиться. Кровь капала на металлический ошейник, стекая за воротник формы. Он не повернул головы к тому, чья боль пересилила его собственную, заставив поднять руку. Конвой не остановил их, кричащих проклятья, подтолкнув заключенного в спину. Они озирались опасливо, словно готовы были броситься наутек в любой миг, подальше от толпы.

— Убийца!!

Очередной камень задел голову, следующий зажег огнем плечо, едва не задев конвоира. Выругавшись, офицер отступил, как и его товарищ, не желая быть растерзанным...

Он остановился на самом краю, обдертые носки армейских ботинок ловили пустоту. Еще полшага, и его путь окончен.

— Капитан...

Он обернулся на голос конвоира, как и положено, перед зачиткой приговора. Расставив ноги, он пытался устоять на краю, едва не срывааемый бушевавшим ветром. Он ждал, но его палачи молчали.

— Хватит тянуть... — проговорил он пересохшими губами.

— Прости, капитан. Но у меня приказ... — один из конвоиров выступил вперед.

Заключенный в недоумении глядел на него, достающего свое оружие.

— Что это значит?!

В его руке был один единственный патрон. Из кармана достав небольшую капсулу, он отломил верхушку, и, боясь касаться темной жидкости даже в перчатках, обмакнул патрон в содержимое. Еще мгновение, и пистолет был заряжен.

— Они убедили Главу, что так будет справедливо. Они так решили, так что это их правосудие, капитан. Ты уж прости...

Он не ответил. Он понял, лишь тихо усмехнувшись, приготовившись принять свой дикий приговор, оглушенная скандировавшей толпой. Еще миг, и адская боль обожгла его грудь. Опора под ногами была утеряна, и он, в последний раз глядя на перевернувшееся в глазах синее небо, устремился вниз, к высохшей траве у опор моста...

Холодная ночь, рассыпала по черному небу тысячи звезд. Он, очнувшись, распахнул

глаза, глядя, как чернел над ним опустевший высоченный мост. Теперь ведущий в другой мир, более для него не достигаемый.

Он хотел пошевелиться, вдруг поняв, что тело отказывалось подчиниться ему. Он попытался приподняться, ощущая, как вымокла холодная теперь его форма, в том самом месте, где прошла пуля. Пуля...

— Проклятье... почему я до сих пор...

Он кое-как приподнялся, непослушными руками разорвав куртку. Взгляд его метнулся к груди. Залитая темной кровью, она поднималась и опускалась, вторя его прерывистому дыханию, и приводя его в ужас — была цела.

— Нет! Нет, нет, нет...

Огонь в груди, заставляя задыхаться, разгорался, заставляя вновь упасть на холодную землю без сил.

Перед глазами плясали звезды, вторя мыслям, бешено несшимся в горячей голове. Сознание отказывалось принять то, что было ужасающим для него фактом.

Яд разливался по телу, огненными потоками. До самых кончиков пальцев рук и ног, обжигая грудь, впиваясь в мозг. Зеленые глаза вспыхнули, и последний, тихий вздох, перерастающий в сиплый рык, разорвал мертвую тишину...

Дождь, такой сильный... Небо почернело, укрыв полуденное солнце. Струи дождя отплясывали на черной броне, укрывавшей плечи и грудь. Он стер холодную влагу с лица, оставлявшую горьковатый привкус на губах.

— Почему именно на моем дежурстве?!

Второй офицер, сетуя на непогоду, нервно стащил шлем с рыжеватой, коротко стриженной головы.

— Нет, Левин, я серьезно! Хотели просто закончить объезд и все. Я хотел к ужину быть дома, хоть раз! Черт!!

— Кончай ныть, Ник. Здесь чужие. Они не выслали запрос, иначе с нами бы уже связались. Вызывай остальных. Дело плохо.

Лейтенант ВСБ (Внутренняя Служба Безопасности) Дмитрий Левин оставил свой мокрый шлем на огромном черном мотоцикле. Он пошел к прибывшей раньше них группе Южного патруля. Раздавая указания экспертам, их капитан махнул ему рукой.

— Смотрите под ноги, Димитрий.

Левин вовремя перевел взгляд под ноги. Смешиваясь с дождевой водой, алые потоки растекались по земле, дико контрастируя с мелкой скудной травой, шелестевшей на ветру. Его ботинок едва не окунулся в адскую лужу.

— Черт...

Останки были разбросаны по всей округе. Офицер быстро прикрыл рот кулаком в кожаной перчатке, заставляя желудок не выворачиваться наизнанку. Сколько ни готовил себя к подобному зрелищу, все равно пробиравало до самих пяток. Он повернулся к огромному мосту, темневшему над их головами, сделав несколько судорожных вдохов, приходя в норму.

— Что вы забыли на нашей территории, капитан?

Мужчина придержал узкие полы своей черной шляпы, и поднял к Левину глаза. Его губы насмешливо изогнулись на смуглом лице. Черты его, аристократичные и безупречные, великолепно подчеркивал дорогой черный костюм. Полы пальто подхватил ветер, и Левин почувствовал, что продрог до самых костей, даже под своей чертовой потертой форменной курткой.

— Был почти уверен, что вы скажете — моей территории. Вы лейтенант хватаетесь за этот кусок проклятой пустоши, слишком рьяно.

Он элегантно подернул плечами, выводя из себя уставшего офицера. Дмитрий проигнорировал его слова, повторив свой вопрос.

— Что вы здесь делаете, Видадь?

Капитан приумолк, глядя как прозрачные капли дождя каплют с полей его шляпы.

— Не буду тратить ни ваше время, Димитрий, ни мое. Это излишне. Были обстоятельства, вынудившие нас обойти некоторые пункты устава.

— И что же это? Потому что в этот самый момент, наш патруль на полной скорости мчится сюда. У вас не так много времени на объяснения.

— Вы забываетесь лейтенант, — возмущенно, капитан одернул полы пальто.

— Что же насчет траты моего времени?

Хавьер Видаль сжал губы, сдерживаясь, чтоб не продолжить этот бессмысленный спор, в который они вступали, едва приближались друг к другу.

Он отступил к скудным зарослям. В длинных металлических ящиках, омываемые не прекращавшимся дождем, уже были уложены останки нескольких жертв. Левин подошел ближе, глядя туда, куда указывал рукой капитан.

Желудок вновь возмутился. Левин отвел взгляд на холодный профиль Видаля. Тот снял перчатку с правой руки, и, прикрыв свои сверкнувшие золотом в свете фар глаза, приложил ладонь тыльной стороной ко лбу. Через мгновение, рука сжалась в кулак, коснувшись сердца. Этот короткий ритуал прощания тронул душу. Левин шумно вдохнул.

— Четверо, Димитрий. Четверо моих людей...

Нашивки на обрывках одежды не оставляли сомнений, что жертвами стали офицеры Южного патруля.

— Что ваши люди делали здесь, так далеко от вашего маршрута?

— Их машина заглохла. Километрах в десяти от моста, — он махнул перчаткой в руке, в сторону черных скал.

— И как они оказались тут?

— Они преследовали тварей, полагаю, от самих болот. Не вышли на связь, и нам пришлось идти по следу, — капитан вновь надел вымокшую перчатку.

— В этот раз совсем близко от стен города. Волки убили не на своей территории. На открытой местности. Они ушли слишком далеко от своих обычных мест охоты.

— Они сделали это не ради охоты, Димитрий. Не из голода...

— Вы понимаете, что это может значить, капитан? — их мнения, как всегда разнились, но он всегда слушал его.

— Они оставили тела у моста. Как плевок в нашу сторону...

— Эти твари неразумны. Их поведение не могло так резко измениться. Я понимаю ваше потрясение, Видаль, но все обстоит по-другому. Нужно обыскать округу.

— Не говорите мне, что я не прав, Димитрий! Что же до округи...

— Твою ж мать!..

Голос Ника оборвал слова Видаля.

— Они их просто разодрали... черт! Когда они выдохнут, твари!

— Подольский, захлопни рот! — Левин зло одернул коллегу.

Ник, оставив без внимания его слова, хлопнул его по плечу.

— А у тебя брат нервы железные!

Он кивнул на безмятежно зеленый датчик на шее офицера. Его собственный, медленно краснел у краев, указывая на уровень эмоционального контроля носителя. Левин, спохватившись, поднял воротник куртки, прикрывая шею до самого подбородка.

— Как тебе это удастся? — не унимавшийся товарищ, пытался заглянуть за его воротник.

— А я вообще, парень позитивный, — Левин выдавил короткую улыбку.

— Глянь-ка сюда! — Ник протянул лейтенанту планшет.

— Только что пробежался вокруг...

Левин оглядел снимки. Черное пятно на земле отчетливо выделялось, расходясь радиусом метра три, Трава и прочая растительность была выжжена до пепла.

— Ни осталось и следа от того, что поджарилось тут. Причем совсем недавно. Земля, не

смотря на дождь, до сих пор теплая. Что вы здесь действительно делали, капитан, пока вас не застукали?

Видаль собрал остатки самообладания, спрятав чесавшиеся кулаки в карманы дорогого пальто.

— Капитан? — Дмитрий обернулся к нему, ожидая объяснений.

— «Жидкое солнце». Так зовут этот «коктейль» в Пустоши. Если опрокинуть ненароком, не останется ничего. Уничтожает все органическое. Горит секунды, температура как в аду...

— Если кто-то хотел уничтожить улики, то зачем использовать этот состав так избирательно? — в привычных полуденных сумерках, Левин сумел разглядеть место пожара.

— Кто-то, кто бы это ни был, не тронул тела убитых. Только... — Видаль едва повернул голову в сторону погибших.

— Только?

— Я не знаю, лейтенант. После применения подобного состава, пробы взять невозможно. И меня это выбешивает не в меньшей степени. И если вы, Николя позвольте себе, еще, хотя бы один комментарий в мою сторону, я обещаю вам большие неприятности!

Видаль повысил голос, зазвеневший в нависшей тишине. Ник, видя, что оказался меж двух огней, поскольку Левин мысленно уже присоединился к южанину, выдохнул, так и не произнеся ни слова.

— Так-то лучше, — Дмитрий услышал, как подъехали несколько машин. Их люди прибыли.

— Теперь этим делом займется Северный сектор, капитан. Полагаю, вам стоит переговорить с нашим начальством. Я не сомневаюсь, что вы окажете полную поддержку и получите необходимую информацию о ходе расследования...

Последние слова дались ему неожиданно с трудом. Левин ощутил, как жаркая волна, удушая, поднимается от самой шеи к зашумевшей голове.

— Что с вами? Вы бледны как призрак, — Хавьер двинулся было к нему, но офицер, остановив его рукой, отступил назад.

— Видимо съел что-то не то...

— Я понял, приятель. У каждого свои черты в голове, — Ник ухмыляясь, жевал что-то, раскидывая куски обертки по мокрой земле.

— Что?.. — Левин отвернулся от света фар, скрывая расходящиеся по шее, словно лучи паутины, темные полосы.

Шея горела огнем, вокруг ставшего полностью красным индикатора. Он прекрасно понимал, что его одолело. И понимал, что пора бежать.

— У тебя запоздалая реакция на стресс. Я видел таких ребят. Смеются себе, ходят, как ни в чем, ни бывало. А потом, когда все уже кончилось, бьют и пьют в баре всю ночь. Так что — ты тормоз, Левин!

— Да... да... так все и есть... я тормоз, Ник... Нам пора, приятель. Ты доложил. Наше работа на сегодня окончена.

— Лейтенант...

Голос Хавьера догнал его уже у мотоцикла. Левин обернулся, держа в руках свой шлем.

— Я все равно не отступлюсь от своих слов. Они сделали это намеренно.

Левин лишь молча, кивнул. Хавьер сжал губы тихо, чертыхнувшись.

— Не будьте так беспечны! Вы всего лишь человек...

— Все верно... — карие глаза офицера сузились, скрываясь под темным стеклом шлема.

— Как и вы, Хавьер...

Глава 2

Запрос был послан. Они, ожидая, наблюдали, как над их головами со скрежетом опускалась панель моста, образуя площадку для въезда. Ржавчина сыпалась, оседая на стеклах их шлемов.

— Однажды он рухнет...

— Как и этот мир, — Дмитрий зашелся кашлем, чувствуя, что голова скоро взорвется. Взгляд его, укрытый темным стеклом, затуманивался.

— Ты в порядке там? Поторопился я тебя нахваливать, Левин.

— Едем...

Мотоциклы въехали на просторную платформу. Левин чувствовал, как дорога под колесами выравнивалась, поднимаясь и отгораживая ветреные земли Пустоши от города. Они мчались в сторону стены, уходившей под небеса, серые и мокрые, смывавшие с их формы затихавшим дождем, пыль и грязь, после очередного долгого дежурства.

Когда короткий досмотр у ворот был окончен, и офицеры покинули пустынную приграничную территорию города, их мотоциклы привычно разъехались в разные стороны. Ник поднял руку в перчатке, прощаясь с коллегой. Дмитрий коротко кивнул, радуясь долгожданной свободе. Теперь его ничто не тормозило. Он летел на предельной скорости, понимал, что совершает огромную глупость, но лишь упрямо вел мотоцикл вперед.

— Ответь же!..

Коммуникатор безрезультатно посылал вызов, лишая его всякой надежды услышать необходимый голос.

— Черт! Трижды — черт...

Левин вставил плоское устройство связи, в приборную панель, переводя коммуникатор в режим отслеживания. На высветившейся карте, мгновенно отобразился красный индикатор передвижения.

— Только не в главном дворе... скажи, что на этот раз ты... черт...

Отметка на галокarte не оставляла сомнений, что его невезение растет, словно снежный ком.

Мотоцикл свернул в прекрасную цветущую аллею, ведущую к главному корпусу АСБ (Академия Службы Безопасности). Его успокаивала только мысль о том, что занятия уже закончились. Курсанты покинули здание, значит, шанс не быть отчисленным, у его бедового напарника все же есть...

Левин, оставив мотоцикл, выбежал во внутренний двор. Они были там. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что ее не остановить окриком. Нападавших было всего лишь четверо. Бедолаги, намереваясь проучить одну из курсанток, не подозревали, что попросту нарвались на бурю...

Лейтенант на ходу активировал и запустил свой боевой бумеранг, крепившийся у него за спиной. Загоревшись по периметру голубым цветом, он летел прямо к нападавшим. Обходя девушку, яростно раскидывающую сокурсников, он сверкающей молнией просвистел у самой ее головы. Врезавшись в грудь одного из хулиганов, оружие летело к следующей жертве, ребром ударяя по незащищенной шее. Уже через несколько секунд, остальные двое лежали у ее ног.

Левин поднял руку, и бумеранг вернулся к нему послушной птицей, угасая. Он вернул

его в крепление, направляясь к той, что тяжело дыша, откидывала спутанные волосы, скрывавшие испачканное лицо. Длинные, словно темные потоки, они осыпали ее до самого пояса.

Душевное облегчение при виде ее в безопасности, принесло небольшую передышку.

И только когда приблизился к ней, до конца осознал свою ошибку. Давление в голове зашкалило, и кровь хлынула из носа.

Ужас переполнил ее, отразившись в синих глазах, горевших минуту назад диким огнем.

— Димка...

Она кинулась к нему, едва устоявшему на ногах, и, обхватила за талию. Вцепившись разбитыми пальцами в металлический пояс его формы, девушка потащила напарника в сторону ИЛа (Исследовательские Лаборатории).

Ботинки глухо застучали каблуками по каменному полу. Виктория приложила испачканную в грязи ладонь к панели на двери медицинского отдела. Та лишь противно подала сигнал об отказе доступа. Девушка зло обтерла руку о брюки, и вновь приложила к прибору. Зеленый цвет — допуск разрешен. Не менее противный женский голос над их головами подтвердил разрешение. Они ввалились в помещение, и Виктория помогла напарнику сесть на белую койку.

— Зои! Помоги! Прошу, сделай что-нибудь!!

Девушка, шепча что-то, заставила Левина поднять вверх голову, пытаясь остановить кровь. Он лишь дружески сжал ее руку, молча, успокаивая.

— Прости, прости меня... — Виктория повторяла снова и снова, в отчаянии понимая, что сама не в силах прекратить происходящее.

— Зои, где ты?!!

Соседние двери бесшумно скрылись в стене. На ходу снаряжая пистолет с дозатором, девушка в медицинском белом комбинезоне направилась к ним. Не говоря ни слова, хотя на ее веснушчатом лице читалась неприкрытая злость. Длинная русая челка скрывала темно-серые глаза. Она сжала губы, сдерживая рвавшиеся наружу слова. При каждом шаге ее раздавался привычный механический звук. Совсем тихий. Киберпротез звякнул металлической подошвой по полу, когда она остановилась перед девушкой. Зои Розевски не долго думая смахнула спутанные темные косы подруги, и всадила две дозы успокоительного в ее шею. Затем подумав немного, добавила еще одну. Виктория обмякла, вовремя поддержанная Зои. Та помогла ей сесть на соседнюю койку. Девушка прикрыла глаза, выравнивая сбившееся дыхание. Легкость и долгожданный покой наполнили ее тело и сознание. Она заставила себя поднять взгляд на сидящего напротив молодого человека.

Зои уже заставила его стянуть куртку. Склонив его голову на бок, она наблюдала, как черные полосы покидают его шею. Индикатор медленно зеленел, давая офицеру, наконец, отдохнуть. Левин широко улыбнулся медику. Зои зло затолкала ему в нос турунды, останавливая кровь. Качая головой, она глядела на них, словно два привидения сидящих на больничных койках, с синяками под глазами.

— Вы двое — идиоты!

— И то верно...

— Заткнись, дорогуша! Ты должен был уехать подальше, если понял, что у нее приступ! С чего ты заявился сюда, скажи ради Бога?!

Левин снова улыбнулся, глядя на Викторию.

— О Боже, дай мне терпения...

Белоснежный туман потихоньку рассеивался, открывая взгляду землю, буйно поросшую зеленью. Птицы уже проснулись, и лениво перелетая с деревьев поближе к воде, звонко перекликались, где-то высоко в небе. Даже здесь, в высокой траве у самых ног, нечто копошилось в поисках завтрака. Мик поднял металлическую канистру с обрезанным верхом, доверху наполненную спелой черникой. Закинув несколько ягод в рот, он глянул на свои руки. Они приобрели темно-фиолетовый цвет.

— Черт, теперь не отмоешься...

Солнце медленно поднималось на горизонте, еще мгновение, и его свет заполнил топи. Роса самоцветами сверкала и переливалась на каждой травинке, бесконечные болота зеркалами блестели со всех сторон. Птицы запели звонче, радуясь недолгому теплу, казалось, даже деревья вторили им. Мик заслушался, на мгновение, забыв обо всем, когда вдруг жгучая боль пронзила левую ногу. Не выпуская заветную емкость из рук, он поднял болевшую ногу из травы. Темные брови удивленно поползли вверх, на высоком ботинке, ухватившись за носок зубами, висело небольшое мохнатое существо. Злобно сверкая черными глазками, оно издавало еле слышное шипение, явно уверенное, что этим рыком повергло Мика в ужас, и с остервенением пыталось отхватить часть ботинка вместе с пальцами. Он тряхнул ногой, пытаясь сбросить нахала, но безрезультатно. Рыжий разбойник, только сильнее стиснул зубы.

— Черт!..

Мик аккуратно поставил на землю свою ношу, и, схватив пушистый комок за хвост, стал отдирать его от ботинка.

— Маленькая дрянь... развелось же нечисти...

Такая задержка не входила в его планы, конечно, он мог убить малыша одним щелчком пальцев, но омрачать такое утро, чьей-то смертью он не хотел. А убираться с болот было жизненной необходимостью, скоро поднимется ветер и о его присутствии, будут знать все...

Мик обреченно вздохнул, и присел на землю. Расшнуровав ботинок на здоровой ноге, он стянул его и поставил рядом с собой, затем глянул на второй. Зверек, разгадав его коварный план, зашипел еще громче, и сжал челюсти до предела. Тихо выругавшись, он почувствовал, как по пальцам потекло, что-то теплое. Разорвав шнурок, он одним быстрым движением сорвал ботинок с ноги, швырнув его в траву. В то же мгновение там раздалось сердитое урчание и все стихло. Мужчина глянул на ногу. Вся ступня была в крови, прямо над пальцами чернело несколько прокусов. Боль волнами пронизывала ее до колена. Мик почувствовал, как внутри растет раздражение. Нога непременно заживет, не пройдет и получаса. Боль для него была ничтожной, но кровь...

Он поднялся, рана уже закрылась и перестала кровоточить. Налетевший с пустоши ветер растрепал его черные как ночь волосы. Мик замер на мгновение, превратившись в сам слух. Вроде бы все спокойно.

— Неужели повезло? Да не может такого быть...

Он прошел до того места, где стояла канистра. Уже наклоняясь, чтобы поднять ее, он заметил, как смолкли птицы. Пальцы с силой сжали рукоятку, оставляя вмятины на металлической поверхности, все тело напряглось, готовое к нападению.

Они появятся со стороны леса, где обычно охотятся днем.

Как он и предполагал, запах крови, которой он разукрасил всю поляну, не мог остаться незамеченным. Они такой шанс не упустят...

Подтверждением его подозрений был дикий рев, через секунду тварь предстала перед ним в своей полной красе. Мик считал, что его давно перестало все удивлять, но к этой мерзости, он не как не мог привыкнуть. Существо было огромным, более двух метров ростом. Пальцы на руке побелели от напряжения. Еще доля секунды, и тяжелая канистра впечаталась твари прямо меж глаз. Спелые ягоды градом разлетелись во все стороны. Глядя на то, как в грязи пропадает несколько часов каторжной работы, Мик почувствовал, что окончательно теряет свою человеческую сущность. Глаза загорелись зеленым огнем, из груди вырвался дикий рык. Существо замерло на мгновение, грязная серо-бурая шерсть ключьями свисавшая с огромного туловища, встала дыбом на хребте, как у собаки, из огромной пасти стекала слюна, клыки сверкали, как и горящие алым огнем глаза. Оно опиралось на передние лапы больше похожие на человеческие руки, с невероятной мускулатурой, позади твари, разбрызгивая грязь, извивался отвратительный хвост.

Мик кинулся на Волка, опережая его бросок. Руки перехватили огромные лапы, не давая острым как лезвие когтям коснуться шеи. Свалившись в осоку, они скатились к самой кромке воды. Это было явной удачей, не давая, твари возможности увернуться, Мик схватил ее за раскрытую пасть, стараясь, лишней раз не дышать, глаза слезились от исходившего смрада, и с силой вдавил лохматую голову в мутную воду. Тварь, стала извиваться всем телом, пытаясь скинуть человека, но руки не ослабляя хватки, все сильнее вжимали ее в мягкий ил. Он мог удерживать ногами задние лапы, не давая Волку нанести себе серьезных повреждений, чего нельзя было сказать, о лапах передних... Уворачиваться от ударов становилось все сложнее. Мик выгнул спину, стараясь уберечь незащищенный живот, когда услышал рычание за спиной. В голове всплыли все бранные слова, которые он когда — либо слышал.

— Проклятие...

Той секунды, пока Мик отвлекся, зверю хватило, чтоб вывернуться, когти полоснули по груди, раздирая рубашку и оставляя алые полосы. Сдержав стон, он сделал единственное что мог, в данной ситуации. Когда Волки бросились на него, он со всех сил рванул в сторону. Твари в бешенстве вцепились друг в друга, и он выиграл пару секунд. Этого было достаточно, благо убить их было так же просто, как и человека. Один патрон — одна жизнь, как говорил его командир... Твари взвыли, и Мик услышал уже давно привычный человеческий крик и вздох, тихий, только ему одному слышный. Еще две души упокоились. Все стихло, в его глазах догорал холодный зеленый пожар. Он просто стоял и ждал.

Заставляя себя дышать спокойнее и ровнее, он ощущал, как постепенно возвращается к обычной человеческой форме. Хриплое рычание, раздиравшее грудь, становилось глубоким, бесшумным дыханием. Все кончено... от чего же боль в груди не оставит его?

— А, черт!..

Мик глянул на себя. Штаны были изорваны в клочья, царапины на ногах уже затянулись. Окровавленная рубашка прилипла к груди, он стянул ее, осматривая раны. Кровь уже почти не текла, но вид был еще тот... Шириной в два пальца, обмотанное темной вытертой местами замшей украшение, охватывало его шею. Серебристый исцарапанный, бок его, обнажившись после боя, причинял боль, терзая раны. Но он лишь привычно рукою проверил целостность, успокоившись только тогда, когда понял — его «ошейник» цел. Но это подождет.

Он подхватил брошенную одежду и вернулся к болоту. Они были там. Стараясь не смотреть на тела, Мик на скорую ополоснул рубашку в воде и нацепил на себя. Затем вздохнув, обернулся. Бледная кожа, линялые спутанные волосы, выцветшие глаза, уставившиеся в синее небо. Все как обычно. Мик оттащил тела на поляну, положив их рядом. Нужно поторопиться, выстрелы были слышны на сектора вокруг. Он старался прибегать к оружию как можно реже, но сегодня был явно не его день. Скоро здесь будет патруль...

Он, быстро схватив убитых за руки, развернул их к себе ладонями. Обычная процедура. Ряд черных цифр, смысл которых был ясен только ему, был нанесен на запястьях.

— 12 год...

Солдаты были молодыми, обоим было не больше двадцати лет, когда они оказались в Белом Куполе. Но, давать волю чувствам было некогда. Мик вытащил из крепления на ремне бренок небольшую капсулу. Отломив верхушку, он отошел на безопасное расстояние и бросил ее к телам. Пламя охватило их моментально, на поляне зажглось второе солнце. Скоро здесь ничего не останется. Это все что он мог для них сделать. Свой долг он выполнил...

— Покойтесь с миром...

— С чего вдруг вчера за бумеранг схватился?

Левин лишь ухмыльнулся, не ответив ей. Виктория села позади него на громадный мотоцикл, обхватив крепко руками.

— Ты ведь не забыл, что его система настроена на базу данных ВСБ?

— Нет... — Дмитрий завел своего металлического зверя, продолжая улыбаться, слушая ее тихое, сердитое ворчание.

— Он игнорирует только личный состав ВСБ! Я еще курсант, моих данных нет в базе. Как ты мог забыть об этом?!

— Я уже давно ввел твои данные, Вик.

— Лучше бы ты этого не делал, верни мой датчик...

Девушка коснулась ладонью шеи напарника, накрывая ею злополучный индикатор. Дмитрий торопливо надел шлем, скрывая лицо, и вынуждая ее убрать руку.

— Не раньше, чем твои приступы прекратятся. Ты закончишь Академию. Мы это уже обсудили. И больше не вернемся к этой теме. Держись крепче...

Виктория спрятала хмурое лицо под темным стеклом защитного шлема и вцепилась обеими руками в куртку напарника. Они молнией понеслись по оживленной дороге, въезжая в просыпавшийся город.

Девушка осторожно склонила голову, желая положить ее на спину друга, но в самый последний момент, отпрянула, отвернувшись в сторону гаснущих на улицах огней. Деревьев на видимой территории практически не было. Академическая аллея, была единственной в своем роде роскошью, которую себе мог позволить плотно застроенный, ограниченный Стеною город. Был еще небольшой парк в самом центре ее района. Совсем маленький, бережно охраняемый. Управлением города было запрещено озеленение улиц, но из соображений безопасности, и поощрения позитивного влияния той самой частички природы на сознание граждан, разрешено было использовать крыши домов, как оранжереи. Там, под высокими небесами, шумели зеленые кроны, ей казалось, что даже через металл шлема, несясь на полной скорости, она ощущает запах свежей листвы, травы нагретой утренним солнцем...

Она была готова поклясться, что именно так и было, что само по себе было абсурдным. Виктория отогнала смущавшие мысли, сосредоточившись на предстоящем дне. Вчерашняя потасовка сорвала все ее планы. Она не могла усидеть на месте, готовая бежать пешком, лишь бы успеть. Целая ночь потеряна! Мать в сердцах заперла ее в комнате, не дав вернуться и все закончить. Теперь оставалось лишь скрежетать зубами и молиться, что нужная ей как воздух вещь, еще никем не подобранная, дожидалась ее во дворе. Сегодняшний день она намеревалась провести совсем иначе, но наглотавшись успокоительного, искренне веря, что этого хватит, Виктория привычно хлопнула ладонью напарника по плечу. Тот, кивнув, съехал с дороги, и остановился.

— С матерью увидишься?

— Нет! — девушка коротко тряхнула головой, чем вызвала усмешку на лице Левина.

Она протянула ему шлем.

— Что собираешься делать, Вик? Я буду занят весь день, а возможно и несколько дней.

— Я собираюсь не мешать тебе! — она вновь становилась похожей на маленького

волчонка, не понимая в такие моменты, что лишь умиляла его, такова уж была его натура.

— Обещай связаться со мной.

— Там связи нет, Вик. Башню повредили, при последней потасовке. Группа техников, высланная для ремонта, пока еще не закончила работу.

— Ты опять патрулируешь? Ты только вчера вернулся! — она возмущенно глядела на него, спрятав руки в глубокие карманы великоватой куртки.

— Кое-что произошло, — он не продолжил, поскольку совсем не хотел, чтобы вчерашний инцидент повторился.

— Что?

— Мне действительно пора. Увидимся...

Сегодня он избегал расспросов. Ее это немало возмутило, но она собиралась поступать так же, поэтому спорить было нечестно.

Черный всадник удалялся, тая среди множества машин наполнивших оживленные улицы. Виктория дождавшись, пока Левин скрылся из виду, поспешила к Академии. Необходимо было успеть переодеться, так как сегодня ей не предполагалось находиться на занятиях. Строго запрещено напарником находиться рядом с ИЛом. Форма, была уложена в рюкзак за спиной, небрежно накинутый обеими шлейками на одно плечо. Перескакивая через забор, и тем самым сокращая дистанцию вдвое, она окунулась в неожиданно резкий запах цветущих деревьев аллеи. Он опьянил ее, наполнив легкие.

— Да что такое?.. — Виктория попыталась сконцентрироваться. Изображение перед глазами перестало кружиться, и она побежала к входу.

— Кажется, перестаралась с успокоительным...

Высокие ботинки бесшумно пересекали обширную площадь внутреннего двора, раз за разом. Она безуспешно вглядывалась в каменную плитку, кое-где расколотую временем и сотнями тяжелых ботинок истоптавших ее за многие годы. То, что ей нужно было, словно и не существовало.

— Черт!!! Тысяча раз, черт!!!

Она поддела ботинком, зашвыривая, попавшийся под ноги камушек, и только тогда, проследив за его полетом горящим взглядом, заметила Его.

— Так вот ты где...

Небольшой серебристый накопитель, став торцом застрял в углублении у самого бордюра. Она поспешно склонилась к нему, дрожащей рукой осторожно вытаскивая его и отряхивая. Сдувая пыль и проверяя целостность, она облегченно вздохнула.

— Не поврежден...

Она тихо засмеялась, поднимаясь во весь рост. Теперь осталось встретиться с Зои и бежать прочь, пока действие таблеток не улетучилось. Левин не должен был знать, что она надумала. И он, конечно же, должен был быть в безопасности. Как она и обещала.

Стены в коридорах второго этажа Академии, полностью выполнены из прозрачного стекла. Раньше она особенно любила пройтись по ним рано утром, когда солнце только поднимается. Тогда стоит остановиться посреди одного из них и замереть в ожидании чуда. Первые лучи начинают золотить края, у самого пола, а через мгновение ты оказываешься в искрящемся золотом потоке. Девушка как всегда зажмурилась, не выдержав долгого созерцания солнца, и побежала к темнеющим впереди ступенькам. Сегодня занятия на самом нижнем уровне. Лаборатории... все эти опыты были ей отвратительны до нервной дрожи, одно только радовало — добытая информация, которую она сжимала в руках. Накопитель покажет, что ей удалось притащить. Собственно, это было единственной причиной, убедившей ее переступить порог отдела исследований. Обычно в такой день она сидела, забившись в самый темный угол на заднем дворе Академии. Особенно в такой день... До тех самых пор, пока ее подруга не покажется в аллее ведущей от главного входа. Почему-то ее присутствие, она определяла безошибочно, поднимаясь на ноги и направляясь к ней, едва ее ботинки касались земли.

Она с тоской оглянулась на сверкавший вдалеке наполненный солнцем коридор. Сглотнув, она все же отвернулась.

— Такой день...

Что ж, сегодня день, когда отец покинул их. Сегодня мать как всегда заперлась у себя в кабинете. Сегодня она как всегда не пойдет на работу. Так она поступала всегда в этот день, сколько Виктория себя помнила. В память об отце у нее осталась только небольшая фотография, в скромной деревянной рамке, которую она бережно хранила. Со снимка на нее глядел усталый незнакомец. Волосы темные, глаза пронзительной синевы, той самой, которую она наблюдала, глядя на себя в зеркало. Фотография явно предназначалась, для каких-то документов, и парень на ней точно не был любителем фотографироваться. Угол ее был замят и утратил цвет. Ее всегда удивляло то, что после гибели отца ничего не осталось, кроме этой официальной бумажки, но мать так на нее глядела, когда она еще совсем девочкой пыталась ее расспросить, что Виктория оставила ее в покое. Когда-нибудь она ей все сама расскажет, а пока приходилось мучиться в догадках и в одиночестве. Вот уже девятнадцать лет. Одна в своем кабинете, отгораживаясь от реальности, другая убегая куда-нибудь, лишь бы этого не видеть. Девушка на минуту притормозила около дверей кабинета, поправляя аккуратную темно-зеленую куртку. Затем последовал черед брюк и маленького берета. Все, форма курсанта АСБ в порядке, она небрежно закинула две роскошные темные косы за спину, и, ощутив их привычную тяжесть, не сдержала вздоха — они как всегда начали расплетаться. Это было ее наказанием, проклятием, ее крестом. Никакая сила не способна была удержать ее волосы в порядке. Они все равно рассыпались. Виктория тяжело вздохнула и решительно распахнула двери.

В огромном помещении, разделенном на множество секций стеклянными перегородками, уже шла работа. Лавируя среди прозрачного лабиринта, Виктория пробиралась в самый конец лаборатории. Их с Зои любимое уединенное место. Здесь им никто не мог помешать заниматься «научной ерундой», как любит говорить профессор Ссон. Где-то справа кто-то из курсанток дико заверещал. Девушка мимолетом глянула, как огромная мохнатая жаба, выпучив желтые глазницы, погнала светленькую девчушку, между

рядов холодильных шкафов. Существо явно было несогласно с заверениями об особой важности проводимых опытов, и не собиралось жертвовать собой, ради науки...

Виктория, почувствовав вмиг жар, поднимавшийся из самой глубины груди, заставила себя дышать ровнее и направилась к рабочему месту. Зои прикинула к микроскопу, не заметив ее прихода, и подскочила, перевернув половину препаратов на блестящий мраморный пол, когда подруга с грохотом закинула свой рюкзак на широкий стол.

— Черт тебя побери, так пугать! Я на десять лет постарела...

Виктория ни как не отреагировала на ее громкое замечание.

— Что ты здесь делаешь? Выглядишь как кусок...

— Лучше замолчи.

— Лучше будет, если ты немедленно уберешься, дорогуша! Знаешь ведь — будет плохо.

— Мои планы, как ты помнишь, вчера были немного подпорчены...

— Ты нашла его?

Виктория положила на стол накопитель.

— Я нашла кое-что в Пустоши. Они здесь. Я сделала снимки. Черт, еле нашла его во дворе. Хорошо, что упал у края бордюра. Вчера искать при Димке не представлялось возможным.

— Что ты нашла?

— Следы. На стволах деревьев у Болот, — Виктория нервно стучала носком грязного ботинка по металлической ножке стола.

— У Болот? Ты была у Болот?! Ты совсем из ума выжила! Так глубоко, даже Патруль не рискует забираться!..

— Не ори. Голова и так раскаляется. Отметины на коре, более пятнадцати миллиметров глубиной, Зои. И это еще не все...

Виктория включила прибор. Голографическое изображение возникло над столом.

— Гляди... — она указала пальцем на четыре рваных «раны» на стволе сосны.

— Высота нижней отметины — более 186 сантиметров, подруга.

— Выходит, существо, оставившее эти отметины, должно быть более двух метров ростом, — Зои скептически кинула взгляд на подругу.

— Что значит «должно быть»?

— Этому наверняка есть разумное объяснение.

— А я, значит, объясняю не разумно!..

Виктория стиснула края стола, по привычке глубоко дыша и успокаиваясь.

— Прости... Но это — Волки, Зои!

— Брось, они большие конечно, но это нелепо. Встань они на задние лапы, то были бы с тебя ростом, но не думаю, что стали бы так когти точить. Они не коты...

— Ты когда-нибудь видела хоть одного живого Волка?

— Ты же сама прекрасно понимаешь, Вик. Мы располагаем данными. Ты с ними знакома.

— Ты сама биолог. Но живой образец ты не видела. Только данные на бумагах! Зои! Существо, оставившее эти отметины, не точило когти, оно отталкивалось передними лапами, ускоряясь. На земле есть следы лап...

Следующая группа снимков показала ботинок, рядом с которым находился нечеткий отпечаток, в два раза превышавший ступню девушки. Зои судорожно выдохнула, выключив прибор.

— Ты показывала это кому-нибудь?

— Слушай, не начинай снова. Ладно? Я не сошла с ума. Я тебе докажу!

— Тебе не надо никому ничего доказывать, Вик. Тебе надо разобраться с собственными проблемами. Твоя мать не дура. Скоро, очень скоро, она поймет, что ты сидишь на таблетках. Тебе нужен хороший специалист, Вик. Я им не являюсь. И я не знаю, сколько еще я смогу покрывать вас с Левиным. Вы ходите по лезвию. Закончи спокойно Академию, и забудь про все остальное.

— Мне нужен пропуск.

Зои прикрыла глаза. Она снова говорила сама с собой.

— Ты не пойдешь в Купол. Не в таком виде.

— У меня нормальный вид!

— Ты похожа на зомби! Сколько ты приняла? Две? Три?

— Пять...

— Ты дура! Вик, мы ищем информацию по 12 году. Это научное исследование. Это взаимовыгодно нам. У тебя — допуск, у меня — мозги...

— Ну, спасибо!

— Пожалуйста! Времена зачистки, это история, это необходимая вещь, это память...

Зои умолкла, поняв, что ее не слышали.

— Я знаю, мы договорились. Но это нельзя оставить просто так. Я чувую, что-то неладное...

— Чуешь?! — Зои всплеснула руками.

— Я иду туда. Если эти твари там, я должна знать, что за этим стоит. Мне нужен пропуск, Зои.

— Плохая затея, дорогуша! Посмотри на себя. Твои зрачки расширены, ты дышишь как загнанная собака. Я не пушу тебя в Купол. Если тебе станет плохо? Если твой лейтенант тебя кинется? Мне конец!

— Мне там легче дышать, Зои. Я задыхаюсь здесь, словно в клетке. Там — свобода...

— Вик!

— Димка в патруле. Его не будет некоторое время. Связи в Пустоши с городом — нет. Ему придется подъехать к самой стене, чтобы связаться. Он не станет уходить с маршрута, ради звонка мне...

— Ты же понимаешь, что он это сделает, да? — она умоляюще глядела на взъерошенную подругу.

— Пропуск, — Виктория протянула руку, ожидая действий подруги.

Зои вытащила из кармана белоснежную карточку, неуверенно протянув ее подруге.

— Все же мы не должны...

— Черт возьми, она моя! Я всего лишь попросила тебя побережь ее. Вечно теряю, мать опять под замок посадит...

Виктория схватила пропуск, и, чмокнув подругу в веснушчатую щеку, пулей вылетела из лаборатории.

Глупо конечно было днем сюда заявляться. Но когда он в такие моменты был разумным?..

Мик потрянул темной головой, убирая с глаз волосы. Ветер поднялся не шуточный, поднимая клубы ржавой пыли и засохшую листву. Он предательски дул в спину, весьма ощутимыми порывами, словно хотел сбить с ног. Старая дорога выглядела пустой и заброшенной. Ей крайне редко пользовались. Молодой человек, крепко удерживая канистру, намеривался доставить бесценный груз заказчику, во что бы то ни стало. Восхитительный запах, разносимый ветром, говорил о том, что времени у спелых ягод осталось не так много.

Он прошел еще метров триста, когда почуял, что с любимым запахом смешался еще один. Это был запах опасности... запах бензина... еще миг, и звук работающих двигателей, зазвучал для него сигналом. Мик свернул с дороги, при этом перечисляя гневные ругательства. Какого черта тут забыл патруль? Он укрылся в тени деревьев, где с вершины холма ему отчетливо было видно полотно дороги и стоящий неподалеку бар. Он-то и являлся для него целью.

— На машинах... — Мик разглядел три броневика прибывших в клубах пыли.

— Южане! Что забыли здесь?! Черт...

Мужчина вспомнил прошедшую ночь, и его глаза вспыхнули. Он, конечно же, мог почти без труда, провести северный патруль. Практически полностью он состоял из бывших военных и новичков АСБ. Это были работяги, просто делавшие свое дело, люди которых заботила лишь безопасность тех, кто попадался им на пути. Они по сути своей привыкли защищать всех, не деля на своих и чужих. Для них Стена была простой формальностью, и Пустошь являлась лишь районом. Плохим, вечно проблемным, но районом, частичкой их мира. Южане, все как один ищейки, выращенные и подготовленные лишь для того, чтобы находить и ликвидировать любую угрозу. Оснащение их весомо отличалось от их коллег с севера. Этот район был богат, и имел великолепные ресурсы, которые щедро тратились правительством, на собственную безопасность и безопасность границ. Это подразумевало и самую отвратительную, по мнению Мика практику, проводимую над офицерами патруля. Проект «Звероформа». Искусственно созданная учеными Белого Купола сыворотка, вводимая всему экипажу Южного патруля. Они снова играли в Бога... Казалось прошлого урока было достаточно. Но не им. Сейчас они были рады, чувствуя в своих венах дикую животную мощь. Как и те глупцы в 12 году... Молодой человек издал тихий грудной рык, отодвигаясь дальше в тень, и перемещаясь, не давая потоку ветра разнести весть о его присутствии тем, кто высадились на дороге, и теперь ждали указаний своего командира. Он увидел его. Короткополая шляпа скрывала глаза, когда он медленно огляделся. Подняв воротник черного пальто, Видаль глянул на холм, укрывавший полосу леса, и застывшего там человека. Мик видел, как он втянул воздух, смешанный с пылью, словно поисковая собака, и замер, вглядываясь в темнеющие деревья. Это длилось мгновения, затем он отвернулся, приказав людям, рассредоточится и обыскать округу. Сам же, к ярости Мика направился к бару в сопровождении двух офицеров. Они чуяли, они искали. Они и сами не подозревали, насколько были близки. Он столько раз порывался открыть им правду, ткнуть их в нее, как шкодливых щенков, но в последний миг всегда останавливался. Если правда всплывет, правительству Южного сектора придется сворачивать свой проект. Их всех пустят в расход.

Всех до одного... столько жизней он забрать не мог. До тех самых пор, пока звероформа не прирастет к ним, чертовой шкурой...

Он наблюдал, как они рыскали, расспрашивая людей. Естественно все попрытались и отмалчивались.

Оставалось переждать, пока чужаки уберутся и закончить дело...

Местный захудалый бар под незатейливым названием «Ласточка» был одним из тех мест, где тебя могут лишить жизни, только за то, что ты криво посмотрел. Но перед этим ты можешь наесться, как в последний раз... хозяйка знала толк в кухне.

Мик толкнул ногой обшарпанную дверь, и попытался, не привлекая внимания пробраться к стойке. План провалился. Поскольку руки занимала проклятая бесценная канистра, а нога в мокром ботинке соскользнула и не успела придержать, чертовы двери. Те со страшным скрипом, а затем не менее страшным грохотом закрылись у него за спиной.

На него оглянулись даже мухи, роившиеся у открытых окон. Осталось только стоять, ожидая последствий. Но завсегда, лишь увидев блеск его глаз, опускали головы, стараясь отвернуться без резких движений. На этот раз обошлось...

— Мальш!

Мик вздохнул. Может его кто-то сглазил? Последнее время его не оставляло чувство, что он глупая буренка с привязанным на шею колокольчиком. Куда не повернешься — звон на всю округу.

Вот и сейчас, огромная женщина, с невероятной огненно-рыжей копной волос, в фартуке, поманила его пальцем. Яркие, цветастые татуировки покрывали все ее открытые руки.

Мик вздохнул еще раз.

Пока он приближался, нельзя было не заметить, как хозяйка прикусывает нижнюю выкрашенную в красный цвет губу, чтобы сдержать рвущийся наружу смех.

Мик подошел к стойке и осторожно водрузил на нее свою ношу. Наконец-то можно было вздохнуть спокойно.

— Твой заказ, Ханна. Все, как и договаривались. Теперь мы в расчете.

— Мальш...

Ханна окинула его взглядом с головы до ног. Ей не нужно было спрашивать, что за бурые разводы остались на рубашке.

— Я вижу, в этот раз ягоды сопротивлялись больше, чем обычно. Кончал бы ты ерундой заниматься!

Хозяйка нахмурилась и что-то тихо пробормотав, удалилась на кухню. Он хотел было уже идти, как вдруг «это» пригвоздило его к полу. Это был самый чарующий аромат, в его жалкой жизни... ради него стоило умереть... или убить...

Мик обернулся, Ханна уже стояла рядом. В ее руках, на деревянном подносе, дымился черничный пирог.

— Послушай, детка, разбитые окна, это конечно плохо и ты должен был все исправить. Но ты всегда все вгоняешь в крайности! Они не стоят того, чтобы за них умереть!

Мик принял подарок и вмиг, небритое лицо озарилось улыбкой, обнажая аккуратные белоснежные клыки.

— Зато он стоит того...

Она словно мать дитя, потрепала по щеке это обаятельное чудовище, затем отобрав свой ароматный шедевр, и принялась кроить его огромным тесаком. Мик присел на высокий

деревянный стул, положив голову на руки и словно щенок, ждавший любимой косточки, следил за ее работой.

— Ханна, что они хотели от вас? — он спросил почти беззаботно, словно, между прочим.

Если бы у него был хвост, он бы, несомненно, вилял им, для пушей убедительности.

— Только не говори мне, что это твоих рук дело! — огромное лезвие, прямо перед его носом, вонзилось в деревянное покрытие стола, пройдя навывлет.

Мик поднял голову, осторожно вынимая нож из стола.

— Ты привел сюда южан?!

— Тише, дорогая. Они пришли сами. Вчера они потеряли четверых своих. Теперь будут шнырять по округе в поисках виновных.

— И кто виновен? — хозяйка прищурилась, вновь выхватив нож из его рук и махая перед его лицом.

— Разве я способен на такое? — его восхитительные зеленые глаза зажглись теплым огнем. Он склонил голову набок, в ожидании глядя на нее.

— О Господи, ты не выносим... — она запустила руку в его волосы, откидывая их назад, и открывая лицо.

— Тебе нужно что-то сделать с ними, ты же ничего не видишь!

— Я все прекрасно вижу. Они мешают только тебе...

Он вдруг осекся, и резко обернулся. Ханна встревожено проследила за его взглядом. Но не заметила ничего.

— В чем дело, малыш? Что ты почувал?

Мик поднялся, все тело его было напряжено, как перед прыжком. Он не ответил. Поскольку он сам не знал, что именно встревожило его. Что-то проскользнуло в воздухе, в сознании и растворилось. Он постоял так в нерешительности с минуту, затем вернулся к столу.

— Заверни мне весь. Я пойду...

— Что произошло? — Ханна достала кусок холста, и аккуратно положив куски пирога, завернула его, завязав края ткани.

— Все в порядке. Я свяжусь с тобой. А ты немедленно выйдешь на связь, если тебя потревожат еще раз. Ты поняла меня?

Он не дождался ответа. Выйдя под палящее солнце, он вдохнул полной грудью. Опять смятение. Он должен был идти, идти туда, куда вело его это чувство. Он не понял, как разжалась его рука, выпуская горячий сверток, еще миг, и он молнией кинулся в сторону леса.

Она обернулась назад, глядя на величественные, темнеющие на фоне яркого неба постройки. Ветер пытался сорвать с нее куртку. Она удержала ее, но с кепкой пришлось распрощаться. Она улетела так высоко, что через мгновение, девушка потеряла ее из вида.

— Черт!

Солнце палило нещадно. Она стянула куртку, перекинув ее через шейку рюкзака, чтобы не улетела.

Огромное пространство, занимаемое Городом, за ее спиной было отгорожено старой стеной. Не менее древний мост, темной рукой простирался над Пустошью, соединяя город с Белым Куполом. Прекрасным бриллиантом сиял он сейчас в лучах солнца, своей стеклянной крышей, удерживаемой многочисленными опорами. С обратной стороны Купола был виден темный отросток, метров в пятьсот длиной. Когда-то, это было попыткой соединить два сектора, северный и южный. Правительства намеревались провести вторую часть моста, отходящую от научного центра к стене, отгораживающей южан от выжженных земель. Уже началось строительство, когда от них поступил отказ. Тогда все пошло не так. Последствия последней войны были еще слишком ощутимы для людей, оставшихся в живых. Шел 12 год... никто не считал себя в безопасности. Мост представлялся им слишком уязвимым. Они решили строить подземный тоннель. Так в наши дни, совместный проект Белый Купол был соединен видимой, и скрытой тропой. Теперь тот брошенный участок использовался патрулем, его реконструировали, превратив в подъемную платформу.

Виктория продолжила идти. Следы, обнаружены ею были уничтожены дождем, как она и ожидала, но следуя за отметинами, она пробиралась через лес, пока не оказалась на открытом пространстве. Скалы вокруг, залитые солнцем, сверкали, она почувствовала, как горят веки, и прикрыла глаза руками.

— Чертова кепка!

С одной стороны скал, лежали Мертвые города. Полностью разрушенные, продолжая и в наши дни оседать, они превратились в кладбище камня и бетона. Находится, на их территории было настолько опасно, что туда не совались даже мародеры. С другой стороны, рассекая большую территорию, почти ровной линией простирался лес. За ним властвовали болота. Богатые на целебные травы, так ценившиеся у местных жителей, не имеющих достойной возможности получать лекарственные средства с «великодушного» дозволения Купола. В поселок находящийся между городами, медикаменты доставлялись нерегулярно и не в полной мере обеспечивали его обитателей. Также болота были не менее щедры на существ, готовых съесть тебя целиком, ну или по частям. Это уже зависело от собственной удачи. Поэтому охотники крайне редко туда заходили, и от того принесенная ими добыча ценилась очень высоко...

Она прошла по узкому выступу на более удобное и открытое место. Солнца здесь было еще больше, но и обзор открывался шире. Она потянулась рукой за шейками рюкзака, как прямо перед ней посыпались мелкие камни, смешиваясь с сухой землей и пылью.

Она инстинктивно отступила, поднимая голову. Скалы уходили ввысь, не давая возможности что-либо разглядеть на более высоких уступах.

— Есть там кто?

Ответом было тихое рычание, звук низкий, грудной доносился откуда-то совсем рядом,

у нее над головой. Она не опуская головы, потянулась к кобуре и вытащила оружие. Сделав два шага назад, она вглядывалась в горячие камни.

Огромные лапы обхватили край выступа, и существо подтянулось, пытаясь разглядеть свою вожделенную добычу, к его огромной ярости находящуюся вне досягаемости. Злобно зарывав, он продолжал сокрушать камни, молотя длинным хвостом. Волк оглядывал окрестности, выбирая себе путь для спуска, но едва успел обернуться назад, как пришел в дикую ярость. Его соперник, еще большего размера, с клочковатой чернеющей шерстью, не сводя алых глаз, обходил его, намереваясь атаковать. Зарывав, зверь замахнулся лапой на нежданного гостя. В ответ, оглушительный рык сотряс скалы.

Виктория прижалась к камням, отступая назад к тропе. Затем остановилась, поняв, что возможно сама придет к тем, кто явно хотел ею пообедать. Пока она здесь внизу, у нее есть шанс остаться вне досягаемости. События вверху тем временем принимали жестокий размах. Она слышала, как существа, кем бы они ни были, схватились друг с другом. Еще момент, и грохот раздался прямо за ее спиной. Она резко оглянулась, поднимая руку с оружием.

Но, проклятое солнце обожгло ее до слез, дав увидеть лишь огромный бесформенный силуэт, в отчаянии взмахнувший то ли руками, то ли лапами. С ужасающим скрежетом, его когти пытались уцепиться за камни, но, не удержавшись, соскользнули в бездну. Яростный рык разлетелся по округе.

— Проклятье!.. — Виктория зло потерла глаза, тряся головой, — проклятье!!!

Она упустила возможность, которая наверняка больше не выпадет.

На камнях отчетливо виднелись царапины, и девушка, подойдя к краю, глянула вниз.

— Что же там произошло?

Они сцепились и упали со скал? Черт побери... ей нужно хоть один раз увидеть это существо живым...

Все стихло. Расстроившись там, где на ее месте другая бы благодарила Бога, за благополучный исход, она присела, сняв рюкзак. Голова шла кругом. Достав накопитель, Виктория вставила прибор в камеру, делая панорамные снимки. Коса за ее спиной, больше не удерживаемая шлейками рюкзака, стала расплетаться. По началу, девушка старалась не замечать пряди, падавшие на глаза и мешавшие работе, пока они окончательно не вывели ее из себя. Удобно усевшись, она принялась сплести их обратно...

* * *

Непонятное чувство влекло его, до самой окраины леса, через огромное поле, туда, к голым выжженным солнцем скалам. Еще немного, еще пара шагов, и чувство сформировалось в понимание. Мик замер, вдруг осознав, как раненую грудь охватило огнем. Тихий рык наполнил тишину вокруг, постепенно становясь бесшумным дыханием. Молодой человек схватился за шею, словно охватывающее ее кольцо, дарило ему успокоение.

Что же происходит? Какие дьяволы с ним играют?..

— Это невозможно...

Мик не сразу заметил ее. Зато манящий запах ощутил уже давно. Он шел за ним не в силах оторваться, гадая, что это может быть. Одно он знал точно, никто в Пустоши не источал такого аромата. Это был запах детства... запах скошенной травы, полевых цветов... запах жизни бившей как ключ...

Он соскочил с камней на огромное поваленное дерево. Полуденное солнце светило в спину, согревая ее своим теплом. Прекрасное место, чтобы как следует все разглядеть. Его цель была в низу. Незнакомка, в пыльной, но добротной одежде сидела на земле, и, осыпая все вокруг проклятьями, пыталась распутать копну длинных волос. Они никак не поддавались и, Мик слышал, как дыхание ее участилось. Еще мгновение и она разразилась столь непристойной бранью, что молодой человек ненадолго опешил.

— Такого даже я не знал...

Девушка почувствовала его присутствие, и резко откинув спутанные пряди за спину, устремила свой взгляд в его сторону. Мику нужно было всего мгновение, чтобы исчезнуть, но ноги словно приросли к стволу. Ее волосы... согреты солнцем, блестящие роскошные, обрамлявшие перепачканное лицо... вот что было источником, тем самым, что заманил его сюда. Аромат исходил от них. Он пьянил и волновал. И было еще что-то. Именно то, смутное, что вело его. То, что он не мог объяснить себе.

— Почему я тебя знаю?..

Мик лишней раз проклял свою звериную сущность, заставляющую вести себя порой как идиот. Вот и сейчас, какого рожна он тут делает?!

* * *

В голове все сильнее шумело. Пытаясь прийти в себя, Виктория на время ослепла, резко повернувшись и глянув прямо на солнце. Но зрение постепенно возвращалось, а вместе с ним и нежданное видение, появившееся из солнечного света. Девушка открыла рот но так и замерла не найдя слов, от удивления и восторга. Видение было прекрасным. Его сияющие изумрудные глаза горели ярче солнца. Видение нахмурилось явно от того, что его застали здесь и к огромному ее разочарованию, в мгновение растворилось в воздухе. Она попыталась дышать ровнее и попытаться, наконец, добраться к спасительной тени у камней. Ватные ноги просто отказывались идти дальше. Если бы ее любимую кепку не унес, чертов ветер, сколько можно было бы успеть сделать до заката! А теперь ей мерещится.

— Пожалуй, на сегодня хватит... — она, тяжело дыша, опустилась, опираясь на гладкие камни. Короткая тень, немного скрыла ее разгоряченное тело.

Мик перелетел через поле в считанные мгновения. Лишь бы подальше от этой странной чужачки. Ветер обдувал разгоряченное лицо, и мужчина, наслаждаясь его прохладой, остановился у кромки леса. Все, ни малейшего намека на ее присутствие. Пусть остается там. Греется на солнце!

Он прислонился спиной к шершавому прохладному стволу дерева, пытаясь хоть немного остудить голову и вместе с ней и свои мысли.

— Как она могла сюда попасть? — он тряхнул головой, скрывая глаза под длинной челкой.

Кто она? Что с ним? Что происходит?!

Его мысли были прерваны. Гул двигателей, от пронесшихся совсем рядом машин, заставил его задержать дыхание. Он так глубоко задумался, что потерял связь с реальностью. Чертова девчонка! Патруль вел свои броневики в сторону скал, по-видимому, возвращаясь на свой обычный маршрут.

Значит, сегодня их день прошел впустую. Ну что ж, они едут в ее сторону, так что

незнакомке придется встречать гостей. Или же она одна из них?

— Побежишь ты, или пойдешь навстречу? Черт...

Мик продолжая ругаться, повернул ноги в сторону удалявшегося патруля.

— Идиот...

Да, он был идиотом, но даже этот собственный вывод его не остановил. Он, по собственным следам возвращался к скалам.

Вытянув ноги в высоких ботинках, она еще раз обвела округу камерой. Ее внимание привлекла неизвестная растительность, фиолетово-дымчатая, она трепетала на ветру одиноким кустиком. Девушка пригляделась и поняла, что куст двигался.

— Что за дрянь? — она поджала ноги, продолжая снимать.

Тем временем, «куст» поднялся, качаясь на длинных черных лапах. С тихим свистом, из перьев, которые она ошибочно приняла за листья, появилась продолговатая голова с длинным клювом. Бесконечная шея, изгибалась, поворачивая голову из стороны в сторону, словно змея. Сиреневые глаза, прозрачными бусинами изучая, глядели на нее. Существо было метра полтора высотой.

— Птица!

Девушка вздохнула, вытирая пот со лба. Рядом с нею, повторяя, вздохнула неизвестная птица и присела в тени. При этом ее легкие перья всколыхнулись и печально опустились вслед за ней.

Виктория усмехнулась, дивясь на нее. Она переключила прибор, проверяя наработки, когда услышала шум, благо издалека, благодаря порывам ветра, дувшего в ее сторону. Она поднялась, выглядывая из-за камней. Руки сжали их острые, нагретые солнцем края.

— Южане?.. — она почувствовала, как кровь застучала в висках.

Ей нужно было исчезнуть. Они не должны были обнаружить ее здесь!

— Оставайтесь на месте! — мужской голос заставил ее замереть.

Ее нашли. Она прикинула, каковы ее шансы на побег, но подъезжавшие две машины свели все к нулю. Виктория быстрым движением вытащила накопитель с камеры, запихнув его за пазуху и, выдохнув, развернулась.

— Руки подними!

Девушка нехотя послушалась, глядя на двух мужчин. Один из них держал ее на прицеле. Южанин был облачен в китель черного цвета с застежкой на пять серебряных пуговиц. Высокий воротник-стойка, не позволял ему, и так преисполненному высокомерия, опустить голову. Плетеный кожаный ремень пересекал его грудь, удерживая за спиной черный арбалет.

— Я считал сегодняшний день впустую потраченным. И вот, такое неожиданное окончание... — второй мужчина в черной рубашке, снял шляпу, улыбаясь ей. Его глаза играли бликами золота, и Виктория криво усмехнулась. Звероформы...

— Мое восхищение сеньорита, — Хавьер подошел к ней, совсем близко, и бережно подняв прядь ее спутанных волос, поднес их к своему лицу.

— Я гадал, что за диво может источать столь тонкий аромат, но не ожидал найти среди скал редкий цветок.

Виктория не выдержав больше, зло выдернула свои косы из его рук. Он лишь мило улыбнулся, беся ее еще больше. Капитан приказал опустить оружие. Его взгляд вернулся к девушке. Изучая ее лицо, Видадь обратился к офицеру позади него.

— Принесите воды. Цветы нужно поливать, полагаю.

— Мне не нужно! — Виктория обошла его, направляясь к своим вещам. Но один из оставшихся патрульных, ловко опередил ее, подняв рюкзак с земли.

— Верни мои вещи! — ее руки сжались в кулаки.

Оружие в руках южанина вновь нацелилось на нее.

— Кто ты и что делаешь на этой территории?

Она набрала воздуха, готовая выдать какую-нибудь нелепицу, лишь бы отделаться от них, как ветер решил за нее. Вскинув порывом ее волосы, он обнажил шею, и одного взгляда капитана на индикатор было достаточно. Он рукой опустил дуло, велел помощнику отойти к машине.

— Значит, офицер ВСБ... нет, полагаю — курсант, вы слишком юны.

«Цветок» тихо заворчал, пользуясь моментом, и хватая вещи, так кстати, оставленные патрульным.

— Что делает курсант АСБ среди Пустоши? Где ваш курирующий офицер?

— На каком основании, капитан Южного патруля задает мне подобные вопросы? Вы нарушили территорию патрулирования. Это Северный сектор!

Он не ответил, просто молча, любовался ее раскрасневшимся лицом, чем привел ее в крайнее негодование.

— Ваш пропуск.

Она поджала губы, и полезла в нагрудный карман куртки. Вытаскивая ее, она уронила рюкзак и кинулась поднимать его. Одновременно с ней, эта мысль пришла в голову и капитану. Не ожидая подобной реакции, она едва не расшибла ему лоб, больно ударившись об него своей головой. Шляпа Хавьера слетела, упав на землю.

— Сам виноват! Не нужно было дергаться! — Виктория подняла вещи и протянула капитану белую карточку.

Он даже не попытался поднять свой головной убор. Развернув руку ладонью вверх, он открыл панель на широком черном браслете. Фиолетовая птица, любопытствуя, поднялась на своих ходулях, и проковыляла к нему, заглядывая в руку. Хавьер осторожно отступил от нее, почему-то глядя на Викторию так, словно сомневаясь в ее рассудке. Осторожно, второй рукой он достал оружие и отстрелил пернатому созданию голову. Повернувшись к патрульному, он сухо проговорил:

— Пат, предупреди остальных экипажи — Лила, вернулись раньше в этом году. Нужно подготовить снаряжение.

— Ты! Зачем ты убил эту птаху?! — для несведущей незнакомки он был все лишь монстром.

Он вздохнул, и терпеливо пояснил:

— Лила, смертельно опасны. Но в отличие от других хищников — выглядят совершенно безобидно. Сейчас они мигрируют. Местные жители, да и другие животные могут пострадать. Но сейчас вернемся к нашему вопросу, пока эти фиолетовые бестии не слетелись со всей округи.

Приложив карточку к считывающему устройству, он, недоумевая замер, затем повторил операцию еще раз.

— Сомнений в подлинности пропуска у меня нет, но вот...

Виктория выхватила бесценный пропуск, запихивая обратно в карман.

— Что не в порядке? Вы проверили документы. У меня есть разрешение проводить работы на этой территории...

— Вы отклонились от разрешенного радиуса более чем на четыре километра, сеньорита. Это территория Южного сектора. Так что вы в моих руках... — он восхитительно улыбнулся.

Она еще сильнее покраснела, яростно метая молнии, в глазах. Ее уличили, черт, только бы не спросил! Пора бежать!

— Виктория Вереск, вы действительно дочь Софии Вереск? — его голос тек, словно густой мед.

Она угрюмо кивнула, и он услышал, как сердцебиение ее участилось.

— Почему дочь главы Северного сектора учится в АСБ?

— Это мое дело! Если это все — я пошла! — она развернулась идти, не дожидаясь его ответа, но ее достаточно крепко ухватили за руку, останавливая.

— Я не отпускал вас.

Не выпуская из цепкого плена ее руки, Хавьер наклонился и поднял свою шляпу. Хорошенько встряхнув ее, и обтерев о свои дорогие брюки, он к изумлению Виктории, нацепил шляпу на ее кипевшую голову.

— Нежные цветы любят тень, сеньорита, — его рука разжалась, выпуская ее.

— Я ухожу! — она повторила попытку убраться с этого куска выпаленной земли.

— Если я брошу вас здесь, то не прощу себя, до конца своих дней.

— Нет!

— Я не буду спать всю ночь, думая, как вы добрались. Здесь полно диких зверей, диких людей.

— Я курсант АСБ, я не на прогулке! У меня не закончена работа!

— Отлично! Я могу связаться с вашим курирующим офицером и запросить подтверждение этой информации?

— Едем...

Мик соскочил с камней, приземлившись на пыльную землю. Немедля, он повернулся к пернатому существу, яростно раздиравшему своего погибшего товарища когтистыми лапами. Вещица, которую он заметил, находилась прямо у ног птицы.

Бросив свой обед, Лила занялась неизвестным предметом.

— Пойди прочь! — он замахнулся, осторожно обходя ее.

У птицы мигом потемнели глаза, и она замерла с поднятой лапой, так и не успев закопать, блестящий металлом на солнце, выроненный девушкой накопитель. На шее ее и голове поднялись из перьев темные длинные как иглы шипы. Птица дико зашипела и кинулась на Мика. Ему ничего не оставалось, как ударом ноги отшвырнуть существо со скал, проверяя, не застряли ли в ботинке смертельно ядовитые шипы.

Он подошел к брошенной вещице и поднял ее отряхивая. Теперь нужно было отследить путь гнезда этих тварей и сообщить в поселок.

Девушка нечаянно помогла ему, на нее было отвлечено все внимание. Он еще раз глянул на огромные царапины у обрыва. Ему надо быть осторожнее, но это все труднее и труднее удавалось. В Пустоши становилось все болеелюдно... и Волки перестали осторожничать. Отходя все дальше от своих привычных троп, они вынуждали его поступать так же. Сегодня они пришли к Ханне, и он прекрасно знал, что вернутся снова. Если капитан добьется разрешения на совместное расследование, они не будут столь элегантны в действиях. Начнутся зачистки...

— Кто же ты, незнакомка? — он повернул голову в сторону хрустальной крыши сиявшей и слепившей глаза.

В груди отчего-то горько заныло, словно неведомая тоска охватила его, едва не заставив взвыть.

— Что же это? — Мик глянул на прибор.

Какой надо быть безумной, чтобы прийти сюда одной!? И как ей удалось? Капитан спросил, не дочь ли она главы Вереск. Отсюда разрешение на пропуск и независимые работы?

— Ты искала именно эти следы, не так ли?!

Сверкнув глазами, молодой человек перескочил через камни, направляясь подальше от этого места.

* * *

Ее приятно удивила чудесная прохлада салона машины. Она откинула голову на высокую спинку, стараясь глядеть исключительно в окно. При этом шляпа капитана свалилась с ее головы, подхваченная сидевшим рядом хозяином. Он кинул ее на свободное место. Машина была настолько чиста, что ее передернуло от саркастического смешка. Девушка закинула одну ногу на другую, крутя носком пыльного ботинка. Ее поведение вызвало улыбку у Хавьера. Но ей было не до капитана. Свежесть дарила облегчение, но это могло означать и другое — действие таблеток заканчивалось. Принять при посторонних очередную дозу она не смела. Да и не могла. Еще пара штук, и ее мозги, если они имелись

(по мнению Зои — нет) разлетелись бы по салону. Она усмехнулась своим мыслям. Попортить обивку, стереть улыбку с лица этого звероформа в дорогой одежде, было весьма привлекательно. Но не собственными внутренностями...

Виктория прикрыла глаза, надеясь поскорее закончить эту незапланированную поездку. Она мыслила все яснее, и перед глазами больше не плыло. Ура! Оставалось надеяться, что команда Видаля, или он сам не сделает резких движений. И не заведет ненужный разговор...

— Так я услышу его имя?

Девушка закусила губу. Купол приближался. Еще несколько минут. Она глубоко вдохнула и отвернулась к дороге.

— Капитан! Кажется, связь есть... — знакомый голос, зазвучавший в салоне, прерывался помехами, но был прекрасно узнаваем. Черт!!!

Почему он связывался с южанами? Почему техники сработали так оперативно?! Ей пора было сматываться.

Видадь помедлил с ответом. Он повернул голову к ней, и через мгновение кабина наполнилась восхитительным смехом. Виктория пришла в ярость. Он насмеялся над ней?! Убивают и за меньшее...

— Не может быть! — Хавьер едва заставил себя стать серьезным.

— Димитрий Левин — счастливый куратор. Господи, сегодня у меня один подарок за другим. Ему, пожалуй, будет интересно знать...

Он не договорил, Виктория молнией кинулась к его руке и выключила коммуникатор. Ее лицо при этом оказалось на опасном расстоянии от его лица.

— Не смей говорить ему! — она утонула в теплом золоте его глаз.

Хавьер улыбнулся, глаза хитро заискрились.

— Это будет дорого вам стоить сеньорита.

— Я не шучу капитан! Не вмешивай сюда моего напарника... — она теряла контроль.

В какое-то мгновение она поняла, что схватила его за грудки, оказавшись едва ли не на коленях, вырвав верхние пуговицы дорогой рубашки. Видадь ошеломленно слушал, как сердце ее выскакивало из груди, лицо ее пылало.

— Виктория! — он встряхнул ее основательно, и она, немного приходя в себя, отодвинулась от него в угол машины.

— Видимо пребывание на солнце, плохо на вас сказывается! Вам нужно показаться медикам.

Капитан одернул воротник рубашки, и включил прибор связи. Кабину наполнил шум.

— Видадь! Слышите меня?.. — голос Левина резал ей слух.

Она в надежде украдкой глядела на южанина. Выдаст, или нет?

— Хорошо вас слышу, Димитрий. Что у вас есть?

— Мы проверили район к востоку от болот. Там обнаружен огромный след. Радиус в несколько метров. Все выжжено. То же средство, «жидкое солнце» как вы его зовете...

— Так далеко мы выдвинуться не можем, лейтенант. Разрешение на совместное расследование все еще не утверждено. Благодарю вас за содействие.

— Не стоит, Хавьер. Это дело так же касается нас. Есть, какие новости?

Хавьер коротко глянул на свою попутчицу.

— Ничего, что бы вас заинтересовало.

— До связи!

— До связи, Димитрий, — Хавьер отключил коммуникатор.

Он не заговорил с ней, и не повернулся, как она ожидала. Отвернувшись к окну, он задумался, и молчал некоторое время поглощенный своими мыслями. Что-то мучило его, и это было связано с ее напарником. Она обязательно дознается у него. Какие у них совместные дела? Почему капитан южан добивается совместной работы?

— Черт!.. — Виктория не удержалась, — что такое «жидкое солнце»?

— Капитан, мы на месте! — патрульный остановил машину, опуская перегородку и поворачиваясь к ним.

— Какие дальнейшие указания?

Видадь откровенно проигнорировал ее вопрос, велел своему помощнику ждать. Он распахнул дверь и соскочил на дорогу с высокой ступеньки. Обойдя броневик, он остановился возле ее двери и открыл ее.

— Вы прибыли, сеньорита. Прошу... — он галантно подал ей руку, но она сделала вид, что не заметила этот жест и выпрыгнула в пыльную траву у самой дороги.

— Ступайте, Виктория. Я должен убедиться, что вы в безопасности. Вам не стоит более совершать подобных прогулок в одиночестве. Что так по мне, то вам вообще не стоит здесь появляться. Я не знаю, кто назначил патрульного офицера в кураторы, но это плохая идея. Вы не подготовлены, а у него нет должного количества времени, чтобы уделять его вам. Ступайте!

Он бережно подтолкнул ее к воротам Купола. Виктория не стала спорить с ним, но и не стала отвечать. Молча, не оглядываясь, она прошла сквозь распознавательную систему и скрылась за воротами. Девушка услышала, как через минуту взревел мотор, машина покидала территорию Северного округа.

— Забудьте сюда дорогу! — Виктория немедленно потянулась к майке, пытаясь вытащить накопитель. В груди ее похолодело. Прибора не было.

— Не может быть... — она судорожно ощупывала одежду, но проклятая вещь снова куда-то запропастилась.

Она глянула на ворота. Ей придется вернуться. Нельзя оставить его где-то там! Черт знает где!! Мало ли кто его мог найти.

Виктория, задыхаясь, выбежала на улицу. Погода портилась, еще недавно солнце плавало землю, а теперь, небо грозило пролиться холодной влагой. Она чувствовала привкус дождя в воздухе.

— Где же?.. — она озиралась по сторонам, соображая, как сократить путь, и куда двигаться вообще.

Где же она могла обронить его?! Нужно было прибить к руке гвоздями! Черт, в следующий раз она непременно так и поступит! Девушка сделала несколько шагов вперед и, выругавшись, остановилась.

Сложив руки на груди, он, широко ухмыляясь, глядел на нее, прислонившись к горячему боку броневика. Она пришла в неистовство, подумывая, как свернуть его шею, сжав кулаки, она перебирала в горячей голове варианты. В этот самый момент небо опрокинулось на нее стеной проливного дождя. Словно кто вывернул ведро холодной воды. Хавьер был почти уверен, что ее макушка дымилась при этом, остывая под струями освежающего небесного душа. Он, не переставая улыбаться, кивнул головой в сторону ворот Купола.

— Ненавижу тебя! — она зло топнула ногой, бессильно сотрясая кулаками.

— Это пройдет! — капитан нацепил шляпу на мокрую голову, — когда перестанете злиться, рад буду вновь вас видеть, Виктория!

Свежая вода стекала по коротким волосам, за шиворот, приятно холодя после жаркого дня.

Он сделал знак рукой развернуться и идти обратно. В ответ на него полился поток отменной брани. К ее ужасу, она видела, как плечи его подергивались, когда он садился в машину. Он смеялся над ней! Проклятый южанин!! Ей ничего не оставалось, как вернуться. Она вернется, она обязательно вернется! Стоп! Что означали его последние слова? Он понял, почему она вернулась? Значит, она обронила бесценный накопитель в машине? Тогда, когда пыталась вытрясти из него душу... Черт!! Ну что ж, он сам напросился. Она вырвет свою вещь вместе с его руками, и сотрет проклятую улыбку с его лица. Она вернулась в огромное здание, понимая, что лишний раз рисковать нельзя. Видаль и так знал слишком много. Если он свяжется с Димкой — ей конец. Как ее могло так угораздить? Похоже, Зои была права. В этот день ей нельзя было ходить в Пустошь. Но накопитель хранил информацию, которую капитан никогда не должен был узнать. Там имелось и довольно много личного... он под защитой, но вдруг, Видаль догадается, как ее снять?!

Лифт поднимал ее к небу, через прозрачные панели его, она могла наблюдать, как там, в вышине зажигаясь друг за другом, вспыхивали огни. Из окон ее дома так же лился теплый свет.

Странно, отчего матери так поступать?

Виктория прокашлялась, чувствуя, что в горле все пересохло. Пожалуй, от воды предложенной капитаном не стоило так категорично отказываться. Она не пила целый день. Вспомнив южанина, она нахмурилась. Нужно было непременно договориться о встрече.

— Как же это получше проверить? — Виктория поморщилась от одной мысли, просить этого наглеца.

— Все не так драматично, как может казаться на первый взгляд...

Профессор? Девушка превратилась в сам слух. Голоса за дверью звучали довольно отчетливо, чем немало удивили ее. Мало того, что сегодня мать принимала гостей, с чего они так громко разговорились?

— Так не должно продолжаться, Альберт. Эти провокации могут значительно навредить в...

Она нарочито громко распахнула двери, входя в прихожую. Мать, стоя в просторном зале, умолкла не договорив. Она была вполне свежа этим вечером. Длинное вязаное платье в пол, элегантно подчеркивало ее фигуру. Аккуратное каре каштановых волос обрамляло озабоченное лицо. Она нахмурилась, отчего тонкие морщинки в уголках серых глаз стали еще заметнее. Она все-таки устала, но была, как всегда сдержана и холодна. Тонкие губы, покрытые слоем безупречного тона помады, изогнулись, изображая дежурную улыбку. Она элегантно сложила руки на груди, поигрывая от нетерпения тонкими пальцами.

— Наслаждаетесь вечером? — Виктория, не разуваясь, прошагала по светлому вышитому цветами ковру, и потянулась к графину с водой.

— У тебя выдался трудный день, Виктория? — профессор отодвинул графин в сторону, наливая ей воду, в высокий синий стакан и повернулся к девушке.

Абсолютно спокойный и невозмутимый, что бы он при этом ни говорил, Альберт Ссон, глядел на Викторию из-под своей белоснежной челки. Своим привычным взглядом, который они с Зои втихую называли «воспитательным гипнозом». Она почему-то в такие моменты всегда гадала, какого же цвета у него глаза, а не о том, что от нее хотели услышать. Она проигнорировала протянутый стакан, принявшись жадно пить с тяжелого графина, переворачивая половину воды на себя.

Сквозь поток мыслей до нее донесся вопрос, который, наверняка, задавался уже не впервые:

— Ты снова пропустила занятия. Где тебя носило, Виктория? Что за оправдание ты приготовила для меня на этот раз?

Она краем глаз видела, что мать, не сводя с нее глаз, так же ожидала ее ответа.

— Я... я проспала...

Профессор почему-то вздохнул.

— Ну, что?..

— Ты меня разочаровала. Я ожидал, чего-то вроде падения астероида, или жутких монстров, сжевавших крышку твоего авто.

Девушка хотела что-то сказать, но слова почему-то не шли. Ей захотелось куда-нибудь сбежать, лишь бы избежать расспросов, или получить свое наказание, в виде дополнительных часов в выходные. Ссон словно почувствовал ее настроение, и произнес спасительные слова:

— Ступай отдыхать, мы обсудим твоё поведение позже.

— Вы мне не отец. Так что не распоряжайтесь в моем доме. Что касается пропусков, то это будет обсуждаться только в стенах Академии!

— Виктория! — мать гневно попыталась прервать ее, но дочь, стягивая грязную куртку и зашвырнув ее на белоснежное кресло, уже не слышала ее. Она с грохотом захлопнула дверь своей комнаты, и немного успокоившись, упала на кровать, так и не сняв ботинок. Мокрая майка холодила грудь и живот, еще больше остывая под врывающимся из открытого окна ночным ветром. Она потянулась к карману штанов и достала свой коммуникатор. Набрал привычный номер, она слушала бесконечный сигнал ожидания.

— Ну, давай! Вы же починили ее!! — она стянула мокрую одежду, и, вернувшись головой на одеяло, наконец, услышала единственный голос, который ей хотелось слушать бесконечно.

— Я хочу тебя видеть!

— Вик. Я в Пустоши... — она чувствовала в его голосе улыбку, и от того еще сильнее хотелось, чтобы он немедленно оказался здесь, перед ней.

— Ты должен быть осторожен!

— Я всегда осторожен.

— Сначала стреляй, потом думай!

— Это твой удел, Вик! Тут мне тебя не переплюнуть. Как ты провела день? Ты говорила с матерью?

— Я свяжусь с тобой позже!.. — Виктория отключила прибор, закинув его под подушки.

Он в порядке, это главное. Рассуждать о том, как она провела день никак нельзя, единственное правильное решение — сбежать.

— Это становится нестерпимым... — голос матери снова ворвался в ее голову.

— Это тот момент, когда достигнуто так много. Ты же понимаешь? — успокаивающие слова Ссона звучали еще настойчивей.

— Это тот момент, когда мне хочется сказать — довольно! Ты никогда не был на моем месте! Не боялся заснуть по ночам, зная, насколько оно близко...

— Чего они орут? Ночь на дворе... Какого черта я должна вас слушать?! — она закричала им прямо из комнаты, стуча ногою в стену, чтобы они притихли.

В ответ, полился нескончаемый поток жалоб и упреков от матери. Так же неожиданно он и прервался тихим всхлипыванием. Видимо профессору удалось уговорить Главу сектора.

Виктория, возвращаясь от стены к открытому окну, горько усмехнулась — это ему всегда удавалось. Мать всегда ее сторонилась, инстинктивно держа на расстоянии. Она всегда смотрела на нее, но словно не видела. После того, как начались приступы, они и вовсе потеряли друг — друга. За всю ее жизнь, ее гладили по голове единожды, этот священный момент проявления нежности и заботы она бережно хранила в памяти... и, в этом воспоминании не было женщины звавшей себя ее матерью. Это была рука, большая и тяжелая, рука человека, назвавшегося ее курирующим офицером...

Он один мог заставить ее сердце колотиться от бешеного восторга, только появившись,

или заговорив.

Раздавшееся бормотание прервало ее размышления. Девушка инстинктивно оглянулась, но комната, конечно же, была пуста. Откуда эти голоса? Это не из их квартиры. Эти голоса были ей не знакомы. Двое мужчин спорили, обсуждая пошлые подробности из своей жизни.

— Да вы издеваетесь? — она высунула голову в окно, подставляя ее дождю, и поняла, что говорят люди на улице.

Учитывая направление ветра, шумевший дождь и высоту, на которой она находилась, все происходившее было похоже на бред.

— Они вместе с датчиком впаяли мне в голову антенну, что ли?! Это новая модификация от ИЛа?! Почему Зои ничего не сказала?

На другом конце улицы протяжно завывла собака.

— Теперь точно не засну... хотя в любом случае не засну... завтра нужно быть одновременно в нескольких местах! Черт...

Девушка упала на одеяло, раскинув руки и ноги, болтая босыми ступнями, свисавшими с кровати.

— Нет, я должна с ним связаться... немедленно!..

Она подорвалась на кровати и, схватив пульт, запустила систему, на передней свободной от мебели панели комнаты. Большой экран засветился и, выбрав нужное меню, она ввела данные для поиска.

Девушка надеялась, что застанет этого самовлюбленного южанина дома. Только бы принял вызов.

— Наверное, лежит на золотом диване с бокалом в руке...

Ожидая ответа Хавьера, Виктория опустила на пастель пульт и, увидев, что сигнал принят, от волнения не глядя, подтвердила авторизацию. Нажав вместо одной кнопки несколько, она не заметила, что подтвердила двойную голоконференцию. Стена растворилась, и вместо нее появилось изображение. Она замерла на кровати, глядя, как он стоит посреди собственной комнаты, держа в руках пульт.

— Золотого дивана нет... — она скептически оглядела почти аскетическое убранство его жилища.

Сам же Видадь неожиданно оказался простым взъерошенным парнем. И куда подевался великолепный аристократ, который доставил столько неудобств? Влажные волосы в беспорядке падали к мягким карим глазам. Отчего-то широко распахнутым. Он замер в старом бежевом свитере и домашних штанах, босой.

— У тебя есть то, что мне нужно, капитан! Я желаю получить это назад!

Он не ответил, продолжая изумленно глядеть на нее. Да что такое? Связи нет? Он ее не слышит?

— Эй! Черт тебя побери! Ты слышишь меня?!

Она спрыгнула на пол, подойдя к голограмме вплотную. Хавьер неожиданно усмехнулся, глядя на ее растерянность.

— Я прекрасно слышу вас, сеньорита... — он глядел прямо на нее, словно мог видеть.

Конечно же, аппаратура передавала голос и его направление.

— Где и когда мы встретимся?

— Ваше желание столь велико? — он чарующе улыбнулся, проследив глазами за хрустальными каплями, взметнувшимися с ее мокрых волос, которые она перекинула за спину.

Воспроизведение было столь реалистично, что капитан инстинктивно отклонился, не давая влаге упасть на одежду. Что она ответила, он не услышал. Теперь взгляд его был прикован к восхитительной открывшейся панораме. Длинные волосы более не скрывали ее, и вода, стекавшая по ее шее прямо за край белья в голубой горошек, заставила кровь стучать в его висках. Капитан отступил вглубь комнаты, титаническими усилиями заставляя себя оторвать взгляд от ее груди.

Он заприметил мерцающий пульт у нее за спиной на смятой постели. Глядя на его панель, он понял, она наивно не догадывалась о своей ошибке. Чертики заплясали в его глазах. Хавьер присел в плетеное кресло, и, прихватив со стола один из фруктов, принялся с удовольствием жевать.

Она же мерила комнату нервными шагами, продолжая лить на него гневный поток своих праведных речей. Жарко жестикулируя, она, наконец, остановилась, сжав руки в кулаки. Он моментом почувствовал, как забилося ее сердце. Дыхание опасно участилось. Пора было заканчивать...

— Я скажу вам время встречи завтра. Надеюсь, вы будете в состоянии рассуждать более здраво. Ибо пока я не понял и слова из сказанного.

— Ненавижу... — Виктория зло ударила изображение.

Радужная волна разошлась по всему экрану, и тут она поняла. Он видел. Он видел помехи, а значит...

Виктория бросила взгляд на себя и поняла, что через мгновение сгорит ярким пламенем. Негодяй по ту сторону изображения, снова ткнул пальцем ей за спину. Она с пылающим лицом обернулась, увидев проклятый прибор и горевшую на нем панель.

— Прикройте окно, Виктория. Не хочу, чтобы вы простудились.

— Ненавижу!!

— Доброй ночи.

Хавьер помахал ей рукой, отключая панель. Он успел заметить, как в стену полетел пульт. Похоже, связи некоторое время у северянки не будет. Он усмехнулся и, вспоминая недавнее зрелище, оттянул ворот свитера, словно тот мешал ему дышать.

— О какой вещи ты говорила?

Первым делом он должен был распорядиться обыскать машину, в которой они возвращались с Пустоши.

— Или ты обронила свое сокровище у скал?..

— В АСБ с ума посходили? И ты меня не предупредил? Как можно было проводить модификацию, и не предупредить личный состав?! Мне всю ночь пришлось выслушивать вытье соседской собаки и то, какая грудь у Нан из забегаловки напротив!

Виктория возмущенно шла рядом с напарником, размахивая шлемом.

— О чем ты говоришь, Вик? Какие модификации? Если что-то новое вводится, об этом предупреждают заранее, и проводят пробные тесты. Так что случилось?

— У меня какие-то проблемы со слухом... может из-за лекарств, что дала Зои?

— Снова был приступ? Я не ощутил его — он внимательно оглядел ее, забирая шлем.

— Ты что-то хочешь сказать мне, я это вижу, — Дмитрий, шутя, положил руку на ее макушку.

— Ссон вчера был у нас. Мать раньше никогда не принимала гостей в этот день... — она ускользнула из-под его ладони, отступая.

— Но не в этот раз?

— Но не в этот раз... — она совсем поникла.

— Вик, время идет. Ты не можешь винить свою мать в том, что она пытается идти дальше.

— Дим ты, что и в самом деле думаешь, что я драму разыгрываю? Мне по барабану с кем она встречается, и что делает. Ровно, как и ей, нет дела до моих проблем! Я нутром чую, что здесь есть, что-то еще. Я схожу с ума, Дим. Мне мерещится на каждом шагу. Все вокруг кажется не тем, что есть на самом деле. Словно я вижу другую суть вещей! Я боюсь, что однажды потеряю себя...

— Не потеряешь, — Левин быстро оглянулся, проверяя, нет ли посторонних, и убедившись, что они одни, крепко обнял ее.

— Сумасшедший лейтенант! — девушка обхватила его руками, положив голову на его грудь. Его сердце стучало так знакомо и тепло.

Левин лучился улыбкой. Он отстранил ее от себя, взъерошив и без того растрепанные волосы.

— Я хотела спросить тебя кое о чем.

Они продолжили подниматься из подземного гаража, выходя на утренний свет.

— Что тебе нужно?

Она долго решалась, но у нее не осталось выбора. Ей некогда было ждать, когда его величество принц Видаль соизволит назначить ей аудиенцию! Нужно было расспросить напарника. Она искренне надеялась, что он не заподозрит неладное.

— Ты знаешь кого-нибудь из Южного сектора? — она предала своему голосу небрежности.

— Тебя интересует кто-то конкретный? Я знаю много людей Вик. Мы же не на разных планетах живем.

— Патруль. Тебе приходилось общаться с патрулем из Южного сектора?

— Да! — он заулыбался, видя ее смущение.

Что эта бедняжка снова учудила? Опять влипла в неприятности? На этот раз жертва, кто-то из офицеров южан.

— Кто этот несчастный, Вик?

Она поджала губы, чувствуя, как щеки заливают румянец. Воспоминания о прошлой ночи не дали ей уснуть до утра. Негодяй!

— Капитан Видаль! Ты знаешь его?

Левин нахмурился, потом рассмеялся, заставляя ее едва ли не подпрыгивать на месте от нетерпения и возмущения.

— Я знаю его. Чем он тебе не угодил?

— Просто расскажи мне о нем.

— Ладно. Хавьеру 24 года.

— Он младше тебя на три года? И уже капитан?

— Род Видаль имеет большой вес в Южном секторе. Именно на средства их семьи финансируется большая часть изысканий Купола.

— Почему же он стал патрульным?! — Виктория припомнила недавно сказанные Хавьером слова. Похоже, у всех свои причины.

— Его растил брат. Он сейчас один из советников главы Южного города. Их с братом взгляды на жизнь, несколько расходились, насколько я смог понять. Хавьер отказался принимать участие в делах семьи Видаль. Со страшным скандалом его отпустили.

— И такое бывает?

— Думаю — нет. Но пока они позволяют ему «баловать». Хавьер, человек, которому я хотел бы доверять, Вик.

— Но не доверяешь? — она монотонно стучала тяжелой подошвой ботинок, шагая по гаражу.

— Что тебе от него нужно? Отвечай сейчас же! — Левин заставил ее остановиться, и развернул к себе лицом, — ты опять влипла в неприятности, Вик?

— Мои действия не навредят тебе, Дим. Скорее это сделает сам факт моего пребывания рядом!

Ее глаза неожиданно увлажнились. Такого еще не бывало! Левин запаниковал. Его бедовый напарник мог разнести всю округу, но не плакать. К этому он был не готов.

Еще мгновение, и она была безмятежна, как небо у них над головой. Столь резкие перепады настроения не остались без внимания.

— Обещай зайти сегодня в ИЛ. Я хочу, чтобы Розевски увидела тебя.

— Я сделаю это, но ты скажешь мне, как найти Видаля по-быстрому!

Левин глядел на нее с большим подозрением.

— Это как-то странно. Ты зла на него, но не как обычно, на других. И ты покраснела...

— Нет! — она вспыхнула как спичка, от его немислимых подозрений.

— Ты положила глаз на Видаля?

— Нет...

Он наступал, она отходила, выставляя руки вперед и не подпуская напарника ближе.

— У тебя появился друг?

— О чем ты?

— Мои молитвы были услышаны!

— Ты молился за меня?! — эхо подхватило ее звонкий голос, разнося под высокой крышей гаража. Прохожие оглядывались на них, обходя стороной странную парочку. Лейтенант почувствовал себя полным идиотом, с силой вытаскивая ее на улицу, под открытое небо.

Он сдержался от ответа, покачав головой. Она все воспринимала буквально. Дикое

наивное существо!

Ему нравилось это в ней. Ему нравилось все в ней. Нравилось объяснять все и вся каждый раз, когда она тыкала пальцем в незнакомое для нее. Или выспрашивала о самых обычных вещах. Он временами предполагал, что она жила одна, в диком лесу... и каждый раз в такой момент, он говорил себе, что не должен задаваться таким вопросом. Она сама расскажет.

— Мне нужно просто поговорить с ним!

Он, наконец, отпустил ее. Шумно выдохнув, он просто смирился.

— Сегодня перед отбытием в Пустошь офицеры Южного патруля будут находиться в Куполе.

— Зачем?

— Ты же знаешь о сыворотке. Положено проходить тест.

— Проверят, не выросли ли у них хвосты? Или рога? Потрясающе! Это было бы весьма кстати.

— Часов в одиннадцать будет в самую пору.

— Спасибо! Ты лучший! — она радостно побежала к корпусу Академии.

— Вик! — его голос догнал ее у дверей.

— Мне еще с ними работать! Не бей сильно...

Она не нашлась, что ему ответить, быстро скрывшись за дверьми.

Их совместные мучения начались несколько месяцев назад...

Именно тогда она увидела его впервые. Она сидела под лестницей на заднем дворе Академии. Снег белоснежный, мягкий, кружил, перелетая через пролеты металлических ступеней лестницы, и ложился на ее непокрытую голову. Она не помнила, сколько просидела вот так, раздетая, молча вытирая снегом кровь с разбитых рук. Тогда приступы необъяснимой ярости доводили ее нервного истощения, истязая по несколько раз на день. Ее задирали с первого курса. Мало кому нравилось, что она, по их мнению, пользовалась преимуществом, будучи дочерью, Главы города. Подростков в Академию принимали с четырнадцати лет. Девочек — с пятнадцати. Виктория помнила, как только проснулась утром, в день своего рождения, ее с шофером направили в АСБ вынудив подать документы. Мать считала, что казарма и строгие правила научат ее смирению. Но все только усугубилось...

Ее тайная проблема, на поверхности окружающим казалась лишь вседозволенностью и откровенным наплевательским отношением ко всему вокруг. На ее кулак нарывался каждый, кто на свою беду пытался «поставить ее на место». Из-за сложившейся репутации, руководством, было решено направить ее в патруль по завершению учебы. Она была первой женщиной, которую определили в Пустошь. Управлению казалось, что там ее темперамент найдет себе достойное применение.

Тогда только Зои, имевшая мозги гения, смогла понять, какие демоны ее обуревали. Но и она рассматривала ее как больную зверушку, требующую досконального изучения и лечения. Она лечила ее тело, от ссадин и порезов, но никто не мог наклеить пластырь на ее душу, а она также кровоточила.

И вот тогда появился он. Он, молча, подошел, сел на заледенелые ступени и сидел рядом до вечера. Ничего не предпринимая. Кровь кипела в ней волнами, не давая ощутить холод. Она вообще ничего не чувствовала... лишь подняла глаза и впервые увидела его улыбку. Почему он не уходил? На его лице не было ни отвращения, ни осуждения. Этот

офицер, должно быть, не знал, сколько костей она сломала сегодня... Ей сообщили, что отправляют за пределы города, в Пустошь. Сказали, что пришлют какого-то патрульного, который хвалился тем, что она сама даст согласие на этот идиотский план. После подобного распределения, она окончательно стала изгоем. В патруль шли неудачники, и те, кто был негоден городу... И вот теперь, он улыбался ей посиневшими от холода губами. Этот странный человек, улыбался ей.

— Я замерз... — его широкие плечи едва заметно вздрогнули под тонкой тканью форменной рубашки.

Сама не понимая, что делает, Виктория стянула с себя куртку и накинула на него. Улыбка офицера засияла ярче, заставляя сердце забиться быстрее.

— И есть хочу...

Она, не сводя с него синих глаз, покопалась в кармане порванных брюк и извлекла зашарпанного вида старый шоколадный батончик. Ободранной рукой она протянула ему его.

Он принял еду. С хрустом сжевал замерзшую карамель, скомкал бумажку, и метко кинул в металлический мусорный бак.

В здании Академии не осталось никого. Младшие курсанты вернулись в казармы. Все ее однокурсники разъехались еще утром. Им, с сегодняшнего дня был разрешен выход в город на свободное посещение. Все вернулись домой.

Сидящий рядом лейтенант с удивлением смотрел, как ледяные снежинки, падая на ее голые руки, каплями стекали к ее запястьям. Внутри у нее ядерный реактор? Он чувствовал, что еще пара минут, и он рискует замерзнуть насмерть.

— Что еще? Решил проверить собственный зад на крепость? Ты уже примерз к этим ступенькам!

— Ты согрела меня, накормила... теперь ты в ответе за того, кого приручила...

Она поднялась, глядя на него сверху вниз.

— Ты кем себя возомнил?

Длинные волосы трепетали на ветру, мягко касаясь непослушными прядями его лица. Они удивительно мягкие, внезапно подумалось ему. Глаза ее горели синим огнем, и он вдруг понял, что ее рука протянута ему уже несколько секунд. Теряя терпение, она силилась не сжать ее в кулак. Ей это дорого давалось. Он это отлично знал. Его холодная ладонь обхватила ее горячую, неожиданно сильную, и она, потянув его на себя, смогла поднять, внешне не прилагая особых усилий.

— Тебе некуда идти? — она спросила, не глядя на него, но продолжая удерживать за руку и вести за собой, словно малое дитя. Что она делала? Почему так приятно было держать эту руку? Почему он не пытался вырвать свою? Впервые в жизни, она держала кого-то за руку. И это было восхитительно...

Лейтенант усмехнулся, позволяя ей это странное действие. Его дело было почти сделано...

— Мой мотоцикл у аллеи.

Она свернула в сторону, и через минуту увидела его черного зверя. Вздохнув, она подошла к нему.

— Я живу через три квартала.

Он позволил ей завести двигатель и даже сел позади нее, обхватив за хрупкую талию. Ее тело дарило божественное тепло, но он тряхнул головой, отгоняя совсем лишние сейчас мысли. Он не мог допустить, чтобы она остановилась. Они выехали с территории Академии.

поворачивая к центральной заснеженной дороге. Ее волосы не давали ему нормального обзора, и он намотал их на руку, удерживая на месте. Они прибыли быстро, останавливаясь у широкого подъезда.

Она поднималась за ним следом, и с каждым этажом ее мысли неслись все более бурно. Странный парень... она его раньше не видела. Откуда он взялся в Академии? Что ему нужно-то? Глупые подозрения вкрались в голову, и, не имея сил отогнать их, она заявила, едва он отворил двери своей квартиры:

— Тебе нужен секс?..

Офицер замер с ключами в руке, потом услышал, как они зазвенели, ударившись о каменный пол.

Глядя на ее искреннее смятение, он придал своему голосу мягкость, надеясь успокоить девушку.

— Мне нужно было доказать управлению, что ты добровольно пойдешь за мной, Вереск. Отныне и в веки — веков, я твой курирующий офицер.

Удар в челюсть пришелся неожиданно. Лейтенант про себя изумился той силе, что была приложена ею. Он, выше ее на голову, в два раза шире в плечах, со всего роста грохнулся на пол, прямо в прихожую. Этот маленький волчонок больно кусался! Он улыбнулся, потирая место удара, затем сделал широкий жест руками.

— Добро пожаловать!..

Старая ветхая хижина так вросла в мягкую, поросшую высокой травой землю, что казалось грязные окна, выходили прямо из нее. Она стояла в гуще леса, укрытая влажным мхом и обросшая десятками страшных слухов и баек, придуманными обитателями Пустоши. Люди обходили стороной это заброшенное место, наслышанные о странной старухе, что жила одна, уже многие годы. К ней обращались редко, и в действительно серьезных случаях. Когда надо было остановить мор, или принять сложные роды, ведь дети рождались в Пустоши так редко, и только трое из десяти достигали взрослого возраста...

Мик шагая по мягкой земле, чувствовал, как в один ботинок потихоньку набирается вода. Дырки от укуса, оставшиеся на нем после встречи с маленьким задирой напомнили о себе. Обувь пора было менять... С этими мыслями он грубо постучал в покосившуюся деревянную дверь. Труха с нее посыпалась на его ноги.

— Кого принесло?! — голос старый и скрипящий, словно у разошедшегося табурета донесся до молодого человека нетерпеливо постучавшего снова.

— Открывай, или я ее сломаю!!

— Да иду я, иду! Какого черта так терроризировать бедную дверь?!

Наконец-то ему отворили, и Мик скептически оглядел хозяина хижины. Маленькая бесформенная старушенция, похоже, была старше его самого, причем вдвое. Серые торчащие в разные стороны космы, не знали ни воды, ни расчески.

— Ну, привет, красавчик, чем милая дама может быть полезна?

Она улыбнулась почти беззубым ртом, вызывая у Мика отвращение.

— Сгинь... — он грубо оттолкнул пятерней прямо в лицо продолжающую ухмыляться ведьму.

Та, не удержавшись на коротких кривых ногах, приземлилась на грязный пол. Пыль облаком поднялась вокруг нее. Мик прошел в тесную комнатку, закрыв за собой ветхую дверь. Ведьма меж тем, не унывая, расправила драный подол и, перевалившись на бок, подперла косматую голову грязной рукой.

— Что рычишь-то?!

— Иди к черту! Не до твоих выкрутасов!

Молодой человек прошелся руками по карманам, вспоминая, куда девал найденную на скалах вещь.

— Может это поднимет тебе настроение?.. — мелодичный женский голос заставил его, теряя терпение поднять изумрудный взгляд на хозяйку дома.

Дряблая, старая кожа ее таяла на глазах, обращаясь гладкой, чистой, молодой. Теперь изящная рука ее, поддерживала прекрасную голову со струившимися по плечам и полу медными кудрями. Восхитительное тело, не стесненное более старыми одеяниями, ослепительной белизной контрастировало с черным от времени и грязи полом. Полные алые губы, маня, улыбнулись. Она протянула к нему руку, схватив за штанину.

— Иди ко мне...

Мик потер переносицу, чувствуя, что еще мгновение, и голова его закипит. Устав ждать, пока друг кончит страдать идиотизмом, он, освободив ногу, переступил через разочарованную нимфу и направился к не приметной старой стене. Два небольших лесных волка высунули головы из-за ветхой перегородки у почерневшего камина. Тот, что был

моложе, почти щенок, приветственно твякнул, махая серым хвостом. Мик подмигнул ему, нажав на одну из досок. Он услышал знакомый щелчок. Стена отъехала в сторону.

— Зачем пришел среди бела дня? Что случилось? — мужской голос за спиной принес ему облегчение.

— Есть дело, Креш... — Мик обернулся, про себя перекрестившись в надежде, что спектакль на сегодня окончен.

Крешник был его другом. Давним. Лучшим. Единственным. Сумасшедшим и гениальным. Чтобы сохранить свой секрет и выжить хоть как ни будь в столь отчаянных условиях, ему приходилось использовать одно из своих детищ, которым он так любил давать звучные имена. «Морок», словно щит отгораживал его от взглядов посторонних, позволяя им видеть лишь иллюзию. Ту самую, которую он им позволял. Образ старой сумасшедшей ведьмы подходил идеально. Он мог помочь, при необходимости попасть практически в любую часть Пустоши и оказаться вне подозрений, и быть в безопасности, оставаясь никому не интересным, ввиду аскетичного образа жизни и отвратной внешности...

Мужчина отключил ненужный в данный момент прибор, позволяя другу, наконец, успокоиться. Сухопарый, вечно всклокоченный, он нетерпеливо потер руки, следуя за гостем. Ноги его были столь длинными, что казалось, занимали две трети всего его тела.

— Ну, я вижу, ты мне что-то принес? — Креш выхватил накопитель, умудрившись просочиться перед Миком, первым оказавшись в неожиданно большом помещении.

Мик проворчал, устраиваясь в удобное кожаное кресло, и немного расслабляясь в приятной прохладе. Система кондиционирования была подарком. Эта часть хижины, в отличие от передней комнаты, служившей ширмой для посторонних глаз, была полностью обустроена и напичкана аппаратурой и лабораторными принадлежностями. Все стены ее были уставлены различными приборами, назначение которых Мик с трудом понимал. Ему было достаточно и «Морока»...

Креш пошаркал в старых ботинках с разноцветными шнурками, к аппаратуре соединенной с огромным экраном. Присев у него прямо на пол, он о чем-то сам с собой споря, пытался воспроизвести его содержимое.

— Что на нем? — Мик попытался прервать его монотонное бурчание.

— Защита.

— Ты можешь взломать ее?

— Ну, разумеется! Она довольно примитивна! У кого ты его стянул? Что на нем? Это не местная игрушка...

— Я не крал ее, в известном понимании. Ее потеряли — я нашел...

Мик закинул ноги на пустой металлический ящик. Он и сам хотел бы знать, что там. Не понимая толком почему, сердце снова часто забилося. Воспоминания от столь короткой встречи, взволновали его, заставляя отключиться от происходящего вокруг. Молодой человек вдруг понял, что его настойчиво окликали.

— Э-эй!! Ты со мной? — друг махал ему руками.

— Я с тобой, Креш, — Мик поднял глаза на вспыхнувший экран.

Файлов было много. Систематизации никакой не было, казалось, что хозяйка накопителя наспех скидала все в одну кучу. Снимки и видеозаписи датировались лишь несколькими месяцами давности.

Креш поколдовал над данными, и упорядочил информацию.

— Не забудь, потом вернуть все как было. Возможно...

— Возможно?

— Возможно, я захочу вернуть его хозяину.

— Кто же этот неизвестный, что тебя так лихорадит?!

Креш глядел, как он нервно выстукивает пальцами по подлокотникам. Первые снимки, надо было признаться, его разочаровали. Почти на все был какой-то парень, здоровяк, вечно улыбающийся, видимо фотограф был ему другом.

— Кто это?

— Он из патруля. Северянин.

Следующие фотографии лишь подтвердили его слова. Пыльный черный мотоцикл и потертая форменная куртка выдавали его без лишних комментариев.

— Он ведь не хозяин этой вещицы?

— Нет.

— Тогда почему здесь везде только его фото? Этот парень не любителю сниматься?

— Это девушка.

— Я точно вижу, что это мужик, если только у него запасного «Морока» не припрятано. Мик тяжело вздохнул.

— Хозяйка накопителя — девушка. Она фотографировала своего друга, я полагаю. Есть там что-то ценное?

— Тебе это не понравится... — Креш промотал вперед несколько снимков и, проведя руками по экрану, выбросил их к центру комнаты. Голографическое изображение наполнило пространство между ними. Грызая беспокойно ногти, хозяин дома прошелся кругом, не сводя глаз с огромных царапин, отчетливо видимых на коре.

— Мне начинать паниковать? У нас на хвосте патруль?

Мик молчал. Он перелистал следующее изображение. Отпечатки лап... его кинуло в жар, но он, расстегнув верхние пуговицы рубашки, не сказал и слова.

— Мик? — его взъерошенный приятель уже лихорадочно бегал по комнате.

— Она не связала все воедино. Иначе начались бы облавы.

— Ты меня не убедил!!

— Этил занимается не Купол, и не ВСБ, и не южане — она ищет сама.

— Зачем?! Это нормально? Зачем девице бродить по Пустоши, в описках чудовищ?!!

— Это я и собираюсь выяснить.

Он некоторое время еще глядел на снимок, затем отправив его обратно на экран, перелистнул дальше. Комнату наполнил шум. Проигрывалось видео. Камера дрожала, видимо человек, снимавший его, пытался взять ее удобнее.

— Ну, давай же! Улыбнись Вик!

Камерахватила кусок улицы. Снег уже совсем сошел, но деревья были еще голыми. Кроткое пока солнце, блестело меж их черными ветвями. Она сидела на каменном бордюре, положив темную голову на колени, и накрыв ее руками. Форму курсанта АСБ Мик узнал сразу.

— Вик... я жду!.. — человек за кадром тепло рассмеялся.

— Ну, давай, детка! Хватит тянуть!! — Креш готов был поколотить экран, от нетерпения.

Мик оттянул его назад, с силой дернув за рубашку.

— Угомонись!..

Он видел, как руки, с почти зажившими на них ссадинами разомкнулись. Она

осторожно, словно цветок, распускаясь на заре, подняла голову, глянув, наконец, на своего друга. Бесконечные блестящие кудри подхватил ветер, и потому, как неожиданно дернулась камера, умолкнувшие в комнате мужчины поняли, эти самые чувства охватили и оператора.

— Бог мой... ты видел эти глаза?!! — Креш подбежал к экрану, в восхищении глядя на лицо девушки.

— Вот это красавица... я могу оставить себе копию?!

Мик позади него молчал. Креш заставил себя оторваться от экрана и посмотреть себе за спину.

— Приятель?

Молодой человек, казалось, не разделял его восторга. Брови его сошлись на переносице, но не от раздражения. Мик отчаянно пытался справиться с мучавшим его чувством. И он по-прежнему не имел ответа.

— Почему я тебя знаю?..

— Так вы знакомы? И ты молчал?!!

Меж тем, события на видео разворачивались:

— Эй, детка, иногда просто нельзя убедить человека, и все! Это факт! — второй рыжеволосый офицер, попытался обнять ее за плечи. Через мгновение он летел вверх ногами, благо на мягкую землю с едва показавшейся зеленой травой у него за спиной.

Виктория невозмутимо одернула куртку и вернулась на бордюр.

— Не бывает слабых аргументов — бывает, кулаки болят...

Мик почувствовал, как его кинуло в жар. Он резко подался вперед, ближе к экрану.

— Перемотай назад!

— Да что там? — Крешник послушно вернул видео на минуту назад.

Мик прослушивал его еще несколько раз, доведя своего приятеля до истерики.

— Да что там такое, что ты увидел?! Я ничего не понимаю!

Мик не отрываясь от экрана, что-то пробормотал. Затем словно внезапно лишившись всех своих сил, упал обратно в старое, противно скрипевшее кресло.

— Эти слова... эти глаза... движения плечами... это лицо...

— Ты запал на девчонку?

— Не говори глупостей, я еще не сошел с ума! Этого просто не может быть... у него не было детей. Я о них не знал, по крайней мере...

— Говори со мной!! Я здесь! Я человек, я ни черта не понимаю!! Ты на взводе последнее время, приятель.

— Я, наверное, схожу с ума, Креш. Последнее время, мне кажется, что этот момент все ближе... Черт... я думал, что уже столько лет назад, стер всю свою человеческую часть памяти... я почти забыл его лицо...

— Ты никогда не забывал, дружище. Иначе это был бы не ты, — Креш потрепал его по плечу, — у меня есть кое-что для тебя. Пока не забыл! Провозился я с ним...

Крешник извлек откуда-то из своих потайных мест металлическую коробку. Осторожно неся ее, он водрузил ее на стол рядом с Миком. Тот небрежно поднял крышку. Золотистые блики заиграли в его глазах. Упрятанное в длинные прочные капсулы, «Жидкое солнце» ждало, когда его зажгут.

— Твои запасы истощились? Верно?

— Верно, — Мик поднялся, ловко отправляя капсулы в крепления на поясе, — кроме

того, что-то происходит в Пустоши. Я не могу понять. Волки убили четверых патрульных. Я знаю их поведение, Креш. Это была месть. И они, черт их дери, кинули это в лицо городу! Ты понимаешь?!

— Нет!

— Они не получили то, что им нужно. И это, что бы это ни было, находится в городе. Что это может быть, Креш?! Моя голова скоро взорвется! Я не могу понять! Они злы, они негодуют, уходят со своих привычных троп. Недавно я стал свидетелем тому, как один из них просто разорвал второго, что был поменьше...

— Ты же понимаешь, что описал примерное поведение животных представителей, э-э-э-э... во время брачного периода?

— Волки не могут размножаться, ты же знаешь!

Крешник развел руками, выпятив нижнюю губу.

— В проекте участвовали только мужчины. Так что среди этих тварей только мужские особи. Я истребил их почти всех. Их осталось мало...

— Замечали что-нибудь необычное в ощущениях, в последние дни, капитан? — медик продолжала задавать стандартные вопросы.

Хавьер отвечал, как всегда автоматически, почти не задумываясь над ответами. Ему как всегда тыкали в лицо датчики, загоняли иглы, забирая кровь, измеряли, снимали показания, допрашивали...

Проводя так последний год, он смирился с участью подопытного. Горькая свобода. Но лучше быть жалким «оборотнем»...

— Расслабьте шею, не двигайтесь, — пистолет, снаряженный очередной дозой сыворотки холодом прижался к его шее.

— Удачной охоты, капитан... — он почувствовал, как ледяное пламя обожгло все плечо, заставляя сдавленно выдохнуть.

Еще миг, и вновь надев маску безмятежности, Хавьер оставил блестящую холодным мрамором лабораторию, направляясь в душ. Ему просто необходимо было смыть с себя все прикосновения. Все, что происходило, несколько последних часов.

Раздеваясь и бросая одежду на пол, он, встав под душ, склонил голову, позволяя прохладной воде течь по шее и спине.

Задумавшись, он горько усмехнулся. Он стал патрульным по велению брата. Точнее сказать, таковыми были его условия освобождения от обязательств перед семьей. Дела в компании брата нуждались в большем доверии народа, чем имелось на тот момент. Поскольку он был счастливо женат и имел двух сыновей, старший из которых уже достиг своего совершеннолетия — в наследниках род Видаль остро не нуждался. Старший Видаль приказал брату принять участие в проекте «Звероформа», чтобы поднять и укрепить доверие к делам своей семьи. Что ж, люди повелись на это. Каждый из братьев получил то, что желал...

Молодой человек провел ладонью по запотевшему зеркалу. Глядя на свое отражение, он смотрел, как золотые глаза гасли, приобретая свой теплый карий оттенок. Он сильно зажмурился, распахивая их, уже вовсе нормальные. Действие сыворотки еще не началось. Хвала Богу...

Он расслаблено вздохнул, накинув полотенце на голову и вытирая мокрые волосы, как вдруг острая боль в спине заставила его согнуться пополам, едва не ударившись головой о раковину. Так же внезапно, как и появилась, боль оставила его. Он, держась за край раковины, поднялся и, глядя в зеркало, занемел. Золотым огнем горели его глаза, на покрасневшемся от напряжения лице.

— Что происходит?..

Второй приступ так же застал его врасплох. Он едва добрался по стене до коридора, а там и до просторной раздевалки. Все тело горело огнем, словно по венам растекалась лава. Не сдержав крика, Хавьер упал на колени, удержавшись руками о холодный мрамор пола. Мучительные судороги волнами истязали его, едва давая выдохнуть. Крик его, раз за разом рвавшийся наружу, он сдерживал, едва не теряя сознание, но он знал, что услышав его еще раз, сюда сбегутся все медики Купола. Когда же, наконец, пытка отпустила его, он уже не имел сил подняться с пола. Тяжело дыша, он взмок до кончиков волос.

— Проклятье...

Она даже не смогла дождаться подъемника. Пришлось воспользоваться бесконечными ступеньками.

Был уже двенадцатый час! Профессор, как и предполагалось, отыгрался за прошедший вечер как положено.

Если бы не Зои, она бы и сейчас отбывала свое горькое наказание. А теперь она опаздывала!

— Черт!

Купол, словно муравейник... бесконечные переходы, бесконечные этажи коридоры. В центре, в самом сердце этого исполинского здания располагалась не менее громадная незастроенная площадка, превращенная в естественный заповедник — парк. Можно было некоторое время блуждать по ней, даже не подозревая, что находишься внутри исследовательского комплекса. Только подняв глаза к небу, и увидев хрустальный свод, понимаешь, что не в сказку попал. Парк был виден отовсюду, где бы ты не находился в Куполе. Поскольку все было выстроено по кругу, кольцами вырастая к небу.

Виктория вылетела на нужный этаж, чувствуя, как барабанившая по плечам и спине проклятая коса, вновь теряла свою нормальную форму. Блестящая длинная прядь, словно специально выводя ее из себя, упала на лицо, закрывая обзор. Она сердито сдула ее, наконец, видя нужный коридор...

Надев чистую рубашку, он улыбнулся. Он еще не видел ее, но присутствие ощутил, едва она достигла этажа. Скорость приближения ее шагов, не оставляла сомнений — сейчас разразится буря.

Наконец-то, что-то разбавит горький день...

Виктория ворвалась к нему, едва ли соображая, где она находится. Благо в раздевалке оставался один лишь капитан. Она на какое-то время напрочь забыла, зачем явилась сюда. Ей казалось, что будь она зла, как обычно, то все пройдет по плану, но вся ее ярость куда-то предательски улетучилась.

— Ну что ж, сеньорита, теперь вы тоже видели мою грудь. Мы квиты.

Она к его немалому удивлению молчала. Она глядела, как он изо всех сил хочет держаться достойно и непринужденно. Но синяки под его глазами, а также бледность, проступившая даже на смуглой коже выдавали его, сводя старания на нет.

— Они мучили тебя?.. — ее голос охрип, она прочистила горло, нерешительно сделав шаг к нему.

— Это сказывается ваше присутствие. Я так взволнован, что не могу даже пуговицей в петлю попасть...

Он мягко улыбнулся ей, продолжая мучиться с одеждой. Виктория подошла к нему вплотную и, выдернув из его рук полы рубашки, стала застегивать ее.

— Ненавижу... ненавижу их за то, что они делают...

Она смущенно отвела взгляд от его груди, стараясь не прикасаться к нему, пока неумело продолжала свое дело.

Он послушно стоял, опустив руки, с нескрываемым удовольствием наблюдал за ее действиями, и теперь ее дрожавшими от смущения руками.

— И тебя ненавижу! — она, закончив, подняла к нему лицо, — почему ты позволяешь

им себя истязать?!

Он не ответил, мягко опустив руки на ее плечи.

— Так вы беспокоились обо мне? Поэтому умоляли Димитрия взять вас сегодня на рейд? — ему просто нужно было сменить тему разговора. Немножко позлить ее было самое то...

— Я умоляла его?! — Виктория скинула его руки, — я здесь только по одной причине — верни его мне!!

Хавьер спокойно накинул черный кожаный жилет поверх тонкой рубашки.

— К огромному сожалению, у меня нет той вещи, что вы так жаждите, сеньорита. Могу вам поклясться в этом.

— Я тебе не верю!

— Поиски у скал тоже ничего не дали, мои люди несколько часов потратили, чтобы найти «это», чем бы оно ни было.

Она часто задыхалась, от волнения, растерянно глядя по сторонам. Видаль поспешил успокоить ее, но она выбежала в коридор. Поднимая разбросанные вещи с пола, он услышал громкие выкрики, и вышел вслед за ней. Едва дверь за ним закрылась, он увидел их, обступивших ее словно стая шакалов. Судя по нашивкам, они были с одного курса. Еще не заметив его, они продолжали толкать ее, выкрикивая примитивные угрозы. Виктория окаменев, сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладонь, и становятся мокрыми. Не произнося ни единого слова, не предпринимая ничего, она лишь тяжело дышала, не смея лишней раз пошевелиться. Он чувствовал ее как никто. Проклятая сыворотка позволяла познать ее чувства так глубоко, что капитан сам едва удержался, чтобы не разорвать глуповатых курсантов.

— Гляди-ка! Так ты была не одна, Вереск! Что же ты там делала с этим южанином?

Она не видела его, но слышала, как он подошел и стал у нее за спиной, убрав от греха подальше руки в карманы брюк. Рукав рубашки при этом задрался, открыв портативную панель на его запястье. Один из курсантов заметив ее, резко одернул рядом стоящего товарища.

— Это капитан, придурок!

Им хватило пары секунд, чтобы скрыться, теряясь в слабо освещенных коридорах Купола.

— Я прошу прощение за мое несвоевременное появление. Я подверг вашу репутацию...

— Моя репутация была утеряна при рождении, капитан... еще раз напомню, — не вздумай вмешать в это моего напарника.

Кап... не различимый обычному слуху звук, а затем и запах привлек его внимание. Он опустил глаза, глядя на ее руки. Тонкими струйками стекала по ним, капая на серый каменный пол алая кровь. Она, не разжимая кулаков, хотела идти, стряхнув по привычке руки, но он остановил ее, потащив обратно в раздевалку к душевой. Ее попытки освободиться он прервал в тот же момент, понизив голос почти до шепота, и проговорив ей прямо в ухо:

— Если действительно не желаете вмешивать в это дело своего лейтенанта, следуйте за мной, сеньорита! — на этот раз он не был учтив и галантен.

Ее грубо затолкали и она к собственному удивлению подчинилась. Хавьер подтолкнул ее к широкому умывальнику, вытянув ее руки и подставив под воду. Розовыми ручьями она омыла их.

— Разожмите! — он требовательно надавил сильными пальцами на ее запястья.

— Я должен видеть это. Откуда столько крови? Что у вас в руках?

Она подчинилась, не понимая его опасений. Его руки, держащие ее ладони, дрогнули, глядя на четыре темные раны на каждой. Их глубина сбивала его с толку. Он бережно развернул ладони, глядя на почти полное отсутствие отросших ногтей.

— Как?..

— Вы с Димкой слишком чувствительны... два сапога пара... тебя так волнуют, чертовы царапины?

Она небрежно сполоснула руки, запихну их в карманы. Штаны промокали на месте карманов, но она, не удосужившись их вытереть, вдруг вспомнила сказанные ранее Видалем слова.

— Ты сказал, что Левин берет меня в патруль? У вас сегодня рейд?

— Верно... кажется я испортил чей-то сюрприз. Он ведь не сказал вам, верно? Вы обязаны присутствовать. Это своеобразная точка невозврата, Виктория. Пусть официального посвящения еще не было, но сегодня вы впервые наденете форму офицера ВСБ. И она не должна быть залита кровью!

Он подошел к шкафчику у зеркала над раковиной и, покопавшись в нем, извлек необходимый тюбик. Видаль заставил ее вновь вытащить руки и развернуть перед ним ладонями вверх. Бережно он выдавил прозрачный гель на раненую поверхность. И лишь убедившись, что растекшись, как положено, он застыл, надежно укрывая повреждения, капитан позволил ей покинуть его.

Несколько броневиков подъехали к этой самой людной части поселка еще с утра. Рассредоточившись, патрульные проводили плановые проверки. Большой рынок занимал приличное пространство, сюда стекались немногочисленные обитатели окрестных земель. Именно здесь можно было найти нужное, и узнать много больше, чем при обычном посещении сектора. Разрешение на пребывание в этом месте было у обоих патрулей. Это было единственной общей территорией. Поскольку находилась она как раз посреди их маршрутов. Левин сегодня также был вынужден пересесть со своего любимого мотоцикла в машину. Предупреждение о миграции Лиля было разослано еще вчера, и рисковать они не могли. Он вел броневик, по высохшей земле поднимая такую волну пыли, что об открытых окнах и речи быть не могло. Виктория расстегнула верхнюю пуговицу черной формы, глядя через стекло на рыжеватые вихри.

Лейтенант уже давно заметил ее руки. Не выдержав, он полюбопытствовал, кому обязан заботой о ней.

— Меня сегодня хорошенько встряхнуло! Кто это был? Опять сынок Дилана и его прихвостни?

Она, молча, фыркнула.

— Я рад, что ты этим управляешь, насколько это возможно, напарник. Сегодня обошлось без жертв. Кто о тебе позаботился?

— Видаль решил присвоить твои замашки!

— Значит, капитан о тебе позаботился? — она, даже не поворачиваясь, чувствовала его улыбку.

— Хорош лыбиться! По его милости я теперь еще и легкодоступная девка! Надо же было ему выйти именно в тот момент...

— Выйти откуда? Я опять пропустил все самое интересное? Почему на рынке сегодня таклюдно?

— Разве жителей поселка не предупредили о миграции? — Виктория жадно прилипла к стеклу, не выдержав, она опустила его, сразу наглотавшись, пыли.

— Наверное, они к этому факту относятся проще, — лейтенант остановил броневик, выходя наружу.

Она выскочила за ним, прикладывая немало силы, чтобы захлопнуть двери. Ветер разгулялся. Бесцеремонно подхватывая ее две косы, с таким нехарактерным для нее старанием заплетенные ею перед выездом, он грозил уничтожить все ее труды.

— Ну почему?! — она зло нахлобучила кепку, через секунду, унесенную первым же порывом.

— Ненавижу!!!

Хавьер, услышав знакомый звонкий голос, усмехнулся.

— Сеньорита Вереск прибыла...

Глядя через толпу, как она борется с неугомонной природой, пытаясь совладать со своими непослушными косами, ему пришла в голову неожиданная идея. Он внимательно прошелся вдоль пестрых прилавков.

Он сразу заметил невероятную старуху с всклокоченными пепельными косами, едва видимую за прилавком, пестревшим удивительными товарами. Старинные технологии,

переделанные под украшения, признаться удивили его. Но сейчас ему нужно было другое. Хозяйка же, едва он остановился, принялась нахваливать свой товар. Скрипучим голосом, она с невероятной скоростью перечисляла прекрасные свойства своих вещей, при этом тыкая то в них, то в Видаля грязным пальцем. Он из последних сил старался быть вежливым.

— Это просто чудо! Бери, не пожалеешь! Такого больше нигде не увидишь...

Хавьер поморщился, не выдерживая щебетания старухи, смахивающей на мелкую ведьму. Та и в самом деле была уверена в чудесном действии своих вещей. Молодой человек повертел в руке наиболее, как ему казалось, привлекательное творение. Это была длинная, красного цвета лента из тонкой замши. По всей длине ее украшали мельчайшие серебряные колокольчики. Налетевший ветерок заставил их трепетать, и послышался легкий, нежный звон. Лишь сверхчувствительные уши звероформа уловили этот звук. Ведьма, со знанием дела кивнула ему, и таинственно ухмыльнувшись, с благоговением произнесла:

— «Голос любимой». Он позволит сердцу знать путь к ней, к возлюбленной...

Видаля скептически оглядел украшение. Но ему нужно было привести в порядок эти кудри. Только и всего. Он свяжет их на веки, это факт.

— Сколько?

Старуха засветилась от счастья.

— Я дарю.

— Что? — капитан недоверчиво окинул продавца золотым взглядом.

— Он выбрал тебя, ты выбрал его. Кто я, чтобы стоять на пути? Никто не должен получить его, только она.

Хавьер покачал головой, спрятав ленточку во внутренний карман кожаного жилета. Он уже развернулся идти, как прилавок вновь привлек его внимание. На этот раз вещь выглядела куда основательней передатчика, в девичьем украшении. Он склонился, глядя на округлый медальон, выполненный из металла. Исцарапанный, потемневший, он напоминал одну из старых технологий, давно переставших применяться в настоящем.

— Что это?

— О-о-о... это «Отчуждение», редчайшая вещь в наше время...

— Я не слышал о нем. Зачем он нужен?

— Для того, мой сладкий пирожочек, чтобы тебя не съели. Тебе пришлось бы в самый раз...

Девушка тихо подошла к нему, удивляясь тому, что была почти рада видеть его здесь. Он улыбался, и улыбка его на этот раз не была вымученной. Он искренне мечтал отделаться от назойливой старушечки, вцепившейся в его рукав. Вежлив до конца, чертов южанин!

Виктория заметила на его спине, да и у остальных патрульных южан арбалеты, снаряженные стрелами, которые ей раньше не доводилось видеть. Синие наконечники их, явно не способны были пробить и среднюю броню.

— Что за игрушки у вас, капитан? Они вряд ли послужат...

— Это щиты, северянка, — Пат, помощник Видаля попытался свысока смерить ее янтарным взглядом.

Сейчас же он был усмирен своим командиром, не произнесшим и слова, лишь коротко взглянувшим на него.

— Как ваши чудесные ладошки, сеньорита? — он, казалось, был смущен, отчего-то проверяя карманы своего жилета. Прочистив горло, он вернулся к ведьме.

— Они боеготовые, капитан, — Виктория, схватив косы, завязала их узлом, выиграв

некоторое время для спокойствия.

— Объясни! — Хавьер кивнул на украшение.

— Этот древний медальон делает невидимым того, кого признал хозяином.

Девушка невольно прислушалась. Хавьер прикрыл глаза, заставляя себя найти еще немного усилий, чтобы выслушать этот бред.

— Как он, скажи на милость, может сделать человека невидимым? Я не вижу в этом устройстве ретранслятора щита, или экрана.

— Укрыться можно и не скрываясь от глаз. Можно перестать быть ценным. Видимыми нас делает не тело, а желание... зверь не станет охотиться за тем, что не вызовет у него голода.

Капитан попробовал перевести в уставшей голове все услышанное, на нормальный язык. Эта дама утверждала, что прибор может отратить желание Волков охотиться на носителя. Он немедленно вспомнил ту, что не давала покоя уже несколько ночей, и теперь стояла у него под боком, жуя прихваченный с соседнего прилавка хлеб.

— Продай его мне.

— Нет!

— Отчего же? — Хавьер сердито глянул на старуху, оперевшись на ветхий прилавок. Тот печально заскрипел под его руками.

— Он не для тебя, охотник. Что? Отнимешь силой? — она оскалилась на него тремя оставшимися пожелтевшими зубами.

Капитан прекрасно знал, что не мог в данной ситуации применить силу. Вещь была нужна ему, но нужен был другой способ.

— Нет.

— Совесть значит имеется? Просто диво какое-то!

— Я вернусь за ним.

Старуха покачала головой, и вдруг ее сморщенное от лет лицо охватил ужас.

— Лила...

Ведьма испуганно ткнула крючковатым пальцем в небо.

— Лила!!!

Небо темнело у них на глазах. Хавьер вскинул голову, придерживая шляпу. Чернофиолетовая туча, несясь прямо на них, меняла форму, обретая все более устрашающие очертания.

— Сколько же их...

Они уже слышали крики, люди кидались врассыпную.

— Если хоть один шип Лила проткнет кожу, — она заберет тебя... страшный яд, лекарства — нет... — ведьма ухватилась за голову, затем проворно сгребая в огромную торбу свои сокровища.

Хавьер, молча схватив Викторию, потащил ее к броневнику.

— Что ты делаешь?! — она вырвалась, направляясь к своим товарищам.

— Ты погибнешь! — капитан снова сделал попытку остановить ее.

— И что с того?.. — ее удивлению не было конца.

Хавьер, не ожидая подобной реакции, растерялся, когда небо опрокинулось живым ураганом, сметающим все живое на своем пути. Яростные кличи хищных птиц, оглушали. Крылья трепетали, не давая обзора. Виктория сжала кулаки и, встряхнув руками, высвободила лезвия, из бронированных накладок на нарукавниках. Фиксируясь в открытом положении, они служили отличным оружием. Рассекая острыми, как бритва лезвиями летящие создания, она прокладывала себе дорогу к людям Северного патруля. Хавьер, прикрывая ее со спины, одной рукой стреляя, другой потянулся к арбалету, взведя и ожидая подходящего момента.

Они пробрались к Левину, и вместе с другими патрульными принялись помогать людям, укрыться. Лейтенант, уже в который раз запускал бумеранг, приводя его в боевой режим. Острые края его, сверкая голубым огнем не щадили никого на своем пути. Окровавленные ошметки, вперемешку с длинными фиолетовыми перьями падали к их ногам. Едва оружие возвращалось, оно снова устремлялось в полет, поражая новые цели. Виктория видела несколько голубых вспышек на другом краю широкой площади. Патрульные останавливали живую кричащую массу, как могли.

Пат, прихватив сразу трех малышей, понесся прямо к растерявшейся группе людей, мечущихся посреди площади. Он окрикнул мужчин, обернувшихся на его голос. С силой он бросил детей в их протянутые руки, и в следующее мгновение, его арбалет выпустил свою стрелу. Воткнувшись у самых ног одного из жителей, она, закрепившись наконечником, активировала портативный щит, укрывая людей голубым мерцающим куполом. Не успев свернуть на лету, несколько птиц врезались в его силовое поле. Получив сильнейший разряд, с обугленными перьями, хищницы пали замертво.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Не касайтесь его!! — Пат развернувшись, помчался в другую сторону, уже не видя, как мужчина, лихорадочно прижимая к себе пойманное дитя, без остановки кивал и кивал головой, подавшись панике.

Он в отчаянии глядел, как настигнутый проклятыми птицами патрульный, падал на землю, терзаемый предсмертными конвульсиями. Шипы проткнули незащищенную полосу кожи на шее. Отбиваясь от них, южанин не успел отразить удар длинного хвоста. Попадая в тело, яд Лила отравлял кровь. Она моментально становилась черной, распространяясь по

всему телу, и превращая человека в черную обугленную мумию. Пат, расстреливая пернатое проклятья, подлетел к нему, но было уже слишком поздно. Он, крича бессильные проклятья, в отчаянии приложил ладонь ко лбу, совершая короткий ритуал прощания...

Одна из птиц атаковала не успевшего скрыться Крешника. Бедняга все собирал свое добро. Подбежав к нему, Хавьер на ходу перевернул ветхий прилавок, на некоторое время послуживший укрытием. Старая ведьма при этом, рассыпаясь в благодарностях, продолжила ползать по пыльной земле, сгребая упавшие вещи.

— Вам нужно остаться здесь! — Видаль потянул старушку-Креша обратно к столу, грозящему не выдержать и рассыпаться в следующий момент. Переорать летающих бестий оказалось не так просто.

— У меня два заряда!

— И что потом, пирожочек? Я, знаешь ли, только жить начала!..

Хавьер лишь покачал головой, не веря своим ушам. Он выпустил последние заряды из своего оружия. Обтерев взмокшее лицо рукавом, он дулом приподнял край шляпы. Глаза его, золотистые как майский мед, озорно загорелись.

— Они кончились...

— И чему ты радуешься, олух?! — ведьма зло стукнула его в плечо костлявым кулаком. Она хватала лежавшие на земле камни, и швыряла их в атакующих Лила.

Хавьер вернул пистолет в кобуру и развернулся с арбалетом. Встав в полный рост, он направил оружие на летящую стаю.

— Что ты задумал?! Ты же не остановишь их?! Укройся немедленно!!! — Креш дергал его за штанины, призывая вернуться к их жалкому щиту, но Хавьер не слышал его.

Он выпустил стрелу. Та молнией метнулась, застряв в теле одной из хищниц. Удара и плоти ее было достаточно, чтобы щит активировался. Голубая сфера вспыхнула, принимая в свои смертельные объятия тех, кто не смог свернуть с пути. Обугленные тела падали камнем на землю у их ног. Они разбежались в стороны, в тот миг, когда щит достиг земли, и отключился, потеряв свою опору. Хавьер поднял свою стрелу, вновь снарядив арбалет.

— Так-то, сеньорита... — он галантно помог подняться ворчащей ведьме, отряхивая ее жалкие одежды, потерявшие и форму, и цвет.

Креш, яростно скинул его руки, тыкая пальцем куда-то вперед.

— Так-то?! Ты хоть понимаешь, пирожочек, что вы их не сдержите?! Этим тварям жрать нечего! В этом году их в несколько раз больше, чем обычно! Они летят к Городу!!

Хавьер проследил за его рукой, и с ужасом понял, что старуха права. И сил их не хватит, ведь им нечем бороться с разгневанным небом...

— Почему вы не сообщили жителям о миграции?! Вы делали это каждый год!

— О чем вы говорите?! Я лично передал информацию о Лила еще вчера! Сменившийся патруль должен был оповестить старших поселка еще к обеду прошлого дня!

— Я не знаю, что у вас происходит, мальчишка, но эти люди не были оповещены! Они привели сюда своих детей!.. Кому-то придется ответить за это, охотник! Вряд ли кто-либо захочет видеть вас на этой земле, после всего...

Шум его приближения был почти не слышен, но он разобрал его. Левин поднял голову, щурясь от едкой пыли разносимой сильным ветром. Дрон завис над полем, и лейтенант распознал его принадлежность. Это была игрушка ВСБ.

— Какого черта происходит? — он поймал свой бумеранг, послушно легший в его измазанную кровью руку.

Аппарат спустился ниже на пару метров, и выпустил свой снаряд. Врезавшись в сухую землю, тот к несказанному облегчению молодого человека вовсе не оказался бомбой. Пока, по крайней мере, они все не взлетели на воздух вместе с кучей бешеных перьев. Снаряд раскрылся на четыре равные части, которые опустившись к земле, использовались как устойчивые опоры. При этом верхняя закругленная часть прибора активировалась и Левин, наконец, понял, что перед ним находилось. Но распоряжений по поводу применения экспериментальной модели ИЛа и Купола не поступало.

— Что это?! — Виктория буквально налетела на его спину, раскрутив за длинные ноги и зашвырнув очередную птицу.

— Сейчас увидишь...

Они наблюдали, как накапливалась энергия, становясь яркой, ослепительно белой, и в миг, высвободившись, она накрыла их, словно расплавив само пространство.

Она почувствовала это мгновенно. Чувство адской паники, дрожь во всем теле. Легкие казалось, сошли с ума, неистово сокращаясь и не давая вздохнуть. Воздух плавился перед глазами, и нестерпимый гул заполнил все ее сознание. Она повернула не слушающуюся голову к напарнику, удивленно глядя, как тот совершенно спокойно наблюдает за реакцией Лила, которым было так же хорошо, как и ей. Птицы, метаясь в небе, конвульсивно заламывали длинные шеи, и теряя возможность управлять собственными крыльями, падали на землю.

— Сработало! Она добьет их!! — в голосе офицера звучала надежда, и она отступила назад, чувствуя привкус крови во рту. Что же это? Новый приступ? Такого раньше не было... Только не мешать...

Она отодвинулась к стене, так удачно оказавшейся у нее за спиной, и схватилась за горло.

— Дохните уже скорей... черт... — она глянула через площадь, и увиденное, заставило ее оторваться от необходимой опоры. Она пошла вперед, не замечая беснующихся тварей.

— Капитан...

Он согнулся пополам, ухватившись за край перевернутого стола. Тело его содрогалось от страшных судорог, и маленькая старушка, в ужасе бегая вокруг, отгоняя хищниц, причитала, не зная, чем ему помочь.

Виктория расшвыривала слабеющие фиолетовые тела, пробираясь к нему. Рядом раздался судорожный кашель, и она увидела, что Пат, рухнув на землю, пытался зажать уши руками. Лицо его перепачканное кровью, подтверждало ее ужасные опасения.

— Эта штука убивает вас... убивает звероформов... — она подбежала к Хавьеру, помогая ему подняться, но тот оттолкнул ее, не давая, приблизится. Рукавом он стер кровь с губ, и только потом повернул к ней взмокшее раскрасневшееся лицо. Глаза его горели огнем.

— Вы в порядке?.. — его сдавил ужасный кашель.

— Ненавижу тебя! — она подхватила его, когда он не смог стоять, и помогла сесть, оперевшись на деревянный прилавок.

— Я остановлю эту дрянь!!

— Нет, Виктория... — Видаль потянул ее за рукав, — она поможет...

— Ты с ума сошел?! Вы все умрете!!

— Мы продержимся... — кровь тонкой струйкой потекла с уголка его губ, — они полетят к городу. Кто знает, сколько их еще... позволь вышке закончить свое дело...

— Из тебя плохой герой, капитан! Не смей умирать...

Она побежала обратно, туда, где остался ее напарник. Голова раскалывалась, шумела и кружилась, она постаралась удержать равновесие, и была рада, что Дмитрий ухватил ее за плечо.

— Они скинули «Волну», это новая разработка ИЛа, — Левин разрывался на части глядя как мучаются его товарищи, и как это в значительной мере ослабило натиск Лиля.

Виктория в ужасе глянула на индикатор, алевший на его шее. Сейчас он так отвлекся, что, наверное, принял эту боль за одно из ранений нанесенных когтями птиц. Но скоро боль станет нестерпимой, и он поймет. Она должна была прекратить все это!

— Как они могли применить «ЭТО»?! Они убивают их! Ее надо отключить!!

— Мы не работаем совместно, Виктория. Никто не намеревался специально применять подобное оружие. Это вынужденные меры...

— Это... это не по-людски...

Левин зло выругавшись, сдался. Он активировал бумеранг и запустил его. Еще мгновение, и вышка устройства была снесена. Искрясь оголенными проводами, она, наконец, умолкла, дав возможность людям встать на ноги...

* * *

Он был так далеко. На этот раз, и горько сожалел о том, что обычно передвигался на своих двух. Несколько новых гнезд на болотах были успешно уничтожены, но толку от этого было мало. Поскольку их обитатели сейчас уничтожали его дом, так же, как он расправлялся с их жилищем. Мик летел, не чувствуя земли под ногами. Действие вышки он ощутил еще издали. словно ударившись о невидимую стену, он замер. Затем заставил себя двигаться дальше. Когда он достиг площади, то уже едва стоял, но голубая молния, метнувшаяся совсем близко, едва различимая, принесла божественное облегчение. Проклятый шум исчез. И он смог дышать. Как и фиолетовое море над их головами.

Ему ничего не оставалось, как использовать крайние меры. Его друг был там, среди голодных тварей. Он чуял его, даже отсюда, а так же ту, что смутила его разум. Он ясно ощутил ее боль, слышал, как колотилось сердце, как она задерживала дыхание, пытаясь казаться спокойной. Что за странное создание? Перед кем она играет эту роль? Несколько патрульных были в критическом состоянии. Губы Мика презрительно изогнулись. Они не щадили даже своих... применить «Волну», зная, что здесь будет Южный патруль! Проклятье...

— Придется погеройствовать...

Он заставил себя выйти из укрытия, высоко подняв воротник куртки, намереваясь хоть как-то прикрыть лицо. Зеленые глаза вспыхнули от волнения.

— Так нужно... точно... — молодой человек потянулся к широкому ремню. Капсул, врученных Крешником, осталось не много. Но должно хватить.

Решившись, Мик подбросил несколько капсул, сняв их с пояса. Когда они достигли нужной точки, он выстрелил. Небо вспыхнуло, словно новая звезда родилась у них над головами.

— Покойтесь с миром...

Жаркая, удушливая волна опалила лица, обожгла легкие, заставляя безуспешно закрываться руками и ощущать, как нагрелась броня. Благо щиты не позволили людям попасть под прямое воздействие «Жидкого солнца».

Он не стал дожидаться, пока оставшиеся в живых люди придут в себя. Здесь были те, кто мог позаботиться о них. Он же должен был бежать, и как можно дальше. Сегодня он «засветился» как никогда, на глазах у всех! Он пропал!.. Пускай они не разглядели его лица, но теперь имели представление о том, кто стоит у них на пути. Хорошо еще, что не поняли, «ЧТО» стоит. Узнай патруль кем он является, они на месте закончат то, что начали их коллеги добрую сотню лет назад. Он должен был бежать...

Она стояла у старого кирпичного строения, упершись ладонями в ставшую крошкой от времени стену, склонив голову. Слыша, как она задыхается от охвативших ее спазмов, Хавьер, покачав головой, подошел к ней. Викторину рвало. Капитан придержал ее волосы, собрав их за спиной, чтобы они ей не мешали.

— Это первый шок, это пройдет, Виктория... — он, все еще шатаясь из стороны в сторону после воздействия «Волны» достал купленную у старухи ленточку и связал ее косы.

— Нет... — тошнота новыми волнами накатывала на нее, — ты не понимаешь... я слышала его... я уверена, что слышала его...

— Что вы слышали?

Она смолчала, начиная мыслить более ясно. Что она могла сказать ему? Что она сумасшедшая? Нет. Это она могла сказать только одному человеку, но сначала она должна разобраться с одним не дававшим ей покоя предположением...

Она выровнялась, обтирая лицо. Углядев рядом большие емкости, видимо с дождевой водой, она набрала ее полные горсти, и ополоснула лицо. Вода, наверное, простояла тут уже порядком долго, смешавшись с бурой пылью, оседавшей в ней, ибо ржавые разводы, стекавшие к ее шее, еще больше испачкали беднягу.

Хавьер хотел было исправить положение, предложив платок, но она просто растерла все рукавами, видимо оставшись довольной.

— Дим! Кто отдал приказ направить меня с вами в патруль сегодня? Это ведь не было запланировано заранее?

Он пожал плечами. Оглядывая округу.

— Приказ пришел сверху. Я не знаю, кто лично за ним стоит. Тебе лучше поинтересоваться...

— Она знала! Она знала и направила меня сюда специально...

— Вик, послушай! Не стоит спешить с выводами. Ты разберешься на месте. Обещай.

Она категорично помотала головой. Левин встряхнул ее как следует, заставляя смотреть на него.

— Обещай!

Виктория сдалась, но лишь сейчас, лишь перед ним. В груди же все клокотало от гнева. Видаль не стал высказываться по этому поводу, чувствуя ее состояние. Левин, похоже, и сам не верил в ее слова, но он находился в полном заблуждении на ее счет. Какие еще демоны у нее в голове?

— Я так понял, что нас всех поимели сегодня!!! — Ник возмущенно заголосил на весь двор.

— Ник!

— Предлагаю вернуться, и разнести там все нах...

— Подольский! — Левин толкнул товарища в спину, заставляя умолкнуть.

— Должен признать, что мое желание присоединиться к вам Николая почти пересилило здравый смысл... — Хавьер был белый как полотно. Он потерял еще троих.

Пат не в силах стоять устойчиво, присел на поваленные деревянные ящики. Фрукты из них, разлетелись во время налета, и яркой россыпью лежали у его ног. Он выбрал один из уцелевших, и, обтерев о штаны, принялся, давясь жевать, постоянно откашливаясь. Виктория

видела, как он, едва сдерживает рвущуюся наружу истерику. Его плечи подергивались, от нервного смеха.

— Они использовали нас... как... как паршивых щенков...

Виктория подошла к нему, и опустилась на колени. Вытащив край майки, она разорвала ее, и куском ткани оттерла лицо офицера. Окровавленный лоскут, она зашвырнула подальше с его глаз.

— Держи, тебе поможет, — в ее руке лежало пара выданных Зои таблеток.

Пат недоверчиво глянул, на синее драже, затем на ее такие же синие глаза.

— Что это?

— Да так, принимаю каждый раз, как меня поимеют... на вкус дерьмо, но отпускает, это факт...

— И что, часто ешь?

— Да вместо хлеба...

Пат, наконец, улыбнулся. Она и сама не поняла, как ее рука оказалась на его светлой макушке. Она неловко погладила его и поднялась.

* * *

— Я не знаю, что происходит на самом верху, но похоже, мы стали неудобны. Последнее время, я занимаюсь тем, что хороню своих людей... Я должен найти того, кто за этим стоит! Но сегодня... — Видаль тяжело прислонился к боку пыльной машины.

Она была такой грязной, что все уже давно забыли, какого она была цвета, когда впервые покинула ворота Купола. Но его сейчас не волновала мятая, перепачканная одежда. Дорогая рубашка была порвана, Виктория видела пятна крови, засохшие на расстегнутом воротнике. Хавьер сухо прокашлялся. Девушку одолели противоречивые чувства. «Я бы хотел ему доверять». Так сказал Димка. Она чувствовала, что также хотела бы позволить ему подойти ближе, остаться на расстоянии вытянутой руки — но остаться. Лента в ее волосах нежными переливами успокаивала ее. Черт... он сделал ей подарок? Ее первый подарок... как... мило...

— Черт! — Виктория вспомнила силуэт в золотом зареве. Снова эти глаза. Как жаль, что она не смогла толком разглядеть его.

Кто этот человек? Он спас их, и сбежал. Почему?

— Они применили его прямо перед моим носом! И им снова удалось скрыться! Лейтенант! Где вас носит? — Видаль теряя терпение, наблюдал, как Дмитрий показался у дальних ветхих построек.

— Что они применили, капитан? О чем речь? — Виктория отвлекла его внимание.

— Это «Жидкое солнце» Виктория! Запрещенное вещество, действие которого вы могли наблюдать собственными глазами не так давно!

— Он спас нас! — она не понимала его негодования.

— Вы так уверены в этом?

— От чего же — нет?

— Возможно сегодня, я бы сказал им спасибо. Но все ранее сделанное этими, или этим неизвестным, говорит о том, что это попросту заметание следов! Мне просто не дают возможность увидеть правду! И меня это невыразимо бесит!..

Он, оборвавшись, умолк.

Виктория пожевала нижнюю губу. Да, он, похоже, был прав. И она была частью этого. Но она хоть убейте, не могла открыть рта, чтобы выложить ему все известное. Ей нужны были неопровержимые факты, иначе полетят чьи-то головы. Одна из них точно будет ее...

— Они все молчат, как один. Мне нужно заставить их говорить. Возможно, хорошая сумма развяжет их языки...

— Деньги здесь ничего не значат, Видаль, — Левин, наконец, присоединился к ним, удерживая одну из своих рук за спиной.

— Ты ищешь не убийцу, а того, кого здешние жители считают защитником. Они не заговорят. Потому что уверены — мы не сможем защитить их, а он с этим справляется. Причем, судя по последним событиям, неплохо.

— У вас что-то есть, лейтенант?

— Никогда не знаешь, где найдешь, Видаль... — Левин широко улыбнулся, — ходят слухи о том, кто охотится на Волков. Сочиняют сказки, что уже почти сто лет, как он является, спасая людей. Его считают покровителем в здешних местах.

— Где вы это слышали?

— От нее...

Левин указал на девочку, лет восьми. Оказалось, что все это время она пряталась за ним.

Видаль усмехнулся. Виктория заметила у нее в руках куклу в виде волка. Она была старой, сшитой из черных выцветших местами лоскутков ткани. Ее поразили ярко-зеленые стеклянные бусины, из которых были сделаны ее глаза.

— Как тебя зовут? — она присела возле ребенка.

— Седа.

— Седа, кто это? — она указала на игрушку.

— Это наш Покровитель. Черный Волк. Мама говорит, что он защищает нас, и хранит наш сон.

— Почему у него такие красивые глаза?

— У Черного Волка — зеленые глаза. Он ведь добрый. У злых — глаза красные.

— И вы верите в это, Димитрий?

Хавьер по-доброму, но недоверчиво глядел на ребенка. Девочка вышла вперед и махнула ему рукой, призывая наклониться. Видаль присел к ней. Седа запихнула игрушку за вышитый замшевый поясик и заглянула в его глаза. Ее маленькие ладони держали его лицо.

— Ты ведь тоже Волк?

— Я?..

— У тебя не красные глаза. Они золотые! Они мне нравятся!

— Благодарю, сеньорита...

— Ты тоже добрый. Значит, ты тоже заботишься о нас, и бережешь мой сон?

— Безусловно, дитя. Это моя работа.

— А ты... — девочка отпустила капитана и повернулась к Виктории.

Теперь ее руки коснулись ее лица.

— Тебе очень больно.

— Ты ошибаешься...

— Нет. Ты не добрая...

Девочка отпрянула от нее, и, ухватив свою куклу, прижала ее к груди. Виктория

поднялась, не ожидая подобной реакции ребенка.

— Я думаю, нам пора, — Хавьер взял Викторию за плечи, мягко, но настойчиво вынуждая идти к машинам.

— Ребенка наверняка ищут родители, Димитрий.

— Я отведу ее, собирайте людей, капитан. Эгих тварей не должно остаться. Нужно осмотреть территорию. Есть раненные.

Она не знала, сколько времени прошло. Ее руки не слушались и противно дрожали, после проделанной работы. Им удалось уговорить южан покинуть площадь, и направить своих людей к Куполу, чтобы получить достойную помощь, как бы иронично это не звучало. Поскольку именно их «достойная» помощь и привела их к такому критическому состоянию. Однако капитан Видаль наотрез отказался покидать их. Сколько проклятий с ее стороны не обрушилось на его бедную голову, он твердо решил довести дело до конца. Он ушел последним. Она сама не понимала, почему попросила напарника подождать, пока не убедилась, что единственный оставшийся броневик южан покинул поселок. Ей полегчало в тот самый момент. Она проигнорировала довольную ухмылку Левина.

Кое-как добравшись до ИЛа, Виктория искренне надеялась застать там Зою. Привычный, тихий металлический звук от ее шагов, на этот раз грохочущим эхом раздался в ее голове. Ее подруга хлопотала над дальним столом, смешивая непонятные жидкости в пробирках. Не заметив ее прихода, она полностью отдалась работе. Виктория как была, не отстегнув даже тяжелой брони, завалилась набок на белоснежную кушетку. Окликать подругу просто не было сил, и она покорно дожидалась, пока ее заметят.

— О, мой Бог! — Зои скептически оглядела ее, наконец, почувствовав постороннее присутствие.

Она осторожно опустила свои приборы на гладкий стол, и направилась к своей «постоянной клиентке».

— Я уж было, с тобой попрощалась, дорогуша... — Розевски поджала губы, сдерживая чувства.

— Извини, что разочаровала... — Виктория тяжело села, умолкнув.

Ей многое нужно было обдумать. Нужно было явиться домой. Причем, она уже твердо знала, что это в последний раз. Сегодня ей четко дали понять, что рассчитывать на то, что однажды в женщине родившей ее проснуться материнские чувства, просто глупо. Интересно, как сложилась бы ее жизнь, будь с ними отец? Она бесконечное количество раз думала об этом, представляя себе, его слова, его поступки, но он ушел слишком рано, не дав ей хотя бы раз на себя глянуть. Все что у нее осталось, это пожелтевшая бумажка. Печальный факт...

— Я слышала, больше двадцати погибших?

— Сорок семь... — Виктория прокашлялась. Горло высохло словно бумага, — плюс двое южан, убитых благодаря совместным усилиям ИЛа и Купола...

Она нервно отстегивала броню, кидая накладку на каменный пол, и попыталась скинуть куртку. Спина на уровне лопаток загорелась болью, но она с силой дернула, услышав, как что-то хрустнуло.

— Надеюсь, это не твой плечевой сустав! Сегодня ты молчишь больше обычного.

Девушка глянула на подругу исподлобья, что не предвещало ничего доброго. Зои мудро решила молчать, понимая, что сегодня произошло достаточно, чтобы ее датчик выгорел, она хорошо справилась, судя по тому, что доклада о смерти лейтенанта Левина не последовало...

Она внимательно осмотрела ее, удивляясь, повреждениями легких, глаз и ушей.

— Я сегодня наблюдала подобные повреждения. Я говорю о звероформах, Вик. Не могу понять, как случилось, что «Волна» накрыла и тебя?!

— Не ори... голова треснет...

— Еще бы! Этот диапазон не уловим для человека. Скажи ради Бога, ты, что обнималась с вышкой?!

— Я была поблизости. Не знаю, что тому виной, но меня вывернуло наизнанку, это факт...

— Однажды, это плохо кончится, Вик. У меня слишком мало опыта в таких вещах. Я курсант, а не профессор...

— Он последний, к кому я пойду со своими проблемами.

Зои продолжила обрабатывать ее раны, и, повернув к себе спиной, ворча, вытащила пинцетом обломок, торчащий у нее из лопатки. Виктория поморщилась. Зои повертела осколок перед светом, разглядывая.

— В тебе вечно все застревает! — она не глядя, выбросила темный тонкий обломок в урну.

Соприкоснувшись с испачканными в крови отработанными салфетками, алые пятна медленно чернели, заставляя тонкую ткань рассыпаться в прах.

— И где твоя brutальная половина?

— Вместе с Подольским пишут очень длинный рапорт...

— Могу себе представить! Полагаю, если Николай приложит к этому руку, то только нецензурной брани несколько листов будет!

Зои заклеила рану на ее спине, и наконец, присела рядом.

Натянув обратно майку, Виктория все еще чувствовала отвратительное жжение в плече, но вдруг вспомнила о единственном приятном событии за весь день. Она тряхнула головой, пытаясь показать Зои свое новое украшение.

Алая лента надежно удержала ее кудри. Скрывая черное пятно на майке, расплзающееся в том самом месте, где шип Лиля проткнул плечо. Ткань чернела и просто рассыпалась прахом.

— Ух-ты, надо же! Кто-то умудрился связать их как следует!

— Мне нравится этот звук, он успокаивает, — она опять тряхнула головой, но Зои не могла понять ее восторга.

— Если ты имеешь в виду звон в твоей пустой голове, то нам надо серьезно ей заняться, дорогуша!

— Я пойду, Зои. Спасибо за помощь, — Виктория поднялась, подбирая свою куртку.

— Куда пойдешь-то? — Зои, предчувствуя неладное, запаниковала.

— Я должна зайти домой. Ненадолго...

— Пообещай мне...

Виктория остановила подругу рукой.

— Довольно с меня обещаний на сегодня. Мне надоело клясться в том, что я и близко не собираюсь делать.

Она припомнила, слова маленькой Седы. Ребенок был прав. Ей было больно. И она — не добрая...

— Что ты ей скажешь? Вы поговорите, наконец? — глядя на выражение лица подруги, Зои понимала, насколько наивны ее вопросы.

— Что сегодня произошло, Зои? Что ты можешь сказать об этом?

Розевски вздохнула, отстукивая металлической пятой по плитке.

— По случаю миграции, велено было провести испытания. Когда поступил рапорт от капитала Видаля, поступил приказ отсрочить оповещение населения, во избежание паники.

Предполагалось, что «Волна» делает свое дело...

— О! Она его сделала, Зои!! она сделала...

— Рейды внеплановые! Откуда было знать, что Южный патруль будет на рынке?

— И кто из нас дура?.. — Виктория снова ощутила знакомый жар в груди. Горло противно пересохло. Она открыла двери, выходя на свежий воздух.

— Ты ведь знала, «КТО» такой «Патруль», подруга, — слова Зои догнали ее словно выстрел в спину.

— Верно, «НИКТО»...

— Вы подписались под это.

— Верно...

— Тогда ты должна понимать.

— А если я откажусь? — она повернулась, сверкая синим взглядом. Зои поежилась, словно сам демон предстал перед ней.

— Тогда тебя уничтожат, как угрозу...

Губы девушки скривились, в презрительной усмешке.

— А справятся ли?..

Дверь бесшумно закрылась за ней, куском бронированного стекла отгородив от шума внешнего мира.

Зои некоторое время просто смотрела ей вслед. Затем вернулась к столу и включила свой коммуникатор. Длинная челка скрыла пол ее лица, когда она склонилась, слушая голос на другом конце линии.

— Стабильно, — голос ее дрогнул.

— Прекрасно. Продолжайте! — мужской голос прервался, экран коммуникатора погас. Зои замерла, затем сама не поняла, как ее рука сжалась в кулак, и она больше не сдерживая себя, сокрушала все, находящееся на столе. Пробирки, приборы, химикаты, все летело со звоном на пол, но ее сейчас ничего не волновало. Этот звон был слышен лишь ей. Система надежно укрывала ее от посторонних глаз.

Если бы он не был голограммой, то наверняка придушил бы ее. София Вереск невозмутимо выслушивала льющуюся тираду, от советника Видаля. Мужчина был крайне возмущен, и ему пришлось применить всю силу воли, чтобы придать спокойствие своему голосу, и уж тем более лицу. Откинувшись в резном кресле, он, сощурившись, глядел на женщину находящуюся в это время на другом конце их жалкого мирка.

— Вы не согласовали проведение операции со мной. Под ударом оказался член моей семьи!

— Мне казалось, этот вопрос уже давно решен, Леандро. Принадлежность Хавьера к роду Видалей не рассматривается как необходимость для согласования. Вы сделали официальные заявления. Вы — свое, он — свое. Он теперь, как и многие его коллеги, собственность Сил Безопасности Южного города. Не так ли?

— Моя семья в отличие от вас, сеньора Вереск, не отказывается от своих. Вы заигрались.

— Смешно, если учесть долю вашего участия во всем происходящем. Так же, как и ваши рассуждения, о жалости и родственных чувствах, Видадь.

— Патруль достаточно эффективно выполняет свою функцию.

— Скоро в нем не будет необходимости. За довольно продолжительный период, что не делает им чести, они практически устранили тот уровень угрозы, что был нам нужен. Патруль проделал хорошую работу. Их использование подходит к логическому завершению. Следующий этап за нами.

Профиль мужчины, словно высеченный из камня, освещался бледным светом, лившимся из высокого окна. Он молчал некоторое время, обдумывая сказанное.

— Наши архитекторы заканчивают проект. Итоги будут представлены на Совете. После празднования в честь Единения.

— Прекрасно!

* * *

Она остановилась перед дверью, привычно, как делала это уже много лет. Странный момент. Захотелось рассмеяться, но в глаза, словно песка насыпали. Она приложила ладонь к панели замка, и та, считав ее данные, открыла двери. Мать находилась в своем просторном кабинете. Виктория, слыша мужской не знакомый голос, все же уловила акцент.

Обсуждает со старшим Видалем, как добить оставшихся в живых? Намерения начать хоть какую бы то ни было беседу, растаяли в растущем отвращении. Она просто заберет свое невеликое добро, и уберется из этого дома. Говорить не о чем. Никто и не заметит ее отсутствия.

Проходя мимо широко открытых дверей, она увидела, что беседа велась при включенной двойной голоконференции. Всю стену кабинета занимала голограмма, соединившая их дом с апартаментами Видалей. Виктория саркастически усмехнулась, глядя на резкую попытку матери прервать связь.

— Ты здесь?.. — голос ее звучал напугано, что еще больше подлило масла на ее

сковороду негодования.

— Извини, разочаровала!

Широкоплечий мрачный мужчина, в темном костюме привстал со своего кресла, двинувшись к ней на встречу. Обстановка за его спиной, напоминала ей сказочный дворец.

— Глядите-ка, вот и золотой диван...

Видаль не понял ее слов, но нахмурился еще больше, поджав тонкие губы.

— Вы были там. Как мой брат?

Виктория угрюмо показала ему средний палец, уходя мимо по коридору в свою комнату. Оставшиеся в кабинете слушали, как с грохотом захлопнулась бедная дверь, уставшая от подобного обращения.

Девушка быстро закидала в свой потертый рюкзак немного одежды, и потянулась к старой фотографии, стоявшей на полке у кровати. Она раскрыла рамку, и осторожно достала снимок.

— Совсем пожелтел. Не могу понять, зачем пользоваться бумагой? Это же так непрактично. Ты был странным парнем, верно? Как и твоя дочь...

Она вложила снимок в пластиковый файл для исследований, боясь, что он рассыплется, не выдержав грубых прикосновений, и спрятала фотографию, во внутренний карман куртки, надежно застегнув. Плечо все ныло, при каждом движении. Что-то Зои плохо ее отреставрировала сегодня.

Воспользовавшись тем, что кабинет матери был закрыт, Виктория тихо покинула дом. Ей казалось, что это будет сложнее, но на душе было пусто. Все было куда проще. Новых впечатлений не добавилось.

Девушка добралась до переулка, намереваясь спокойно пройти и обдумать дальнейшие действия. Димке знать не обязательно. Лучше всего напроситься к Зои.

— Крика будет...

Она села на каменную скамью, глядя на широкую полосу дороги и автоматически считая проезжавшие машины. Веки тяжелели сами собой, и она встрепенулась, когда едва не свалилась, на землю, внезапно задремав. Ее тело желало отдыха. И она была вынуждена его поддержать.

— Сеньорита Вереск? Сеньорита!..

Виктория очнулась, соображая, кто стоит перед ней. Мужчина лет пятидесяти, в прекрасно подогнанной белоснежной форме, склонился над ней. Короткие усы смягчали его черты. Морщинки легли в уголках светлых глаз. Он привычно поправил фуражку рукой в перчатке.

— Какие проблемы, человек? — у нее не было сил вести беседы.

Шофер громадной белой машины, блестящей, словно жемчужина у обочины дороги, снова сдержанно поклонился. Она видела, что он намеренно держит дистанцию, словно боится быть испачканным, о столь приземленное существо, вроде нее.

— Вездесущие Видали... чтоб вас... — Виктория отложила рюкзак, ожидая дальнейших действий водителя.

— Господин Леандро Видаль желает говорить с вами, сеньорита, — он нарочито четко и медленно произносил каждое слово, словно говоря полоумной.

Она резко поднялась, он отпрянул, отряхивая форму. Не желая тратить время на нее, водитель достал превосходный коммуникатор, намереваясь образовать линию связи между ней и своим хозяином.

— Канал скрыт. Вам ничего не нужно произносить вслух. Просто проговаривайте про себя. Прибор считает нужную информацию...

Он опасно поднес прибор к ее шее, пытаясь произвести идентификацию, и подключиться, но она, понимая, что за этим последует, сердито отпихнула его.

— Не приближайся, черт!

— Почему не работает? Ваш датчик исправен?

— У тебя три секунды!

Мужчина не став дожидаться истечения времени, включил связь. Голос Видаля зазвучал между ними.

— Я вижу, вы пренебрегли нашими техническими усовершенствованиями, сеньорита Вереск.

— Мое терпение на критическом уровне, я достаточно великодушна, чтобы предупредить!

— Настоятельно прошу посетить мое скромное жилище. У меня к вам дело, Виктория. Это действительно важно. Не отказывайтесь. Обсудим все за ужином, в приятной обстановке.

Ее живот предательски свело. Ужин? Как давно это было?

— И почему я должна ехать?

— Я буду молить, и унижаться. И у меня есть золотой диван... это лучше холодной скамьи.

— Да ты Бог убеждений!

Виктория прошествовала к машине, закинув рюкзак на бежевые кожаные сиденья. Удобно устроившись, она прикрыла глаза, не глядя, ожидая, когда вредный шофер вернется за руль. Через несколько мгновений, машина легко и бесшумно двинулась с места.

Половину дороги она пропустила из внимания, задремав. Глаза ее устало распахнулись уже в тоннеле, оборудованном под землями Пустоши. Она, никогда ранее не посещая его, изумилась работе архитекторов. Если бы не темные своды потолка, можно было и не догадаться о том, что ты находишься под землей. Яркое, дневное освещение, дававшее достаточно энергии для поддержания жизни светолюбивым растениям делало возможным озеленение бесконечного исполинского коридора. Оранжереи тянулись по всей длине дороги. Пересекая контрольный пост и ворота, они попадали прямо во въезд в город. При всех своих амбициях, Южный город мало чем отличался от ее родного города. Та же проблема с перенаселением. Те же уходящие в небеса безликие дома. Разве они могли сравниться с просторами, за старыми каменными стенами?

Владения Видалей располагались почти в центральном районе. Огороженный высоким ажурным металлическим забором роскошный особняк соответствовал ее ожиданиям, и она не сдержала улыбки.

— Унитаз, наверное, тоже золотой...

Они пересекли открытые охраной ворота и подъехали к центральному входу. Их немедленно вышел встречать человек в такой же белоснежной форме, поспешивший открыть ей дверцу. Виктория тяжело выбралась, уже жалея, что согласилась и, прихватив свой рюкзачок, последовала за дворецким.

— Прощу. Вас ожидают, — галантно проводив ее, мужчина попросил ее куртку и сумку.

Видя искреннее расположение этого человека, девушка рискнула расстаться со своими вещами, доверив их поклонившемуся дворецкому. Он распахнул широкие узорчатые двери, пропуская ее в светлый просторный зал. Представив ее, мужчина удалился, оставив гостью наедине с хозяином.

— Дорога не утомила вас, надеюсь? — Леандро оказался приземистей, чем создалось впечатление на голоконференции. Прекрасно скроенный серый костюм придавал ему еще большей официальности. Даже дома, словно на заседании. Виктория не ответив, прошла к предложенному уютному диванчику, расшитому удивительными шелковыми цветами. Ткань обивки была восхитительной на ощупь. Ее мозолистые, исцарапанные ладони осторожно коснулись ее, словно боясь, что под руками шитье рассыплется.

— Располагайтесь удобнее, — он наблюдал за нею, словно ловя каждый взгляд и движение.

Уголки его губ подергивались, от прилагаемых усилий. Этот черт пытался сдержать улыбку, наблюдая за ее растерянностью! Проклятье!

Она хмуро откинулась на мягкую спинку. Плечо мигом напомнило о себе. Она поморщилась, забыв о ране, и видя его мгновенную реакцию.

— Вам больно?

— Вот только не будем играть в заботливого дядю, — девушка покосилась на столик, на который пришедшая женщина в переднике опустила поднос.

Поставив чашки с ароматным чаем, и сняв с подноса остальную посуду, она тихо удалилась.

— Прощу, согрейтесь. Это позволит нам в более дружественной обстановке продолжить беседу.

Гостья подняла ближайшую чашку, раздумывая, перед тем как отпить. Не хотелось предполагать, что добрый хозяин подлил туда яду...

— Я не нравлюсь вам?

— А должен? — Виктория осторожно отпила чай из предложенной прозрачной чашки, любуясь на медленно опадающие чайники.

Эти двое так легко умудряются всех людей в округе заставить чувствовать себя оборванцами!

— Мои люди в Куполе доложили о том, что брат особенно уделяет вам внимание.

Виктория только собралась ответить, но он прервал ее.

— Я рад тому, что все именно так. Я желаю знать, как дела у брата.

Ее едкая улыбка вывела его из показного равновесия.

— Я хочу знать, в чем причина столь откровенной неприязни, сеньорита!

— Столько всего хочешь, Видаль. Хочешь знать, как быстро загнется твой младший братец, от яда, что твои приспешники вкачивают ему планомерно, как подопытной зверушке! Если тебя заботит его благополучие, то пусть прекратят пичкать отравой и превращать в монстра. Хочешь знать, за что я тебя, и тебе подобных ненавижу?!

— Если Хавьер не будет принимать сыворотку — он умрет.

Холодное резкое заявление его, прозвучало словно оплеуха. Она поднялась, звонко стукнув чашкой по стеклянному столу, не веря собственным ушам.

— Что за глупые шутки!

— Сядьте! — его тон не терпел возражений, да и она по его выражению лица поняла, что сказанное дальше, лучше выслушать сидя.

— Он принимает приступы, за последствия действия мутации, но это проявление болезни. Его тело не выдержит, если он прекратит. Она помогает регенерировать клетки ткани. Звероформа — его щит...

Не все зло, что вы видите, сеньорита. Именно поэтому, я финансирую изыскания Купола. Именно поэтому, отпустил брата. Наш отец умер от той же болезни, поражающей костную ткань в организме. Звероформа не зло, Виктория. Она — ваш Щит.

Известия признаться огорошили ее, но она бы никогда не позволила себе проявить это при сидящем напротив человеке. Что же до уверений в бесценности сыворотки, тут она никогда не согласится. Игра в Бога никогда не приводит к добру.

— Разве нельзя было просто дать ему сыворотку? Зачем заставлять идти в патруль?

— Ваша вера в мои возможности впечатляет и льстит. У меня нет такой власти.

— Зачем ты мне все это рассказал?

— Вы дочь своей матери, Виктория. Ваш союз с Хавьером рассматривается мною как достаточно...

Она расхохоталась, поднявшись.

— Знаешь, последние девятнадцать лет меня не отпускает мысль, что эта женщина подобрала меня в какой-нибудь мусорке, и никак не могла решиться: выбросить, или использовать. Так что если через меня, ты хотел повернуть свои темные делишки, то ты зря потратил время, Видаль.

— Ты слышала о празднике в честь Единения?

Он не слышал ее? Словно и не говорила ничего. Она презрительно хмыкнула, отступая назад.

— Праздник? Нет, честно? — она недоумевала, глядя на него, такого спокойного, —

совсем недавно разыгралась трагедия, но все делают вид, что ничего не случилось?! Не отменяют празднование?

— Случившееся, лишь часть вашей работы. Вчерашний день, всего лишь один из дней, Виктория. Трагедией его делает, участие в нем близких вам людей. И это трагедия лишь вашего сердечка, признаться довольно благородного, на удивление.

— Ненавижу...

— Честно, не могу сказать, что взаимно. И ваша ненависть, меня нисколько не трогает. Все, что мне нужно, так это ваше присутствие на празднике.

— Ноги моей там не будет!

— Он был бы рад вас видеть.

— Тогда пусть сам об этом сообщит!

— В этом году правила немного изменились. Вы должны выбрать того, с кем прибудете, сеньорита Вереск, — он протянул Виктории приглашение.

Она приняла красивый конверт. Он усмехался, глядя на нее, и она горько поняла причину его сарказма. Такая, как она, едва ли окажется приличной дамой на подобном мероприятии.

— Выбор за вами, но я прошу присмотреть за братом и оказать ему поддержку.

— Я не стану просить его пойти со мной, Видаль!

— Как я уже сказал, сеньорита, я буду просить и унижаться...

— Хотелось бы на это посмотреть...

— Мне начинать?

Она скривилась в отвращении.

— Я пойду. Много дел.

— Ты не похожа на свою мать.

— А твой брат не похож на тебя. Меня не надо упрашивать. Если я решу, то обращусь к нему. Если нет, то интригуйте в своих кабинетах, Видаль. Оставьте нам наши заботы.

Виктория устало поплелась к выходу. Заносчивый водитель открыл ей двери, и она почти упала на сиденье.

— Куда? К дому?

— У Купола остановишь.

— Зачем?

— Какого черта задаешь мне вопросы?! Твое дело везти! — она зло хлопнула дверцей.

Машина полетела обратно через бурлящий город к успокаивающе пустынному тоннелю. Хрустальный свод Купола засверкал впереди, заслоняя собственным ореолом северную стену. Виктория вышла около поста, намереваясь быстрее пройти идентификацию, и покинуть это место. Задыхаясь, ей нужен был простор. Она отпустила водителя, и тот сдержанно все же попросив ее быть осторожнее уехал. Виктория, пройдя проверку, спустилась к гаражам. Патрульная техника оставлялась ими для ремонта и осмотра в техническом отделе. Присвоив патрульный мотоцикл, она направилась в Пустошь.

Это местечко она запомнила еще с прошлого визита. Старенький бар был тем самым нужным местом, для нее сейчас. Виктория остановила мотоцикл недалеко от входа и огляделась. Было пустынно. Последние события разогнали и тех немногих посетителей, что заходили сюда. Прихватив свои вещи, она поднялась по скрипящему крыльцу и толкнула старую дверь. На ее голову немедленно посыпалась засохшая синяя краска. Она подняла голову, глядя на покосившуюся вывеску. Милая птичка, приветливо расправив тонкие крылья, словно собиралась сию минуту вспорхнуть в пасмурное небо. Все было таким ветхим. Девушка вошла, бережно прикрыв дверь, и осторожно вдохнула воздух, ожидая противного пьяного смога, но к ее немалому удивлению, по небольшому помещению плыл аромат свежей выпечки. Она с удовольствием вновь наполнила легкие волшебным ароматом, чувствуя, что сейчас упадет в голодный обморок. Виктория подошла к барной стойке, сдерживая внезапный приступ кашля. Ханна удивленно оглядела ее с ног до головы.

— Да ты еле на ногах стоишь, деточка!

— Мне бы выпить чего-нибудь... — девушка тяжело упала на высокий круглый стул.

— И поесть бы не мешало!

Хозяйка кивнула помощнику, и тот, плеснув в стакан живительную влагу, запустил его по гладкой как стекло поверхности стойки в сторону девушки. Виктория протянула руку, чтоб поймать его.

— Пей маленькими глотками. К нему нужно привыкнуть, — Ханна улыбнулась яркими губами.

— Это спиртное?

— Моя дорогая. Я не даю детям дрянь! У меня достойное заведение.

Виктория скептически оглядела бар, но благодарно смолчала. Отпив из стакана, она почувствовала, как легкая прохлада наполнила горло, опускаясь ниже. Дыхание успокоилось, и начинавшийся приступ отсрочился.

— Что же это было? — она разглядывала содержимое своего стакана, пытаясь понять состав.

— Я готовлю его, для моего дорогого мальчика. У него частые проблемы с горлом... — Ханна замялась, припоминая дикое рычание, — удивительно, что и тебе он сгодился. Подожди здесь, он уже почти готов!

Ударив цветными ладонями по столу, хозяйка удалилась на кухню. Виктория опустила пустой стакан, чувствуя, что глаза предательски закрываются. Усталость окончательно одолела ее.

Она положила голову на стойку и не заметила, как, наконец, заснула. Вернувшись с подносом, Ханна улыбнулась, покачав головой. Поставив тихонько дымящийся пирог на деревянную поверхность стола, она, разглядывая ее, снова отправилась на кухню. Покопавшись в шкафчиках, она достала необходимые вещи и, стараясь не шуметь, возвратилась. Взяв старые плоскогубцы, она захватила в ее порванной куртке обломок и вытащила его.

Она не могла поверить, как ей повезло, что она не пострадала. Шип Лила пробил плотную кожу куртки, пройдя насквозь, но не смог убить ее. Иногда чудеса случаются и на этой земле.

— У тебя прекрасный Ангел Хранитель, девочка моя.

Хозяйка осторожно повернулась, держа убийственный осколок и войдя на кухню, закинула его в печь. Сгорев дотла, он больше не мог причинить зла. Выкинув туда и плоскогубцы, Ханна почувствовала, как подул свежий ветер. Кто-то еще посетил ее, открыв двери. Выглянув, она успокоилась.

— Малыш!..

Мик не удивился, увидев спящую за столом посетительницу. Он почуял ее уже давно. Маленький блестящий накопитель нагрелся в его руках. Он убедил себя, что просто должен его вернуть. И это все. Просто воспользуется удачным моментом и уберется отсюда.

Вздыхнув, он присел рядом, и, пододвинув поднос с пирогом, принялся жевать горячий кусок. Ханна покачала рыжей головой, сердито прошипев.

— Хоть бы руки вымыл, паршивец...

Он довольный улыбнулся, заставив ее обреченно махнуть рукой. Ханна обернулась к своей посетительнице. Она достала деревянный гребень из своих волос, и осторожно, стараясь не разбудить ее, принялась расчесывать ее окончательно спутанные волосы. Она со знанием дела продолжала свои действия, пока они не заблестели гладью словно зеркало. Умело, женщина сплела их веночком вокруг ее головы, вплетя в волосы алую ленту. Она слышала, как девушка, вздрагивая, судорожно вздыхала во сне, словно после тяжких рыданий, и сердце женщины каждый раз сжималось от участия.

Пока она спала, Мик насытившись, сидел возле нее и, положив голову на свои руки, молча, смотрел, как Ханна заплетала ее. Хозяйка заметила, каким теплом светились его удивительные глаза.

— Ты знаешь ее малыш?

— Прозвучит странно, но, кажется уже сто лет... это словно встретить старого друга. Того, кого уже никогда не надеялся встретить. Ты веришь во второй шанс, Ханна?

Женщина потрепала его по черной макушке.

— Верю, волчонок.

Хозяйка закончила свой шедевр, удовлетворенно осматривая результат.

— А ты просто красавица. Всю жизнь мечтала, что будет у меня дочь, и буду плести ей косы...

Ханна захватила пустой поднос, стирая крошки со стойки, и отправилась на кухню. Мик слышал, как звенела посуда и тихо лилась вода. Эти привычные звуки успокаивали. Виктория продолжала глубоко спать, и он слышал, как ровно билось ее сердце. Он не заметил, как глядя на нее, сам задремал. Сон пришел к нему так легко и спокойно. Впервые за долгие, долгие годы.

Выглянув из кухни, Ханна тепло улыбнулась, вытирая мокрые руки о большой выцветший передник.

Она глядела на них спящих безмятежно.

— Спице мои волчата.

Ночь пронеслась, растаяв, словно кто сдернул с неба черное покрывало.

Она проснулась уже утром. За окнами поднималось солнце, золотя вымытую посуду. Ее руки сами потянулись к голове, внезапно не ощутив привычных спутанных прядей закрывавших обзор.

— Как это?.. Что это?.. — девушка нащупала в сплетенной косе драгоценную ленточку и успокоилась.

Кто-то подшутил над ней? Ладно, главное не потеряла.

— Доброе утро!

Женский голос донесся откуда-то из глубины соседнего помещения. Теперь, окончательно проснувшись, она сообразила, где находится. Выходит, умудрилась заснуть в баре.

— Надо было разбудить меня.

— Надо было бы, разбудила. Не думай, что меня здесь сильно манеры беспокоят, — Ханна появилась, вновь неся свои кулинарные шедевры.

Аромат горячей еды вскружил ее голову. Виктория подтянулась, пытаясь заглянуть на поднос.

— Поешь, как следует. Потом можешь идти, — хозяйка расставила перед своей посетительницей тарелки.

— Спасибо. Твой тон намекает на то, что я должна поскорее убираться? — Виктория, быстро жуя, едва не давясь, ожидая, исподлобья глядела на рыжеволосую женщину.

— Сегодня в поселке день Памяти. Люди соберутся, чтобы почтить павших от нашествия Лила. Ввиду последних событий, тебе лучше не попадаться в одиночку им на глаза. Не все понимают, действия патруля, в тот день на рынке. И никто не простит тех, кто предал.

Виктория отодвинула тарелку.

— Ешь.

— Не голодна более.

Девушка, порывшись в карманах, насобирала горсть монет и высыпала их на стойку.

— Надеюсь достаточно...

Ханна сдержанно выдвинув небольшой ящик под крышкой стола, небрежно смахнула в него деньги, зазвеневшие в тишине.

Виктория наклонилась, поднимая рюкзак и, только теперь увидела свой блеснувший накопитель, у пустого стакана. Виктория спросила, кто его оставил, но Ханна лишь коротко пожав плечами, ответила, что посетитель нашел его у скал, и подумал, что он может принадлежать кому-то из патрульных.

— Хотелось бы сказать спасибо.

— Не волнуйся, он об этом узнает.

Это зрелище было поистине величественным и печальным. Тела погибших, были обернуты белой простой тканью, и уложены на настил из тонких бревен.

Люди сходились к площади, и становились широким кругом. Они, молча, поднимали свою ладонь, прикасаясь ею ко лбу, затем прижимали к сердцу. Простой ритуал, простой, но так проникал в душу, что она сама не заметила, как словно замороженная, потянулась ободранной ладонью к своей голове, потом остановив ее на груди.

Отсюда, с высоты первых скал, ей было видно все как на ладони. Ветер срывал куртку, толкая ее в спину, словно прогоняя, но она упрямо продолжала стоять и наблюдать, за действиями, разворачивающимися внизу, у поселка.

Несколько охотников, вскинули свои механические луки. Сегодня их оружие не служило для добычи. Оно отпускало души тех, кто пал. Горящие стрелы символически взлетели к небу, яркими молниями несясь к помосту. Через миг, он пылал. Никто не произнес и слова. Ни взрослые, ни дети, твердо стоящие рядом с ними. Все, как один.

— Покойтесь с миром... — Виктория отступила назад, спускаясь с выступа и направляясь к брошенному мотоциклу. Ветер уже успел осыпать его ржавой пылью, и она, поджав губы, резкими движениями стала смахивать ее прочь. Проклятье! Волнами поднималось в груди негодование. Она даже отсюда слышала треск поленьев и запах гари. Ей казалось, что даже сам воздух раскалился от горевшего внизу пламени.

— Никто не простит тех, кто предал...

Виктория сорвалась с места. На полной скорости уносясь к сверкающему Куполу, переливавшемуся в лучах поднимавшегося солнца. Сейчас он не казался белым. Он пылал оттенками алого, в рассветном зареве.

— Теперь ты отражаешь свою истинную суть, — девушка неохотно повела мотоцикл к воротам.

На этот раз незаметно вернуться ей не удалось.

Дежурный страдальчески глядел на оставленную ею технику, покрытую сантиметровым слоем пыли и грязи.

— Я только вчера вечером закончил с ним. Он что, всю ночь под открытым небом простоял?! — возмущенный, техник оглядывал мотоцикл на предмет повреждений, но к его радости их не было. Виктория, молча пожав плечами, поднялась к лифту. Широкая решетчатая дверь поднялась, пропуская ее. Со скрежетом, подъемник понес ее к верхним этажам, где пришлось бы пересест в более комфортный лифт, но она пошла пешком. Поднявшись до самой середины Купола, Виктория подошла к краю уровня и, перегнувшись через перила, глянула вниз. Огромный парк безмятежно шумел под ее ногами. В центре его уже готовили площадку для празднования. Рабочие сновали, украшая и расставляя необходимое оборудование. Она представила себе завтрашний день и желудок противно сжался.

— Что я делаю?..

Она видела раньше, до того, как ее стали запирают в комнате, красивых женщин и прекрасно одетых, важных мужчин, приглашенных в их дом. Играла легкая музыка, они говорили о делах, смеялись как-то не натурально, деланно, звенели бокалы. Она любовалась на красивые разноцветные платья, в которые были облачены гости. Эти люди казались ей

пришельцами из другого мира. Призрачными и не достигаемыми. Завтра она предстанет перед ними. Стоит ли невыносимый капитан таких усилий?

Стоит... она была вынуждена признать этот странный факт. Это было ужасно, ново, удивительное чувство. Ей казалось, что более непредсказуемого явления, чем ее дикие приступы не существует. Теперь это знание разбилось вдребезги. То, что заставляло дрожать ее руки, то, что заставляло ее щеки гореть, было стихийно, неподконтрольно, но не причиняло боль. Волновало, но что-то внутри ее, требовало продолжения.

— Представляешь, как тут все преобразится завтра? — спокойный голос неожиданно зазвучал у нее за спиной, заставляя все мышцы мгновенно напрячься, словно перед атакой.

— Вы тоже будете присутствовать, — она не стала оборачиваться к профессору, так некстати прервавшего ее размышления.

— Есть важные дела, которые можно обсудить в более непринужденной обстановке. Празднование более чем отлично подходит.

— Важные дела. Они сопровождают вас всю вашу жизнь, профессор. Вы когда-нибудь просто сидели и наслаждались моментом, ничего не делая? — она продолжала глядеть на плавно склоняющиеся ветви деревьев. Система вентилирования прекрасно имитировала порывы ветра. Все было в точности как живое. В точности, но не было, по сути...

— Как ты себя чувствуешь? Нам не удалось поговорить в прошлый раз. Твое первое дежурство было не самым лучшим началом для службы. Но стало хорошим опытом. Ведь так?

Ее пальцы побелели, сжимая гладкие перила. Она заставила себя разжать руки и повернуться к Ссону лицом к лицу.

— Вы словно ждете, что я упаду. Всю мою жизнь... — она попыталась выдержать его взгляд.

— Что ты, я делаю все ставки на то, что ты устоишь.

— Не стоит ставить все, профессор. Именно сейчас, после вашего признания, мне нестерпимо захотелось упасть...

Виктория прошла мимо него, едва не задев плечом. Он еще долго глядел ей в след, прислонившись спиной к холодным перилам. Она все, ускоряя шаг, неслась по бесконечному закруглявшемуся коридору. Еще несколько уровней. Еще немного и она на свободе. Стены давили на нее.

Выбравшись, наконец, из огромного здания, она остановилась на широком старом мосту. Ветер здесь был холодным. Как и на скалах. Он пытался то толкать ее в спину, то выбивал дыхание, дуя в лицо. Она оглядела свою дорогу. Стена города была едва видна, тянясь темно-серой полосой. Глупо было идти пешком. Но это было тем самым, что ей нужно. Поправив шлейки рюкзака, Виктория зашагала к северному посту. Времени все обдумать, у нее было предостаточно. Особенно зная, как обычно проходят беседы с Зои. А поговорить было необходимо, ведь без ее помощи ей не справиться. Оставалось только надеяться, что кричать она не будет...

* * *

— Ты дуреха!!! Что он тебе сказал? Чем взял? Знаешь, его ведь недаром зовут Лживым Видалем! — Розевски не переставая, ходила, вновь и вновь пересекая комнату.

Виктория угрюмо молчала.

— Почему ты решила верить ему? Ты же никому не доверяешь? Что с тобой? Зачем тебе сдался этот праздник?

— Я пойду туда.

Зои запаниковала. Она нутром чуяла опасность, но переубедить подругу было невозможно. Осталось бить по больному...

— Думаешь, тебе будут там рады?

— Не начинай. Зои!

— Ты себя в зеркало видела? Чего ты ждешь от этого вечера? Хочешь все испортить? Выставить себя еще в худшем свете?

— Такого света уже нет. Я не собираюсь ничего портить!

— И когда так было, дорогуша?! Набьешь морду гостям?

— Я настолько безнадежна? Настолько, что у меня нет шанса?

Зои сдалась. Подруга так же знала, куда надавить. Ничья. Но может...

— У тебя нет платья.

— Ты мне его дашь, Зои.

Угроза в ее голосе, заставила девушку попятиться, понимая, что она проиграла. Ее протез тихо звякнул о ножку стола. Зои присела на округлый край высокого табурета, такого удобного, специально купленного ею, чтобы легче было сесть, с постоянно ноющей ногой. Она бессильно сложила руки на коленях, сцепив пальцы в замок.

— Если я попрошу тебя честно сказать, почему ты приняла это безумное решение, ты ответишь?

Виктория, опершись о дверной косяк, задумчиво жевала нижнюю губу. Ее хмурое выражение лица как-то не вязалось с прекрасно уложенными косами. Она была почти похожа на нормальную женщину.

— Я просто побуду рядом и уйду. Не собираюсь задерживаться. Это все глупые правила! Меня почему-то бесит одна мысль, что этот глупый капитан отправится туда с...

Она прервалась, беспомощно махнув рукой. Зои тихо выдохнула. Ей казалось, что силы покидают ее в этот час. Она действительно проиграла. Знала бы сразу, не начинала этот бессмысленный разговор.

— Значит, ты пригласишь Видаля.

— Звучит как-то не очень...

— Но это факт. Его обаяние нельзя отрицать, понимаю тебя. Но ты сейчас не в том состоянии, чтобы заводить романы, Вик.

— Ты сейчас издеваешься надо мной? Я не собираюсь ничего заводить! — она смотрела на подругу как на ненормальную. И видела такой же ответный взгляд.

— Ты думаешь, когда-нибудь я изменюсь?

Зои открыла, было, рот, порываясь что-то ответить, но вновь села на свой стул, бессильно подняв и опустив на колени руки.

— Они не уменьшаются, подруга. Они не становятся легче, или безопасней для окружающих. Однажды, после очередного приступа, кому-нибудь придется нажать на курок, и остановить меня...

— Твои слова, они...

— Я знаю, я чувствую, Зои. Чувствую, что именно так я и закончу. Но завтра я хочу сделать это. Пока могу. Пока мое время не вышло.

Она говорила так горячо, так серьезно, что Зои так и сидела с открытым ртом. Она так спокойно рассуждала, что подруге захотелось кинуть в нее что-нибудь увесистое. Только бы она перестала.

— Замолчи! Я не желаю это слушать! Я дам тебе чертово платье!

— Отлично! — она подхватилась, словно и не рассуждала только что о конце собственной жизни.

— Выбери подходящее, какое сама сочтешь таковым. А мне нужно решить один вопрос...

— Какой? Куда ты собралась? — Зои поднялась, тяжело ступая за нею. Нога разнылась, видимо погода менялась.

— Скажу ему... — Виктория обернулась у самых дверей лаборатории. Глаза ее, огромные, были напуганы. Впервые Зои видела их такими.

— А если он не согласится?..

— Значит он действительно идиот, дорогуша!

Виктория кивнула, вряд ли расслышав слова подруги, и окончательно погрузившись в свои тяжкие думы, тихо потопала к Аллее.

Едва дождавшись, пока подруга покинет ее, Зои кинулась к столу, активируя коммуникатор. Только экран загорелся, она, едва сдерживаясь, заговорила:

— Решили на этот раз подойти творчески? Использовали семью Видалей? Что вы задумали?

Спокойный голос, раздававшийся из коммуникатора, раздражал и выводил из себя. Она яростно швырнула его на пол.

— Где ты есть? Я не вижу и не слышу тебя вторые сутки! — Левин, широко шагая по темному коридору, возмущенно отчитывал пропавшего напарника.

Доедая скудный завтрак, он устало стал подниматься на второй этаж.

— Не ври! Я в Академии, и тебя здесь нет. Да, попалась! Ты забыла, что теперь у тебя есть обязательства перед ВСБ? Почему так шумно? Ты в центре? Твой отчет должен был быть готов еще вчера!..

Зои выскочила перед ним так резво, что Левин поперхнулся зачерствевшей булкой, отнятой у вечно голодного Ника. Девушка перегородила ему проход.

— Ты выглядишь очень воинственно... — он просипел, откашливаясь и стуча себя в грудь кулаком. Проклятые крошки раздирали горло.

— Извини дорогуша. Ничего личного, только голый расчет.

Она засунула ему в нагрудный карман формы, блестящий позолотой конверт, с приглашением.

— Там будут все более-менее стоящие умы наших городов, и мне кровь с носа должно там быть!

— Я не...

— Ты же понимаешь, кровь из чьего носа, я имею в виду, Левин? — она угрожающе приблизилась к нему вплотную.

— Ты идешь со мной и точка!

— Куда?! — он, недоумевая, глядел то на медика, то на торчащий из кармана конверт.

— Завтра день Единения, Левин! Как можно такого не знать?! Ты же офицер!

— Я отвечаю за работу патруля, Розевски. Мне нет дела до мероприятий горожан. Меня не будет на этом празднике кошельков. Завтра единственный за последние три месяца выходной!

Он видел, как сузились ее глаза.

— Потом я выезжаю на дежурство...

Она предупреждающе сложила руки на груди.

— Ты же знаешь, что у меня найдется много способов убедить тебя, лейтенант.

Конечно, он знал. Но попробовать стоило.

— То, что я приду с тобой, не означает, что я буду ходить под ручку, пока ты будешь выискивать своих умников.

— Хороший мальчик, — она потрепала его по щеке, вызывая острое желание сделать больно, но Левин сдержался, понимая, скольким был обязан. Немного позора и тесный галстук в обмен на безопасность его напарника, это жалкая плата.

* * *

Городской коммуникатор еще никогда не вызывал у нее такой паники. Она уже битый час ходила вокруг него кругами, то приближаясь, то одергивая руку, словно боясь обжечься.

— Да что такое, в самом деле?!

Она закинула потертый рюкзак на пыльный асфальт, уже разогретый ярким солнцем.

Голову припекало, а еще даже не полдень. Она глянула в чистое небо. Жара... воздух плавился перед глазами, смешиваясь с душным запахом перенаселенного города и бесчисленного транспорта.

— Да здесь просто дышать нечем! — она скинула и куртку, кинув ее на ранее брошенные вещи.

Так немного полегчало. Ветерок хоть и слишком теплый, все же обдувал ее разгоряченное тело.

— К черту!.. — ее рука, вспотев от волнения, набрала нужные цифры. Панель загоралась, выдавая режим ожидания, и она впервые в жизни ощутила дрожь в коленках. Что же это?..

Виктория к своему растущему ужасу увидела, что вызов подтвержден. Шум города и весь остальной мир словно отодвинулся на задний план, больше не существуя для нее.

Он был полностью одет в этот раз (как и она, к ее облегчению), и видимо она застала его на пороге. Хавьер быстро опустил поля своей шляпы, поправляя и без того идеально сидящий галстук. Но она успела заметить, что он с синяками под глазами, похож на привидение. Он до сих пор не пришел в себя!

Хавьер же, придвинувшись ближе к экрану, словно стараясь лучше ее разглядеть, беспокойно поинтересовался:

— Почему вы до сих пор не переоделись? И почему не были дома? Любите заставлять людей беспокоиться о вас, сеньорита?

— Ты дурак...

— Я могу это оспорить? — он мягко улыбнулся.

— Короче... — она не могла заставить себя произнести нужные слова. Проклятье!

Виктория до хруста сдавила края уличного коммуникатора. Белая краска посыпалась на асфальт. Ее старые ботинки нервно отстукивали бессмысленный ритм, поднимая пыль с горячего асфальта.

— Я слушаю.

— Короче!

— Еще короче?.. — он засиял улыбкой. Пусть и дразня ее, он любовался произведением искусства венчавшего ее голову. Особое удовольствие доставило наблюдать алую ленту, вплетенную чьими-то умелыми руками в ее косу.

— Вы красавица.

— Смерти ищешь, капитан?!

О Боже, она, чувствуя себя полной дурочкой, просто забыла, что должна была сказать. От чего так шумело в ушах? Ей захотелось перенестись через разделявшее их расстояние и сбить с его головы проклятую шляпу, не дававшую увидеть толком его глаза. Словно прочитав ее мысли, Хавьер снял свой головной убор, кинув его куда-то за пределы экрана.

— Так я кажусь вам менее официальным? — он растрепал свои послушные волосы, желая казаться проще и доступнее для нее.

Ей же показалось, что одень он горшок на голову, все равно останется недостижимым. Она сошла с ума, решив, что может рассчитывать на его одобрение. И она, и его негодяй брат, они оба идиоты!

— Завтра... — она прокашлялась, внезапно горло высохло словно бумага, — завтра в Куполе будут праздновать день Единения... они — идиоты! Эту церемонию нужно было отложить, но это никого не волнует...

— У вас доброе сердце, Виктория, — он сиял все ярче, лицо его свежело на глазах. Она изумленно глядела, не слыша его, но словно чувствуя через сотни километров.

— Я хочу испортить им все удовольствие... ты со мной?..

— Я с вами, Виктория, — золотым огнем вспыхнули его карие глаза. Стирая синяки и ссадины с лица, сыворотка заканчивала свою трансформацию.

Музыка звучала слишком громко. Туфли, слишком жали. Корсет платья слишком душил...

— Проклятье...

Зои, расправляя складки серебристого длинного платья, чтобы скрыть травмированную ногу, злорадно улыбнулась.

— Теперь понимаешь, что не стоило приходить?

— Заткнись, Розевски! — Виктория прошипела ей на ухо, сдерживаясь, чтобы не дать пинка. Она была полностью уверена, что туфли на два размера меньше, были выбраны подругой намеренно, просто чтобы достать ее.

— Мы входим, ради Бога, не испортить все.

Виктория хотела ответить, но потеряла дар речи. Они ждали их на верхних ступенях. Позади них, яркими огнями горел огромный коридор, приглашая в само сердце Купола.

— Черт возьми! Дорогуша, это как оказаться в детстве, в кондитерской лавке...

Она не слышала подругу. Не моргая, она глядела на ступени. Они спускались, казавшись в золотых огнях все более нереальными. Оба, коснулись земли сапогами почти одновременно. Один, в белоснежном парадном камзоле, украшенном серебряными пуговицами, другой, словно его негатив, в прекрасном черном камзоле, сверкая золотом шитья и глаз...

— Как вам удалось Видаль? — Левин с нескрываемым восхищением глядел на своего преобразившегося напарника.

— Это не моя заслуга, Димитрий... тише... — Хавьер приложил палец к восхитительным губам, — не вспугните волшебство...

Ее шелковое платье, цвета спелой вишни, оставляло открытыми плечи, давая вечернему ветру овеять их холодком. Корсет, расшитый камнями не давая нормально дышать, охватывал тонкую талию. Зои нацепила на нее высоченные туфли, не позволявшие ходить привычно широко и быстро. Не желая ее слушать, Розевски заверила, что только подобная обувь заставит ее ходить нормально, как женщина, и не опозорит ее при гостях. От раны на плече остался неприглядный саднивший шрам. Покачав головой, Зои оббежала с полгорода, и вернулась с тонким конвертом. Виктория удивленно глядела, как подруга вытащила на свет черную, ажурную бабочку, невесомое бархатное плетение было нанесено на тонкий прозрачный лист.

— Она активизируется при контакте с теплом тела. Мы скроем все, что нужно, Вик. Ничего не будет заметно.

Зои развернув изображение, бережно приложила его к плечу подруги и нажала ладонью. Тепло коснулось кожи и, убрав лист, они могли увидеть, как прекрасная бабочка, словно живая укрыла ее раненое плечо.

— Теперь все идеально, — Зои выбросила обертку, наконец, расслабившись и имея возможность заняться собой.

Темные волосы Виктории осыпали ее открытую спину, прохладным зеркально гладким потоком струясь ниже талии.

Хавьер шагнул к ней, непроизвольно потянувшись к ее волосам рукой. Подхватив тяжелую шелковую прядь, он, приветственно склонившись, поднес ее к губам, вдыхая

знакомый аромат.

— Добро пожаловать, сеньорита, — легкая улыбка дурманила ее, заставляя краснеть, и молча замереть, не находя слов для достойного ответа.

Зои вздохнула рядом, расстроено глядя на Левина, не сводившего глаз со своего напарника.

Он как верный пес, не желал подпускать к ней никого, откровенно любуясь ею.

— Я здесь, дорогуша! Уделишь своей даме минуту внимания? — ее голос опасно повисился.

Наконец опомнившись, Дмитрий повернулся к ней. Галантно склонив голову, он, бережно взяв ее ладонь, затянутую серебристым кружевом, в свою руку, запечатлел короткий поцелуй.

— Ты должна извинить меня, Розевски... сегодня я чувствую себя, как... как...

— Как папочка, впервые увидев свою ненаглядную девочку на балу!

— В точку! — он широко улыбнулся, беря ее под руку.

— Вы просто душечки! — Зои потянула его в зал.

Виктория никогда не видела их в парадной форме. На вешалке, в шкафу Левина, она смотрелась внушительно, но эффект произведенный их появлением, был в сто крат сильнее. Если от Видаля она ожидала подобного, то потрепанный напарник, волшебным образом преобразившись, заставил несколько раз оглянуться через плечо, пока Хавьер вел ее под руку по коридору.

Он такой красивый! Она не должна испортить сегодняшний вечер. Он просто обязан быть счастливым.

— Виктория, — капитан притормозил, останавливая ее, — с ним ничего не случится. Верно сеньорита Розевски?

Хавьер глянул на Зои. Та, утвердительно кивнула, потащив Левина дальше. Дмитрий шуточно подмигнул ей, и она немного успокоилась.

— Извини. Здесь я не на своей территории.

— Вы на моей территории. Это все, что вам нужно знать сегодня. Просто наслаждайтесь вечером. Больше ничего делать не нужно.

Наслаждаться вечером? Такое бывает? Видадь слушал биение ее сердца, то притихающее, то вновь нарастающее, по мере их приближения к огромной, обустроенной для приема площади.

* * *

— Расправь плечи, не сутулься!

Зои видела, как подруга по привычке пытается засунуть руки в карманы, ища их на платье.

— Их здесь нет, дорогуша. Сегодня ты женщина! Смирись с этим фактом! — она зло ткнула ее в бок.

Хавьер, улыбаясь, наблюдал за ними, слыша каждое слово взволнованной девушки.

— Нелегкий труд, быть вашей подругой, Виктория.

Он слышал так же и едва уловимый нежный перезвон, который могла издавать только одна известная ему вещица. Она все-таки повязала его ленту. Алый край ее едва был виден

из-под длинных волос. Что за девушка... он так жалел, что правила приличия не позволяли ему схватить ее за руку и не отпускать до конца вечера. Или до конца времен. Это желание так неожиданно охватило его, что он сцепил руки за спиной, боясь, что пересечет площадь и схватит ее.

Меж тем, музыка притихла. Взгляды присутствующих обратились к округлой сцене в центре площади.

Хавьер сухо усмехнулся. На открытии праздника, Главы городов выступают с приветственной речью. Незыблемая традиция...

Глядя, как Виктория сложила руки на груди, отступив в тень деревьев, он еще больше нахмурился. Пробираясь через притихшую толпу, он слушал, как начали аплодировать тем, кто вышел поприветствовать приглашенных. Зазвучали знакомые голоса, повествующие о достижениях, достигнутых за прошлый год. Медовые речи лились с помоста, и капитану уже стало казаться, что ноги вязнут в потоке сладкой лжи. Уже подходя к Виктории, Хавьер увидел, как руки напарника тепло легли на ее напряженные плечи. Дмитрий опустил голову, положив подбородок на ее макушку. Так просто, так легко. Он слышал, как она успокаивалась. Зависть, ревность, шумной волной окатила его, заставив остановиться, не дойдя до своей цели. Через миг, он сам устыдился своих чувств. Словно глупый мальчишка! Ему не стоило и малейшего труда, читать их, как открытую книгу, и он понимал, что эта любовь другого плана. Нечто более трогательное, и вечное. Ему лишь хотелось, чтобы и в его руках, она находила то успокоение, что дарил ей северянин. Возможно ли это? Цветы, медовые речи и «золотой диван» здесь были бесполезны, но она не сняла ленту! Довольная улыбка, наконец, озарила его смуглое лицо. Видаль подошел, остановившись рядом с ними, наконец, прислушиваясь к словам говорившей на возвышении Главы Вереск.

— Говоря о перенаселении городов, хочу отметить их достижения и проблемы...

Аромат, исходивший от ее волос, обдуваемых искусственными потоками воздуха, не давал ему сосредоточиться на звучащих словах. Хавьер повернул голову, желая глянуть на нее, но встретился со смеющимся взглядом Левина. Он подавился воздухом, поняв, что лейтенант, и без «волшебной» сыворотки видит его как на ладони.

— Черт... — Видаль расслабил давивший галстук, сердито обернув поля дорогого сюртука.

Отчет, раздававшийся со сцены, тем временем продолжался:

— На данном этапе, мы твердо можем утверждать, что знаем, как решить эту проблему...

— О чем она говорит? — капитан нутром почуял приближение бури.

— Вскоре на открытом Совете будут представлены проекты наших специалистов. Вы сами сможете убедиться в целесообразности предусмотренных в нем изменений...

— Что они задумали? — Видаль подался вперед, желая лучше видеть происходящее на помосте.

— Истинное объединение — это то, что необходимо для наших земель. Не должно остаться неопределенностей и пустоты между нами. Слиться в один огромный, перспективный мегаполис...

Он понял, наконец. Беспокойство не было напрасным. Отчаянные предположения заставили его голос зазвучать неожиданно громко в окружающей тишине.

— Проект подразумевает интеграцию местных жителей? — взгляды окружающих, моментом переключились на него. Глава Южного города, в виду слабого здоровья, сидевший

во время приветственной речи, холодно опустил на него свой взгляд.

Уголки губ Софии Вереск едва тронула улыбка. Она повернулась лицом к нему, выражая показное внимание.

— Для особо нетерпеливых, смею повториться и заверить, что после утверждения, проект будет представлен на открытом Совете. Все нюансы, разумеется, будут учтены и обработаны оптимальным образом.

— Оптимальным образом? Обработаны... черт...

Отойдя в сторонку, она вновь расправила сверкающие серебряным шитьем полы платья. Длинное, в пол, оно скрывало ее искаленную ногу. Туфли ей больше никогда не одеть, но она никому не собиралась показывать своих чувств. Нога заняла, и она прислонилась к деревянной опоре, обвитой разноцветными шелковыми лентами. Беседка была возведена, для желающих отдохнуть вдали от шумной толпы. Как раз то, что нужно. Если затеряться, то все можно списать на обстоятельства. Ее просто не должны найти до конца праздника.

Зои, приглядевшись к удобным плетеным креслам, под занавесом, решила задержаться здесь подольше. Ступив на выложенную округлыми камнями дорожку, она привычно услышала металлический стук подошвы протеза. Но к нему прибавился и другой звук. Она не успела обернуться, как ее схватили за руку повыше локтя.

— Наслаждаешься вечером, Розевски? Отчего же в одиночестве?

— Пустите! — Зои вырвала свою руку, отступая от профессора.

— Не хотелось бы думать, что ты избегаешь меня, — Ссон внимательно глядел на нее, до тех пор, пока она не вздохнула, и не подошла к нему, словно кролик к удаву.

— Что вы задумали?

Профессор достал из нагрудного кармана тонкий контейнер и, выдвинув крышку, высыпал на свою ладонь серебристую капсулу.

— Ты должна заставить принять ее.

Зои холодно глянула на протянутую ладонь.

— Она не станет, есть ее. Она заподозрит!

— Нет, моя дорогая. Я говорю не о Виктории. Ты должна дать это лейтенанту Левину.

Она, судорожно выдохнув, отшатнулась от него.

— Я не желаю этого делать! Причем здесь Дмитрий? Вы сказали, что я должна только привести его на празднование!

Профессор не стал ее дослушивать, произнеся как всегда спокойно и размеренно:

— Необходимо начать следующий этап. Не вздумайте пренебречь моими словами, Розевски. В случае отказа, этим вопросом займутся мои люди. Их работа не будет выглядеть столь элегантно.

— Он пострадает?.. — в горле застрял предательский комок, болью не дававший глотнуть.

— Спросите, пострадаете ли вы.

Ссон, вложив капсулу в ее ладонь, сжал ее, не давая упустить на пол. Затем покинул ее.

Она осталась стоять, словно ледяная статуя, переливаясь серебром. Оцепенение длилось, казалось вечность. Затем, она все же смогла себя заставить повернуться к дорожке.

Что он задумал на этот раз? Как ей хотелось, чтобы все закончилось раз и навсегда. Но уже долгое время, тайно проводя свои собственные исследования, она горько понимала, что все еще только предстоит. У нее не было волшебного средства, способного остановить изыскания ни ИЛа, ни уж тем более Купола. Бессилие и ощущение собственного ничтожества как ученого специалиста, не давали спать по ночам. Не давали жить вовсе.

Зои тихо подошла к центральной площадке, где кругом были расставлены столики, укрытые витой беседкой. Гирлянды огней обвивали деревянные опоры, создавая мягкое освещение. Она остановилась у стула с высокой резной спинкой, на которую он повесил

свой белоснежный камзол. Несмотря на прекрасную вентиляцию, становилось слишком душно. Или это были ее собственные ощущения, вызванные муками выбора?

Зои видела, что им заботливо оставлен был ее стул, и лежали приготовленные приборы. Даже восхитительный белоснежный десерт на золотой тарелочке, так неожиданно сочетавшийся с лежащей рядом формой, был оставлен специально для нее. Она смотрела на его широкую спину, облежавшую тонкой белой рубашкой, и справедливо в тысячный раз называла себя проклятым предателем.

Ей так хотелось окликнуть его, что она едва остановилась, выдохнув уже набранный воздух. Признанием, она не сможет им помочь. Жалость иногда приобретает странные формы. Пожалуй, именно так...

— Розевски! Ты просто должна это видеть! — Дмитрий, почувствовав ее присутствие, оглянулся, носком высокого сапога пододвинув ее стул.

— Присядь, тебе надо отдохнуть.

Она долго, не отрываясь, смотрела на узкий высокий стакан, на искрившийся в нем золотистый напиток. Музыка пульсировала в висках, заглушая все голоса окружающих людей. Отстукивая ритм в такт мелодии, Дмитрий глядя на развлекавшийся народ, на какое-то время оставил ее без внимания. Даже предупредив о том, что не собирается проводить с ней время, даже сходя с ума от переживаний за своего бедового напарника, он оставался рядом. Разрывался на части, но улыбался и оставался. Ну зачем человеку быть таким? Почему ты такой, лейтенант?!

Зои занесла руку над стаканом, не смея ее разжать. Пальцы задрожали, от усилий, и она от неожиданности даже приоткрыла рот, глядя, как сквозь пальцы просыпалась, смешиваясь с золотом напитка серебряная пыль. Капсула просто раскрошилась в ее руке. Невинно растворяясь, она не оставляла и следа своего пребывания.

— Что не так, Розевски? — Левин обернулся к ней и, видя ее замешательство, тепло накрыл ее трясущуюся ладонь своею.

— Зои?

Она очнулась, глядя через огромный зал на сидящего за столиком профессора. Он поднял свой бокал, кивнув ей.

— Зои? — Дмитрий снова позвал ее, пытаясь проследить за ее взглядом.

Ссон кивнул ему приветственно головой, и лейтенант ответил тем же.

— Розевски, боишься своего преподавателя? Как не похоже на тебя.

Профессор меж тем снова поднял свой бокал, приглашая Левина присоединиться. Тот, улыбнувшись, потянулся за своим напитком, не замечая взгляда своей спутницы.

Его рука почти коснулась холодного стекла, когда просто ухватила пустоту.

— Спасибо! — Виктория, ловко выхватив высокий стакан, залпом осушила его, блаженно выдохнув.

— Боже, что это было? — горло охватило приятной прохладой, приятными импульсами распространявшимся по всем телу.

— Не лучше ли было сначала спросить, а уже потом хватать, Вик? Однажды, ты выпьешь яду! — напарник покачал головой, глядя, как она безмятежно вытирает губы.

Зои большими глазами переводила взгляд с подруги на стакан и обратно, не имея возможности сказать и слова. Она в ужасе подняла голову и поняла, что профессор видел все произошедшее. Ссон, с каменным лицом быстро покинул свое удобное кресло, намереваясь покинуть зал. Что она натворила?! Что теперь предпримет он?

— Я думаю, что на сегодня с нас хватит впечатлений. Пойдем домой. Заночуешь у меня! — Зои потянула подругу за руку, желая поскорее увести ее прочь.

— Мне нравится здесь! Я не хочу уходить! — Виктория высвободилась, неловко поправляя корсет.

— Послушай меня... — подруга не унималась, заставив Левина подняться и встать между ними.

— Кажется, я уделял тебе мало внимания, позволь это исправить.

Похоже, что этот добряк все понял по своему, приняв ее поведение за испорченное настроение.

Лейтенант взял ее руку, вновь пытавшуюся схватить подругу, и потянул за собой.

— Куда ты тащишь меня, черт возьми, Левин! — она упиралась, он лишь смеялся.

— Ты так умоляла меня привести тебя сюда, должен же я тебя немного порадовать! Идем танцевать. Я, конечно же, не мастер, но ноги постараюсь не отдавить.

Виктория сердито сложила руки на груди, дуюсь на то, что ее оставили. Чувство собственника неожиданно накатило на нее, тогда Дмитрий, улыбаясь, указал ей за спину. Она обернулась, видя Хавьера. Его камзол был оставлен им где-то. Он, мягко лавируя между многочисленными гостями, направлялся к ней. Она немедленно почувствовала предательское волнение. Коленки задрожали, угрожая скинуть ее с высоких каблуков, но она приказала себе мужественно стоять.

Ее шумные друзья, нагло сбежав, скрылись из вида, бросив ее на самом сложном поле боя. На том, где она была полностью безоружна...

Она долго смотрела на протянутую руку, лихорадочно соображая, что от нее хотели. Хавьер понял, что она искренне недоумекает, и просто взял ее ладонь в свою руку.

— Что ты намерен делать, капитан?

— Танцевать с вами, сеньорита, — он мягко увлек ее за собой, смешиваясь с танцующими парами.

— И как ты себе это представляешь? — Виктория в ужасе остановилась перед ним, разведя руки, — я не знаю, как люди это делают...

Хавьер улыбнулся, вновь беря ее за руки. Молча, он положил одну ее ладонь на свое плечо, вторую оставил в своей руке, подняв на уровне плеча.

— Согните ее немного в локте.

— Боюсь, я... крайне неуклюжа...

— Вы, и боитесь? — Видаль положил свою правую руку на ее талию, с нежностью сжимая ее правую ладонь.

Он осторожно повел ее, и Виктория, кусая непривычно покрашенные губы, пыталась не оттоптать его сапоги. Музыка лилась из-под купола, сверкавшего над их головами. Синее освещение на верхних сваях, придавало стеклянной крыше фантастическое подобие исполинского сапфира.

Девушка подняла голову и, прикрыв глаза, слыша лишь восхитительный мотив, позволила капитану направлять ее. Удивительное чувство... тесные туфли жали ноги, но она никогда еще не была так счастлива. Только одному человеку в своей жизни, она позволила касаться себя, и еще недавно клялась себе в том, что никто другой не займет в ее жизни столь важного места. И вот теперь она должна была себе признаться, что ошибалась. Тепло, разливалось по телу, и вначале, она приняла это, за слишком большой выпитый коктейль, украденный у Левина.

— Стакан был слишком большой...

— Не стоит присваивать чужой бокал, Виктория. Это к добру не приводит.

— Я слышу твое сердце...

— Это ваша вина, сегодня вы так прекрасны, что оно готово выпрыгнуть из груди.

Она инстинктивно сильнее прижала свою ладонь к его груди, словно и в самом деле боясь, что его слова сбудутся.

Его глаза горели золотым огнем, теплым и успокаивающим. Значит, Леандро был прав? И следа не осталось от синяков под глазами. Ни бледности, ни усталости. Он был свеж и прекрасен, словно утро над Пустошью...

Виктория вдруг ощутила, как запылали щеки. Голова зашумела, и она неожиданно для себя самой склонила голову к его груди. Хавьер отпустил ее руку, теперь глядя ее волосы, холодным гладким водопадом струящиеся под его ладонью.

— Виктория... я чувствую, что-то не так. Ваша температура повышается.

— Наверняка это ты виноват... ты так вкусно пахнешь... — она подняла голову, и он ощутил ее горячее дыхание на своей шее.

— Виктория, — Хавьер попытался отстранить ее, но она железной хваткой удержала его, сомкнув руки за его спиной.

Безумная, неодолимая жажда охватила все ее сознание. Изображение перед глазами

плыло, расплываясь разноцветными кругами. Все, что она слышала, было пульсом, бившимся под смуглой кожей над черной рубашкой.

— Вам нужно на свежий воздух. Я отведу вас... — он больше не пытаясь оторвать ее от себя, увлек девушку за собой, направляясь к выходу.

Но уже у коридора проиграл. С невероятной силой, она оттолкнула его в ближайший угол. Не ожидая подобного, голова больно ударилась о каменную стену. Он последний раз попытался воззвать к ней, но она больше не слышала его. Виктория, словно одержимая, кинулась, начиная срывать с него рубашку. Пуговицы разлетелись, и он в изумлении произнес:

— Вы решили известить всю мою одежду...

Она заставила его замолчать, неистово припав к его губам.

Он должен был ее остановить, но проклятье...

Он чувствовал, что ее жар увеличивается и наверняка не он был тому виной. Ее горячие руки скользнули под его рубашку, оставляя красные полосы на спине, там, где вонзались ее ногти. Его взгляд упал на ее индикатор, и немедленно охладил его пыл. Он был безмятежно зеленый. Что само собой было невозможным.

— Виктория!..

— Какого черта вы двое тут делаете?! — голос Левина застал его врасплох.

Лейтенант к его удивлению передвигался тяжело, держась рукой за холодную стену. Лицо его покрытое испариной, перекосилось от боли и ярости.

Хавьер кое-как оторвал от себя Викторию, внезапно притихшую.

— На северян сегодня мор напал? Что с вами обоими?

Левин не ответил. Он подхватил своего безумного напарника, прижимая к себе, укачивая, глядя по голове. Хавьер видел, как ему плохо. Офицер словно подхватил лихорадку. Сейчас он не заботился о безопасности, и не смог укрыть красный датчик и черные разводы на своей шее. Видаль без слов понял, что происходит.

— Что вы двое творите?!

— Это вы мне говорите, Видаль?! — Левин оттащил Викторию подальше от капитана. Увлекая ее за собой, он лихорадочно соображал, как быть. Им нужно было немедленно убираться из Купола.

— Димитрий, что вы наделали с датчиками?

— Не задавайте мне вопросы, на которые я не могу ответить, Видаль. Я не хочу вам лгать!

— Меня сейчас наизнанку вывернет... — Виктория, оттолкнув напарника, шатаясь, направилась к умывальникам, располагавшимся в большой светлой «дамской комнате».

— Поторопись! — Левин шагнул к туалету, но двери с грохотом захлопнулись перед его лицом.

Он в ярости ударил кулаком, деформируя белоснежный глянцевый пластик, покрывавший ее.

— Зачем вы ее сюда привели, капитан? Ей здесь не место! Вы как никто, должны были это понять!

— Я пошел лишь потому, что она позвала меня, Димитрий. Ноги бы моей здесь не было, поверьте мне. Я просто хотел поддержать ее, в таком, как мне показалось нелегком решении...

— Что за бред?! Я слышал, она потянулась сюда за вами!

Изображение перед глазами плыло, застилая все плотным туманом, то рассеивающимся, то окрашивающим в алый цвет.

— Прости... прости... — она шатко идя, держась за стену, подтянулась руками к длинному, сверкающему белизной умывальнику. Яркий цвет его, резанул по глазам. Она, не выдержав, зажмурила их, чувствуя, как по щекам струились слезы.

Она слышала за дверьми жаркий спор. Голоса были ей знакомы, но смысл слов не доходил сознания.

Включив воду, она старалась сконцентрировать внимание на холодном журчащем потоке. Вдох — выдох, вдох — выдох... ее таблетки остались в старой одежде. Как она могла их забыть?! Все шло прекрасно, почему же приступ начался так внезапно? Все тело пронизывало острым холодом, то бросало в жар. Она набрала в ладони воды, склонившись и окунув в холодную воду горячее лицо. Одно мгновение успокоения... затем еще одно... Виктория боясь пошевелиться, тихо вздохнула, надеясь, что волна приступа уже сошла, когда адская боль заставила ее изогнуться, едва сдерживая крик. Казалось, что в груди взорвался снаряд.

Она слышала, как кричал, и пытался выломать запертую дверь Видаля, конечно же, почувствовав ее состояние. Она понимала, что если сейчас не прекратит, то ее напарник просто не выдержит...

Все кости ломало, заставляя ее сходить с ума. На секунду, она заметила свое отражение в огромном зеркале над умывальником.

Существо с посеревшим лицом трудно было назвать человеком.

— Боже... — язык не слушался.

Тем не менее, ощутив во рту какую-то помеху. Она провела им по деснам, и глаза распахнулись от ужасного осознания. Нет, наверное, это просто галлюцинации... клыки, словно у дикого животного, болью впивались в обветренные губы.

— Нет...

Она в ужасе прокусила себе губу. Кровь тонкой струйкой потекла по подбородку, и она больше не выдержав, растирая ее, побежала к тому, в ком единственном сейчас могла найти успокоение.

Снеся дверь, не обращая внимания на грохот, она искала своего напарника.

Дмитрий, оттолкнув Хавьера, желавшего помочь, поспешил к ней.

— Посмотри, посмотри на них... — ее сиплый шепот был едва слышен. Дмитрий обтер ее лицо рукавом рубашки, но не увидел ничего, только кровь на ее губах. Клыки исчезли. Она почувствовала это, имея возможность нормально сомкнуть челюсти.

— Я вижу. Ты поранилась.

— Ты не понимаешь... — она не сводила глаз с черноты, охватившей всю его шею и перешедшей на плечо.

Едва ее сознание прояснилось, она, поняла, что в следующий раз может просто убить его своими неконтролируемыми приступами. Взмахнув рукой, со ставшими острыми ногтями, она разбила датчик на шее Левина. Он рассыпался на мелкие сверкающие осколки, осыпавшие его рубашку. Его рука потянулась к шее.

— Что ты делаешь, Вик?!

— То, что давно должна была. Освобождаю тебя...

— Глупая, — он посмотрел на Хавьера, в растерянности стоящего посреди коридора. Он предусмотрительно закрыл широкие двери, ведущие к яркой площади. Словно отрезав их от остального мира.

— Только скажите, что я могу сделать, — капитан, мучаясь от бессилия, остановился.

Левин видел, как ему хотелось подойти, но молодой человек понимал, что сейчас был лишним.

— Вы должны вернуться. Нельзя, чтобы вы были замешаны во всем этом. Не желаю тянуть вас за собой.

— Вы опоздали, Димитрий, — Хавьер нервно заправил порванные полы рубашки в брюки.

— Я уже понял.

— Пока вам стало легче, я отвезу вас домой.

— Нет, Видаль. Вы не сможете, если будете участвовать в этом. Просто возвращайтесь в зал, и предупредите Розевски, о том, что мы уходим.

Хавьер горько вздохнул, уперев руки в бока.

— Свяжитесь со мной, как только доберетесь. Иначе, я сам это сделаю.

— Повторяю, оставайтесь в стороне! — Дмитрий поднял затихшую Викторию на руки, и быстрым шагом пошел прочь из коридора.

Он оставил ее ненадолго, позволив опереться о холодную стену. Виктория отдышалась, держась ладонями о шершавую поверхность. Она водила руками вверх, вниз, прислушиваясь к ощущениям под ладонями. Ее успокаивало и отвлекало это бессмысленное действие, в ожидании напарника. Дмитрий спустился к первому уровню гаражей, специально отведенному для посетителей. Он поднял воротник рубашки, по привычке прикрывая датчик. Ощущение было непривычным. Это было ощущение пустоты, потери. Пусть это была одна из самых глупых затей в его жизни, но теперь, он словно утратил связь с ней. Слово больше не мог почувствовать ее. Он вдруг позавидовал Видалю, который мог так легко читать их. Чувствовать все до мелочей, даже на таком расстоянии.

На этот раз приступ был настолько сильным, что он каждые несколько шагов останавливался, чтобы отдышаться и обтереть взмокшее лицо. Черная сетка от воздействия прибора медленно сходила. Он расстегнул пару пуговиц, глянув на свою грудь. Паутиной, темные лучи расходились до самого пояса.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Черт... еще бы немного, и тебе крышка, Левин... — Дмитрий отыскал нужную машину, направляясь к ней. Она стояла удобно, почти у самого выхода. Оставалось вернуться за ней, и увезти подальше...

Нападение произошло так неожиданно, что он просто не был готов. Он едва склонился к машине, намереваясь открыть дверцу, как сильнейший удар в спину, заставил его удариться головой о железную крышу машины, рассекая бровь. Не успев оправиться после ошеломляющего действия датчика, он был слишком слаб, чтобы дать достойный отпор. Кровь заливала обзор, Дмитрий развернулся, блокируя очередной удар. Нападавших, как он успел заметить было трое. Одного из них он узнал, это был Дилан, курсант из Академии. Именно с ним и его товарищами столкнулась в прошлый раз Виктория. Решили поквитаться? Но они явно пришли за ним, что-то не сходилось. Лейтенант схватился с ближайшим здоровяком. Они, свалившись, покатались по полу. К его сожалению, силы были явно не равны. Оставалось надеяться, что она останется на месте, и не вмешается. В ее теперешнем состоянии, это было бы катастрофой. Разорвав рубашку, он вывернулся, его кулак пришелся по челюсти. От резкого удара голова нападавшего дернулась, и он на какое-то время потерял ориентацию в пространстве. К сожалению, удар был смазанный, не со всей силы и не возымел нужного эффекта.

Он оказался на земле, не имея возможности подняться. Придавлив его своим весом, здоровяк сомкнул руки на его шее, пытаясь душить. Дмитрий, хрипя, разжимал смертельное кольцо, но чувствовал, что проигрывает. И в тот момент, когда перед глазами начало темнеть, он увидел, как мелькнуло алое платье. Он увидел ее искаженное яростью лицо.

— Вик... — голос не слушался его.

Она не смотрела на него. Он понял, что и не видела. В один миг, ее рука захватила голову нападавшего и Левин услышал характерный звук. Шея была сломлена. Бездыханное тело рухнуло на пол.

— Вик... остановись!.. — он попытался подняться, но ноги не слушались его.

Она же молнией кинулась к следующей жертве. Дилан взмахнул длинным лезвием, рассекая край платья. Она увернулась, обходя его. Глядя в ее безумные глаза, он понял, что

просто так не уйдет. Они должны были только вывести из строя офицера, все остальное не входило в договоренность. Он, не веря собственным глазам, глядел на убитого приятеля. Выход оставался только один.

— Или ты, или я, Вереск! — он направил оружие на нее, глядя, как со спины к ней подходит второй нападавший. Улыбка торжества рано коснулась его лица. Через миг, она, выбив ногой нож, развернулась, и одним чудовищным ударом в грудь, ломая ребра, остановила колотившееся сердце. Второй рухнул следом за своим товарищем. Она повернулась к оставшемуся. Дилан попятился, выставляя вперед руки.

— Я безоружен... ты же видишь?! Вереск, черт!!

— Виктория не смей!! — хриплый голос напарника заставил ее притормозить, но лишь на миг.

Дилан, воспользовавшись моментом, полез за спину, вытаскивая из ножен, висевших на ремне второе оружие.

— Мы так не договаривались, Вереск! Кому-то придется ответить!

Нож... едва лезвие, серебром сверкнуло в слабом ночном освещении, совсем рядом с ее лицом, как она перестала себя контролировать. Мощнейший приступ, накрыл ее жаркой волной, отключив человеческую сущность. Ее словно больше не существовало. Только инстинкт. Убить...

Дмитрий кинулся к ней, пытаясь схватить и оттащить от горе-нападавшего, но опоздал. Когда его руки сомкнулись на ее талии, увлекая за собой, тело их преследователя ударилось о бетонный пол, поднимая облако пыли. Темная лужа немедленно расплылась вокруг него. Левин выбил из ее руки, нож, рассекший шею Дилана. Зазвенев, оружие упало рядом к их ногам.

— Виктория услышь меня!!! Ради Бога!!!

Он видел, что охрана уже подала сигнал тревоги. Это значило, что все выходы уже перекрыты. Сирена звывала над их головами, зажигая сигнальные огни у автоматически запечатываемых дверей.

— Быстро сработали... — он, удерживая ее, неистово вырывающуюся, оглядывался в поисках пути отступления.

— Виктория... будь со мной... ты...

Левин увидел, как блеснули ее клыки. Холодный пот прошиб его, но он подавил панику, уверяя себя, что всему найдется свое объяснение. Сейчас надо было просто выжить...

Охрана приближалась. Он схватил Викторию и зажал ей рот ладонью, пряча ее лицо. Он почувствовал, как она прокусила его руку. Вкус крови вовсе опьянил ее. Она стала вырываться с неистовой силой, острые ногти раздирали его одежду. И только стук его сердца, звучащий у нее в ушах, смешиваясь со звуком, ее бешено колотившегося сердца, заставил ее опомниться, и остудил ее.

Прибывшие офицеры безопасности потребовали отпустить девушку, приняв его за виновника происшествия. Левин был только рад такому повороту. Он зажал ее голову, склонившись к ее уху, и тихо произнес:

— Сейчас ты сделаешь то, что я скажу... ты меня слышишь?!

Она, вырываясь, никак не отреагировала на его слова.

— Проклятье, Вик! Ты должна бежать...

— Нет!!

Он не узнал ее голос. Грубый, низкий, он резал слух.

— Тогда кто поможет мне, если мы оба окажемся за решеткой, Вик? Ты должна мне помочь, слышишь? Ты же меня не оставишь, напарник? — для другого человека его слова показались бы полной чушью, но не для его бедового напарника. Он знал, что ей сказать.

— Я не брошу тебя!

— Верно... ты должна придумать, как вытащить меня, а сейчас — беги!

— Но они мертвы... Дим... это высшая мера... я не уйду!!!

— Тогда я признаюсь, что это моих рук дело!

— Не поступай так со мной!.. — она обхватила его руками, переходя на беззвучный плач.

— Что я наделала, Дим?..

Теперь это был ее голос. Его девочка... он убаюкивал ее, укачивая, и глядя, как осторожно приближалась охрана.

— Все будет хорошо... — его рука осторожно обвилась вокруг ее шеи. Он опустил подбородок на ее макушку, повторяя свои слова, пока его рука все сильнее сжимала ее. Пара секунд, и она обмякла в его руках, потеряв сознание. Левин поднялся, поднимая руки. Она осталась лежать у его ног, недвижимая. Переступив через нее, словно через ненужную вещь, он с колотящимся сердцем пошел навстречу офицерам.

— Держите руки так, чтобы я их видел! — один из прибывших охранников, поднял парализатор.

Левин повернул голову назад, глядя через плечо, как знакомый силуэт склонился над ней, поднимая ее на руки. Золотые глаза встретились с ним взглядом. Хавьер едва кивнул головой, и Дмитрий тихо улыбнулся.

— Мои молитвы все же были услышаны...

Луч парализатора коснулся его груди, обжигая, и заставляя упасть на колени. Еще миг, и перед глазами потемнело.

Сознание вернулось к ней в чужом доме. Безумно подхватившись на широкой кровати, она металась, соображая, где она находится, и кто может представлять угрозу. Но увидела лишь взволнованное лицо Хавьера. Он попытался ее успокоить, но она не слушала его.

— Где он?!

— В изоляторе ВСБ. Ждет приговора. Вы ничего не хотите мне сказать?

Она схватила его за плечи, начав трясти с такой силой, что он едва стерпел боль. Едва сумев освободиться от ее невероятной хватки, он снова попытался заговорить с ней.

— Это не то, что я надеялся услышать, сеньорита...

— Сейчас ты не услышишь от меня ничего другого, капитан.

Видадь сдался. Она откинула теперь привычно перепутанные косы, и поняла, что ее прекрасное платье, изорванное и перепачканное во время прошлого приступа, исчезло. Ее родная форменная майка каким-то образом оказалась на ней. Зная, что слуг в его доме нет, она поняла, чьих рук было дело, но сейчас ее ничто не волновало. словно прочитав ее мысли, Хавьер кивнул на ее одежду, заявив, что Зои позаботилась о ней, передав оставленные у нее вещи.

— Ты должен задержать казнь! — казалось, его слова не дошли до нее.

— И как, по-вашему, я задержу исполнение приговора?

— Главное, его не должны расстрелять! Придумай, ты же Видадь!

— И что, это должно означать? Я сделаю все, что смогу. Но я все видел, Виктория.

Она похолодела, не готовая к такому повороту. Хавьер выжидающе глядел на нее. Виктория оглянулась, в поисках пути отступления, но капитан медленно покачал головой.

— Трое за пару минут. Вы расправились с ними, словно с цыплятами на рынке.

Она часто задышала, но он тепло коснулся ладонью ее щеки, убирая спутанные волосы.

— Вы удивительная девушка, Виктория...

— Я чудовище!

— И очень глупая. Что это? Я чувствую вас, но это не сыворотка разработанная Куполом. Что это, Виктория?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — она скинула его руку.

— Я человек! Не звероформ!! Ужасный, чудовищный, но — человек, Видадь!!

Она соскочила с кровати, отбежав на середину просторной комнаты. Он поднялся вслед за ней.

— Помоги спасти его! Он этого стоит, капитан. Когда я рядом, он всегда попадает в неприятности. Позаботься о нем, до моего возвращения. Я не сбегу. Я займу его место. Только не дай его убить!

Холодный ветер подул в ее спину. Открытое окно так, кстати, оказалось за спиной. Она отступила к нему, и ловко перемахнув через подоконник, полетела в темноту. Над головой раздался испуганный крик Хавьера, но она, с болью врезавшись ногами в шершавый асфальт, лишь на миг остановилась, подняв голову. Его силуэт отчетливо был виден в золотом проеме освещенного окна.

Она отвернулась, выбегая из двора и скрываясь в темноте.

— Это шестой этаж, Виктория...

Она не знала, сколько было времени. Было темно. И огней освещавших эту часть поселка практически не было, но это не мешало ей хорошо ориентироваться. Глаза, на удивление отчетливо вылавливали очертания ветхих домиков. Она свернула к пригорку, вспоминая, где он находился. Благо дорога была довольно приличной.

Облупившийся бар, с когда-то синей вывеской «Ласточка», освещался тусклыми разноцветными лампочками. Он был открыт. Виктория облегченно выдохнула.

Ворвавшись внутрь, она растолкала засидевшихся посетителей, и разыскала Ханну. Хозяйка изумленно глядела на нее, словно увидела призрак.

— Где живет старая ведьма?! — девушка жарко ухватила ее за старый передник. Женщина осторожно убрала ее руки, пытаясь успокоить.

— Почему ты здесь одна в такое время?

— Отвечай, Ханна! У меня нет времени! Просто скажи, где та старая женщина, что торговала на рынке странными вещами!!

— Она живет в лесу, у болот. Тебе туда не пробраться! Не ночью, не одной! Ты же не собираешься к ней?!

Но ее уже не слушали. Только длинная коса мелькнула в дверном проеме, и скрипящие двери, с грохотом хлопнув, сорвались-таки с петель.

— Сумасшедшая... — Ханна немедленно вернулась в свою каморку, располагавшуюся за кухней, и попыталась связаться с единственным, кто мог помочь в этот час. Но Мик не отвечал.

* * *

Виктория подошла к древней хижине. Настойчиво заколотив по трухлявым дверям, она не могла устоять на месте от нетерпения. Ее нервы были на пределе.

Заставив ее окончательно выйти из себя, Ведьма к счастью соизволила выйти к ней. На морщинистом лице старухи застыло неподдельное изумление. Она отступила вглубь жалкой хижины, но Виктории некогда было тратить время на приветствия и душевные разговоры.

— Я не наврежу тебе! — девушка увидела двух волков греющихся у огня. Они приподняли головы, заметав хвостами по полу, но хозяйка дома успокоила их, тихо выкрикнув что-то невнятное.

Креш-Ведьма усадила ее за деревянный стол.

— Что привело тебя сюда в такую пору? И как ты отыскала это место? — она почти беззубо улыбнулась гостье.

Девушка, не поддержала беседы, проговорив лишь:

— Отчуждение.

— Даже так?

Хозяйка хлопнула ладонями по столу. Виктория отвела взгляд от длинных грязных ногтей.

— И что же ты дашь мне за него?

Девушка выгрузила на стол свое богатство. Украшения из золота своей матери и то, что

дала Зои.

Ведьма усмехнулась и смахнула со стола блестящие украшения.

— Это здесь не имеет цены, моя дорогая!

— Тогда что же?!

— Пуговицы, что на твоей одежде.

— И?

— Они из серебра, я полагаю?

— Верно.

— Дай их мне!

Она протянула ладонь, маяча ей прямо перед лицом гостьи. Виктория, недоумевая, поднялась, пытаясь оторвать одну из пуговиц, когда ей протянули старый, с поломанной рукоятью тесак.

— Зачем же портить такую одежду? Видно мать тебя не учила, беречь добро?

Девушка, молча, приняла нож и через пару минут, горсть звонкого серебра опустилась на стол.

Она потуже затянула ремень, боясь, потерять штаны по дороге. Куртка ее формы так же рассталась со всеми застежками.

— И? Теперь все?

— О нет, дитя! Этого тоже мало!

— Тебе нужны шнурки с ботинок?

Ведьма захохотала, покачав тесаком.

— Нет, нет! Твои косы...

— К черту!

Виктория выхватила оружие, сгребя в охапку свои кудри, и замахнулась у самой шеи.

— Нет!! Глупая девчонка!! Достаточно одной пряди!

Виктория судорожно выдохнула. Отрезав приличную прядь волос, она кинула ее на стол, к пуговицам.

— Достаточно?

— Вполне...

— Дай его мне!! — она нетерпеливо поднялась.

Ведьма скрылась ненадолго в соседнее помещение, засеменив обратно, через минуту. С благоговением, она опустила на ее ладонь округлый медальон. Тяжелая цепь свесилась с руки, качаясь и блестя в отблесках огня.

— Нужно лишь одеть, и потянуть вниз. И ты станешь невкусной, пирожочек...

Виктория накинула бесценное украшение на шею, но к удивлению Ведьмы, не стала активировать его. Старуха догнала ее у выхода, потянув за куртку.

— Ты не завершила...

— Тебя это не касается! Впрочем, спасибо за помощь. Здесь небезопасно. Запрись понадежней...

Она скептически оглядела двери, съехавшие с петель набок.

— Прощай...

Девушка вылетела в ночь, пулей помчавшись отнюдь не в сторону дороги ведущей из леса к поселку.

К ужасу Ведьмы, ночная гостья неслась прямехонько к болотам.

— Вот чертовка!!

Он немедленно потянулся к коммуникатору, желая связаться с Миком.

— Буду краток. Твоя синеглазая девочка только что заявила ко мне и отобрала «Отчуждение».

Он некоторое время прослушал поток ругательств, лившийся с динамика, затем сумел вставить пару слов.

— Она не активировала прибор. Значит, он нужен ей для кого-то другого. Судя по всему, она спешила. Полагаю, срежет путь через болота...

Брань стала еще забористой. Креш набрал побольше воздуха, желая переорать друга, и объяснить ему, что нужно спешить, но связь уже была прервана.

Мик со всех ног летел на болота...

Брызги грязной воды разлетелись во все стороны, когда она, перелетев через огромный валун, приземлилась у его основания. Промокшие насквозь ботинки студили ноги, она понеслась по заросшему колючей травой болоту, не разбирая дороги, которой в прочем и не было. Скоро полночь. Она глянула на небо — огромная луна, яркая, словно золотая древняя монета, озаряла все вокруг. Полнолуние. Надо было быть сумасшедшим, чтобы сунуться в топи, в это время. Где-то позади, послышался протяжный вой, девушка в ужасе обернулась.

— Нет, только не сейчас...

Холодный ветер развивал полы ее куртки, под низом была только майка, которая давно превратилась в лохмотья, и не скрывала даже живота. Колючие листья хлестали по нему нещадно, но ей было все равно, главное успеть. Она прикоснулась к груди, медальон был на месте, своей тяжестью оставляя немало синяков, только бы не потерять! Когда же появятся деревья, ну хоть одно!?! Подавив приступ кашля, девушка взобралась на очередной огромный камень. Он ее защитит не сможет, они запросто преодолению эту преграду. Она здесь словно на ладони. Черные косы прежде гладкие как зеркало, в беспорядке разметались по спине, судорожно схватив их в охапку, она попыталась их сплести, холодные пальцы дрожали и не слушались, в отчаянии закинув косу за спину, она спрыгнула в низ. Мельчайшие, серебряные колокольчики, на ленте, тихо зазвенели, вторя ее движениям. Видимо удача окончательно решила покинуть ее сегодня, поскольку ноги не нашли прочной опоры, и девушка приземлилась в жидкую грязь. Встать уже не было сил, на глаза навернулись не прошеные слезы, и когда она уже готова была отчаяться, небо дало ей шанс... Огромные тучи, принесенные ночным ветром, заслонили собой проклятый лунный диск, и она, заставив себя подняться, продолжила путь.

— Проклятое болото никогда не кончится!!

За спиной снова послышался вой, ей казалось, что она уже слышит удары огромных лап о землю, слышит как шелестит мокрая шерсть о высокие заросли, слышит мерзкий смрад, исходящий от ее преследователей... Не переставая бежать, она потянулась к кобуре, и достала свое оружие. Мокрый пистолет привычно лег в ладонь.

Впереди что-то чернело, это, что бы оно ни было, имело внушительный вид. Девушка вытерла рукавом лицо и пригляделась. Перед глазами все плыло, но она не могла ошибиться, это были развалины старой башни, ей Богу, она спасена! Еще метров двести и все... Ноги уже ступали по твердой земле, и показались деревья. Еще чуть-чуть и она прислонилась щекой к шершавой коре огромного дуба... еще чуть-чуть и она сможет в безопасности дожидаться наступления утра, только бы заставить ноги слушаться... только бы смочь еще вздохнуть...

Не успела она сделать и шагу, как поняла, что пропала. Ветер в миг, разогнал тучи и лес озарился лунным светом. Камни, из которых было сооружено разрушенное здание, сверкали словно серебро, залитые дождем. Оно было так близко и невозможно далеко. Позади ее послышался треск, ужасающего размера когти, срывали кору с деревьев. Твари почуяли жертву, их уже ничто не остановит... Девушка, щелкнула затвором, обойма полная. Сегодня они ее не получат. Не сегодня! Она должна вернуться!

Мокрая одежда холодом липла к телу. Он никогда так не бегал. Почему же именно сегодня, именно в этот час, он считал своим долгом успеть? Он должен был умереть, но успеть! Важнейшей цели для него не существовало в этот миг. Дыхание его, давно раздирая грудь рыком, нарушало полуночную тишину.

— Проклятье! — он вылетел на открытую площадку перед башней, оказавшись прямо позади тварей.

Их было слишком много для него одного. Он просто не мог успеть остановить их всех.

Девушка стояла, прижимаясь к мокрой стене, держа пистолет перед собой. Она переводила его, нацеливая то на одного Волка, то на другого, не понимая, почему не нажимала на курок... Серебристый медальон, болтался на рваной майке. Она действительно не активировала его, как и сказал Креш. Тогда почему твари до сих пор не разорвали ее? Громадные монстры медленно приближались, пригибаясь на лапах к земле, словно боясь вспугнуть ее, или пытаясь в прыжке опередить своих соперников. Мик насчитал пятерых. Виктория, словно почувствовав его присутствие, обернулась к нему. Свет от луны упал на ее бледное лицо, коснувшись глаз, таких синих...

Но Мик к своему ужасу видел только лицо человека, убитого им многие годы назад.

Как и тогда, на экране, он не мог понять, почему он воспринимает этих двоих, абсолютно разных человека, живущих в разное время, как единое целое. И теперь он снова в той же ситуации. Он снова не мог сделать выбор. Но на этот раз он опустил пистолет, понимая, что волки не тронули девушку.

— Они все это время шли за тобой... мой Бог...

Она узнала глаза, горевшие зеленым пламенем, и поняла, зачем он здесь. Поняли это и звери, наконец, почуяв угрозу за своими спинами.

Твари, словно восставшие из ада, кинулись на него, и она услышала раздавшиеся выстрелы. Выйдя из ступора, девушка заставила свою руку подняться и направила оружие в сторону беснующихся тварей. Она разрядила всю обойму, убеждаясь, что удивительный человек, пришедший ей на помощь, остался в безопасности. Черный Волк, покровитель, охранявший сон местных жителей. Это была ее благодарность, единственное, на что она была способна в этот час. Она должна была бежать.

— Уходи быстрее! — Мик отшвырнул бездыханное тело Волка подальше в темноту, не давая ей возможности разглядеть обратную трансформацию. Но везение оставило его сегодня. Виктория, не веря своим глазам, глядела, как чудовищные очертания тают, оставляя искалеченное человеческое тело.

— Это... — она не находя слов от потрясения, молча указала дулом на погибшего.

— Говорил же, уходи! — Мик подойдя, встал перед ней, заслоня обзор. Но было слишком поздно.

— Они не мутировавшие животные... это люди!!!

Она жестко оттолкнула его, подходя к самому телу. Кинув взгляд дальше, она заметила остальные.

— Они все люди?! Что это значит, черт возьми?!!

Мик на мгновение прикрыл глаза, пытаясь успокоиться. Она увидела больше, чем следовало бы. Намного больше. Что теперь ему делать? Она обернулась к нему, вне себя от гнева.

— Все эти годы, нам рассказывали, что мы имеем дело с обычной мутацией! Что это просто животные. Опасные, но животные!

— Понимаю твой гнев... — Мик попытался ее успокоить, но она не могла остановиться.

— Понимаешь?! Кто за это в ответе? Почему? Что происходит?!

— Ты действительно хочешь именно сейчас это выяснить? — он выжидающе глянул на нее, надеясь отсрочить конец света.

Она к его радости схватилась за прибор, холодивший грудь. Она предполагала страшную опасность, для своего напарника, но не смогла просчитать, насколько она велика. После сегодняшней ночи, ее мир окончательно разваливался.

— Я должна идти... — голос ее неожиданно огрубел. Она, выравнивая дыхание, часто задышала, остановив его руку, пытающуюся поддержать ее.

— Тебе нельзя возвращаться. Ты же понимаешь это?

Честно? Она не понимала. Жар охватил ее, невероятно давя на ребра. Она, согнувшись, едва сдержала крик, уронив оружие. Мик стоял над ней, молчаливой статуей.

— Они шли за тобой. Я хочу знать почему.

Она смогла поднять голову. Мик отпрянул. Алые глаза с болью смотрели на него.

— Я потеряла таблетки... черт... — она выровнялась, не понимая, от чего он попятился.

Мик поднял оружие, направляя на нее.

— Решил меня пристрелить? Спасибо конечно, но все не так плохо, как выглядит... просто приступ...

Она закинула волосы за спину, глядя на молодого человека нормальным взглядом. Мик просто захотел поверить, что все ему привиделось. Наверное, сказывались последние события...

— Больше не увидимся, Черный Волк. Рада, что успела сказать тебе спасибо. Береги себя. Ты многим здесь нужен... — она тяжело опустила руку на его плечо, и, пожав, направилась к лесу.

Мик молчал. Он не стал ее догонять. Но и отпускать не собирался. Все, в чем он был уверен столько лет, рухнуло в один миг. Он посмотрел на последнюю капсулу, в которой плескалось золотое варево Креша. Его приятелю придется сильно постараться, восполнить его запасы. Сейчас ему нужно было очистить это место, затем, ему нужно было разобраться. Ему нужна была старая ведьма.

Капитан, опустив поля темной шляпы, благодарно кивнул охраннику, открывшему перед ним тяжелую, металлическую дверь. Пару секунд он выждал, пока она бесшумно закрылась за его спиной. Он сидел на полу. Свет из небольшого узкого окна вверху камеры делал его бледным, и безжизненным. Он не повернул головы, даже услышав его приближающиеся шаги. Хавьер остановился на некоторое время, затем молча, опустился на пыльный пол рядом с ним. Они так, не говоря ни слова, сидели некоторое время. Южанин заговорил первым, нарушая тягостную тишину.

— Вас подставили... — он снял шляпу, рукой взъерошив волосы.

Левин, молча, кивнул, соглашаясь.

— Я использую все свои связи, чтобы помочь вам. Я видел оружие у нападавших. И видел, кто на самом деле убил их...

Дмитрий мгновенно подорвался, схватив его за отвороты жилета.

— Клянусь, что убью вас, если расскажете кому-нибудь! — его разбитое лицо исказилось переполнявшей яростью.

Хавьер, будучи намного сильнее его, постарался не унижая, разжать его руки, вцепившиеся в одежду.

— Вы должны держать себя в руках, Димитрий, — Видаль поднялся с пола, отряхивая брюки.

Левин встал за ним, не сводя взгляда.

— Дадите показания против меня!

— Я не буду клеветать, Димитрий.

— Тогда что? Покажете на нее?

— Нет.

— И?

— Я уже дал показания. Иначе вы давно бы уже получили пулю в лоб.

— Что вы им сказали?

— Что видел того, кто это сделал. Но не знаю, кто это. И я действительно не знаю, кого я видел, Димитрий... Виктория принимает сыворотку? ИЛ проводит какие-то неофициальные испытания? Почему?! — теперь его черед пришел трясти его, разрывая и без того негодную рубашку.

— Это бред!

— Я знаю, что я видел в парке, Димитрий. И я уверен в том, что я ощутил. Я чувствовал ее как одну из нас. Так, как я чувствую своих людей. По крайней мере, это чувство весьма сродни ему. Что происходит?

— Не знаю. Я просто не понимаю, о чем вы... — Левин инстинктивно сжал в кулак, и убрал в карман перепачканных белоснежных брюк прокушенную руку.

Но от золотых глаз капитана не возможно было, что-либо укрыть. Он прекрасно видел длинные порезы на его спине и руках. Глядя на них, он до сих пор чувствовал такие же на своей спине.

— Покажите руку, Димитрий.

— Идите к черту, капитан! — Левин отвернулся от него, прикрыв глаза, пытаясь собраться с мыслями. Они беспорядочно плясали в голове, не давая ни ответа, ни

успокоения.

Хавьер в этот раз не церемонился. Он жестко вывернул его руку, разворачивая ладонью к себе. Ему достаточно было одного взгляда. Он отпустил ее, безвольно упавшую, отступая назад.

— Что происходит в Северном городе? Что вы все таите?

Видаль нервно зашагал по камере, прокручивая в голове варианты, но все они были бессмысленны.

— Вы можете хоть что-нибудь толком объяснить?

Левин развел руками.

— Я не силен в вопросах ИЛа, капитан. Для меня это темный лес. Моя задача всегда была в другом. И до некоторых пор, я прекрасно с ней справлялся. Теперь я не могу совладать с ней. Чувствую себя жалкой марионеткой.

— Димитрий, начинайте говорить. Так, или иначе, я в этом замешан. И я на вашей стороне. Мое слово вы знаете. Когда это все началось?

— Управление постоянно получало отчеты по ее поводу. Я читал, эту информацию...
итоном, было решение направить в Патруль.

— Почему патрульный стал курирующим офицером? — Хавьер, прислонившись к стене, сложил руки на груди, внимая его словам.

Левин, снова молча, развел руками.

— Ранее, вы уже успели набедокурить, Димитрий! — прочитав ответ по его ободранному лицу, капитан все понял без слов.

Это начинало Левину нравиться. Экономило кучу времени. Дмитрий продолжил:

— Меня приставили к ней. Надо сказать, что скучно с ней не бывало. Меня порывались уволить, по нескольку раз на день. Я видел, что она принимает лекарство, но зная окружающую ее обстановку, ее семью, я счел это за трудности возраста... пока...

— Пока?

— Пока на нас не одели датчики. Первый приступ случился в тот же день. Хорошо, что удалось увести ее с людного места. Ее датчик, он был алым... в один миг, Видаль. Эта штука запрограммирована определять, кроме всего прочего, эмоциональный фон. Чтобы его так зашкалило, должно было произойти что-то из ряда вон выходящее. Эти приступы изматывали ее. Они ее попросту убивали.

— Почему вы решили перепрограммировать их? Вы же знаете, последствия могут быть необратимыми.

Лейтенант простодушно улыбнулся, впервые за последнее время. Чужак человек...

— Считаете, что ею управляли через датчик? В этом причина?

— Нет. Не думаю. Это нам дало только некоторое время, до выпуска.

— Сеньорита Розевски, полагаю, принимала в вашей истории активное участие?

— Я не стану отвечать на этот вопрос. Она помогает ей посильными действиями. Больше мне нечего сказать, Видаль. Если бы ИЛ проводил какие-либо действия против нее, я бы знал. Это должно быть что-то другое.

— Я проведу свое расследование. Воспользуюсь своими способами.

— Мне это не понравится?

— Нет. Это скорее мне не понравится, Димитрий. Но принесет результат. Сейчас же...

Хавьер подошел к нему, став рядом. Он надел свой головной убор, собираясь со словами.

— По поводу вашего приговора.

— Говорите, как есть.

— За то, что не предотвратили преступление, вы будете сосланы в Пустошь. Смертную казнь сменили на изгнание, Димитрий. Это все, на что я способен сейчас...

— Вы вообще не должны были заботиться об этом.

— Меня настойчиво просили...

— Где она сейчас?

— По моим данным, пересекла ворота Купола и пока не возвращалась. Поверьте, там ей безопаснее находиться, чем на территории города.

— Спасибо за все...

— Пока рано благодарить. Вы не сможете сунуться в поселок. Вас линчуют местные. Остаются топи, лес и скалы. Считаю необходимым посоветовать скалы, Димитрий. Там вы сможете продержаться.

— Я...

— Послушайте, вам в руки вложат ваш бумеранг. Как символ, того, что вам дают шанс исправить то, что вы допустили. В другом случае, это был бы шанс, но после недавних событий, это наказание не лучше расстрела! Продержитесь, пока я не приду за вами.

— Вы не должны...

— Но таково мое желание, лейтенант.

Мик вернулся с таким лицом, что Крешник даже не пытался расспросить его о том, как все прошло. Его одежда была изорвана и в грязи, но существенных ранений он не заметил. Значит, все могло быть не так уж и плохо...

— Она знает! Креш, она знает, кто такие Волки!

— Значит все плохо... — мужчина нервно теребил полы застиранной рубашки, соображая.

— Ты уверен, что она видела?

Мик глянул на него, скривившись, и Крешу оставалось только кивнуть.

— Но зато, она жива! — он нашел, чем себя подбодрить. Мик покачал мокрой головой. Его ждало следующее разочарование.

— Я не уверен, что это хорошо, друг. Как бы это не прозвучало.

— Ты верно издеваешься?! Да я чуть инфаркт не заработал, пока ждал от тебя известий. Теперь ты говоришь мне эту чушь?!

Мик не ответил. Его взгляд привлекли вещи, разбросанные по рабочему столу друга.

— Что это? — он указал на прядь волос, бережно перевязанную Крешем яркой ниткой.

— Трофей!

— Что? — Мик глянул на друга, как на умалишенного.

— Это плата синеглазой девочки, за мое «Отчуждение»!

— Ты молодец, Креш...

— В кои-то веки оценил по достоинству!

— Жди здесь! — он пулей вылетел из дома, не заперев двери.

— Как будто я куда-нибудь денусь! — Креш недоумевая, глядел другу в след.

* * *

Он бежал, и в этот раз дыхание его сбивалось, словно у простого смертного. Он остановился, позволяя себе немного прийти в себя. Ханна выглянув в окно, удивленно поглядела на него, подзывая к себе.

— Что стряслось, малыш? На тебе лица нет!

Мик сжимая и разжимая ладони, подошел к окну, положив руки на облезлый подоконник.

— Ты помог девочке? Я все никак не могла с тобой связаться, негодник! Хорошо, старая ведьма сказала, что видела ее, и передала тебе!

— Ханна... — он словно побитый щенок положил голову на свои руки.

— Ханна, достань его...

Глубокие морщины разом сложились на ее лбу.

— Что случилось? — она погладила его по мокрым волосам, убирая пряди с удивительных глаз.

— Беда, Ханна... я еще никогда не был, в такой растерянности... просто принеси мне его.

Она скрылась в окне, и долго не появлялась. Мик уже потерял терпение, когда хозяйка

вернулась с длинным невысоким деревянным ящиком. Покрытый давней пылью, он почти полностью потерял свой цвет. Замка не было. Крышка была прочно заколочена проржавевшими гвоздями. Ханна положила на нее руку, смахивая грязь.

— Ты уверен, что хочешь это видеть, малыш? Что могло тебя заставить открыть этот ящик?

— Прошлое настигло меня, Ханна. Возможно, я просто сошел с ума, на что искренне надеюсь, но возможно, окажусь прав. Тогда...

— Тогда что?

— Дай мне его, — Мик стянул ящик, подхватив его подмышку и обойдя бар, присел на камни позади дома.

Осторожно, он непослушными руками оторвал старую крышку. Дерево едва не рассыпалось под его пальцами.

— Ты слишком долго покоился с миром, капитан Микаэль Готьер...

Дрогнувшими руками, он поднял на белый свет старую, изношенную форму. Она была совсем ветхой, потертой, дыра от пули чернела на ее куртке. Мик часто задыхался, вспоминая ту самую последнюю звездную ночь в своей человеческой жизни. Низкий рык ранил легкие, и он, покрывшись испариной, прислонился спиной к стене дома. Столько лет... столько лет скитаний, дикой, бессмысленной жизни, наполненной болью и одиночеством, страхом...

Взяв себя в руки, он вспомнил, зачем пришел сюда. Только бы он сохранился.

Молодой человек тряхнул головой, отгоняя столетний призрак из памяти, но его горькие объятия были слишком цепкими...

12 год...

Воздух в округе был таким жарким и затхлым. Они пробирались по разваленной дороге, не имея возможности выбрать более безопасный путь. Асфальт, во многих местах треснул, и встал на дыбы, словно льдины по весне. Жухлая трава пробивалась сквозь разломы, неумолимо способствуя разрушению и деформации дорог. Обглоданными гигантскими останками выглядели здания, почти полностью разрушенные и безжизненные. Пустые глазницы окон чернели над их головами. Птицы снялись с проржавевшего балкона, криком разрывая тревожную тишину. Они разом подняли головы, крепче сжав свое жалкое оружие. Один пистолет, одна винтовка, а в них всего пара патронов.

— Нам бы пробраться к тем домам, — полковник стер рваным рукавом пот со лба, не дававший толкового обзора.

Мик проследил за его рукой. Те самые здания, на которые указывал Ставров, были действительно более сохранившимися, и возможно даже не грозили обрушиться на их головы, едва они войдут.

Он украдкой глянул, как тяжело оперся на винтовку его командир. Отдышавшись, мужчина снова безмятежно продолжил путь. Рана давала о себе знать все чаще и чаще. Они должны были, наконец, вырваться к своим войскам, или будет слишком поздно.

— Давай, сынок. Поднажмем...

— Сейчас полдень. Не стоит перетруждать себя. Мы успеем, — ему так хотелось сделать хоть что-нибудь. Бессилие было отравляющим.

— Мы не можем останавливаться, Готьер! Слишком долго были без своих. Слишком далеко зашли... нельзя допустить, чтобы ты остался один. Не будет никого, кто бы мог подтвердить твою лояльность к силам Севера. К тому же... — полковник опустил взгляд на свою руку. Повязка давно вымокла, и требовала замены.

— Они почуют нас.

— Вы не правы!

— Я прав. Черт возьми, мальчишка! Они чуют кровь за многие сектора! Ты должен быть готов! Всегда!

— Простите... — Мик последовал за ним, пробираясь через завалы.

Солнце, ядовитым желтым диском палило их, заставляя часто дышать. Тени не было совсем. Ни единого дерева, ни единого живого существа, лишь жалкие редкие птицы, кричавшие над головами. Он уже успел забыть, когда они в последний раз держали в руках еду.

— Этот район... мы уже близко, я чувствую, капитан! — словно открыв второе дыхание, Ставров направился к тянувшимся к небу нескольким высоткам.

Последние этажи зданий были разрушены полностью, уничтожены при атаке авиационными снарядами. Зато основа домов давала надежду. Мик стараясь держаться хоть какой-нибудь тени, пробрался под балконами к ближайшему подъезду. Вход был перекрыт железными балками, намертво приваренными к бетонным блокам, но они спокойно могли протиснуться между ними.

— Зачем так основательно?

— Чтобы не впустить кого-то побольше нас с тобой, сынок...

Позади них, с грохотом что-то рухнуло. Оба мужчины оглянулись, видя, как обрушился длинный балкон, поднимая тучи пыли и осыпая округу мелкими осколками бетона. Железные ржавые прутья изогнулись, при падении деформируясь.

— Скоро здесь все рухнет...

— А теперь тихонько отходим, — полковник потянул его за собой, отводя к подъезду.

— Что там? — Мик поднял голову, пытаясь разглядеть сквозь слепящее солнце, происходящее на верхних этажах дома. Камни и штукатурка продолжала осыпаться.

— То, что голодно не меньше нашего, Готьер. Вперед!

Они, пригнувшись, пробрались через железное перекрытие, оказавшись в огромном пустом помещении. Оно было поделено на несколько отсеков и поддерживалось потрескавшимися опорами. Видимо раньше этот этаж служил гаражом.

Полковник кинул горький взгляд, на огромный пролом в противоположной стене. Он указал дулом винтовки на отверстие, через которое могли проехать и два броневика.

— Нужно подниматься. Они нас учуяли, значит, не отстанут.

Они побежали через гараж, намереваясь добраться до почерневшей старой двери, висящей на одной петле. Она вела к лестницам. Мужчины достигли ее, поднявшись на следующий уровень. Лестничные пролеты были настолько негодными, что буквально рассыпались следом за каждым их шагом.

Мик наступал целой подошвой, стараясь осторожно переносить вес тела. Это было подобно ходьбе по трясине. Один лишь неловкий шаг мог покончить с ними. Они были уже на седьмом или восьмом уровне, когда лестничный пролет впереди оказался почти полностью разрушен.

— Здесь не пройти, черт! — Ставров огляделся, ища укрытие.

Оставшиеся без дверей, без перегородок, видимо офисные помещения бесконечными рядами тянулись вдоль нескольких темных, сырых коридоров.

— Пройдем там, осторожно только. Не пол, а каша...

Мужчины свернули в ближайший коридор, обходя дыры в полу, черневшие под ногами. Мик нервно сглотнул, чувствуя, что при каждом следующем шаге его прошибал пот.

— У меня предчувствие плохое, командир... может, поищем другой путь?

— Ты слышишь? — он замолк, заставляя его вслушаться в окружающие звуки. Он не мог сказать, что именно услышал, но понял, что они больше не одни.

— Вперед. Только вперед, Готьер. Этот пол однозначно не выдержит их веса, это будет нашим шансом... — Ставров усмехнулся ему устало, намереваясь накинуть ремень винтовки.

В этот момент он не глядел под ноги, отвлекаясь на своего товарища. Еще шаг, и крохкая плита ушла из-под его ног. Оружие упало на пол, и последним рывком, капитан успел подхватить его, удерживая за руку. Мик тянул с последних сил, но пол просто оседал под его весом.

— Отпускай! — полковник попытался высвободить свою руку, боясь утянуть его за собой.

Мик глянул через пролом, поняв, что было слишком высоко, для него, ослабшего после ранения.

— Высоко... пробуйте выбраться...

Ставров подтянулся, схватив его за рукав второй рукой, но раненная, она почти не имела силы. Слабо сомкнувшись вокруг него, повыше запястья, она лишь пропитала куртку кровью. Рана открылась... Мик потянул сильнее, чувствуя, как куски бетона оседают под его

грудью, устремляясь вниз. Словно на речке весной, словно тонкий лед.

— Прошу, еще немного! — капитан проклинал отсутствие опоры, и с ужасом почувствовал, как разрывается ткань под его пальцами.

Старая перчатка не выдержала и оборвалась, оставшись жалким ошметком у него в руках.

— Полковник!.. — Мик подался вперед, едва не свалившись следом, в ужасе глядя, как друг упал на разломанный пол. Ставров смог приподняться, пытаясь успокоить его, и показывая, что жив.

— Я сейчас спущусь! Потерпите немного... — молодой человек потянулся за брошенной винтовкой, и вернулся к разлому.

Но чувство тревоги внезапно охватило его, заставив притормозить.

— Мик... — голос полковника звучал тихо, едва слышным шепотом.

— Я иду.

— Оставайся, где стоишь...

С поломанных плит, где-то под ним, внизу, посыпались камни. Рычание, тихое, нарастающее коснулось его слуха. Волки...

— Полковник... — Мик стараясь не шуметь, опустился на пол. Он видел его внизу. Мужчина отполз назад, к горе арматуры и обломанных кусков бетона. Встретившись с ним взглядом, капитан одними губами прошептал:

— Сколько?

Ставров медленно поднял ладонь, показывая два пальца. Миг поджал губы, кивнув. Все скудное оружие осталось при нем. Человек внизу был ранен и полностью беззащитен. Остаться здесь? Нет. Он слышал, как твари приближались. Развалины мешали им, задерживая, но это их не остановит, конечно. Черт, они почти дошли! Уцелевшие здания были хорошим знаком! Они почти дошли к своим...

Мик прицелился и кинул винтовку вниз, надеясь, что полковник доберется до нее. Ставров приподнялся, и подтянулся к оружию. Он ухватил ее за потертый ремень, пытаясь подняться.

— Я иду! — грохот и разлетевшиеся камни не оставили ему выбора. Мик спрыгнул, чувствуя, как ноги загорелись огнем. Приземлившись, он не удержался, разодранное колено отказывалось слушаться. Он шатко развернулся, задохнувшись от увиденного. Их было не двое. Их было гораздо больше...

— Глупый мальчишка!! — винтовка пальнула, своим последним патроном. Пуля вошла ровно промеж глаз, проклятой твари, и они оба прекрасно понимали, что за этим последует.

— Уходи!!

— Нет! Без вас — нет!! — его рука дрожала, пистолет стал невыразимо тяжелым в этот час.

Они окружили их, переступая через трансформированное тело своего убитого «товарища», рыча и выжидая момента атаки. Их было слишком много, а добычи слишком мало, это заставляло существа издавать громоподобное рычание. Они неистово молотили длинными хвостами, раздирая когтями старые бетонные плиты.

— Сколько? — Ставров едва повернул к нему голову, указывая взглядом на пистолет.

— Как раз, два патрона осталось... — лицо молодого человека исказилось от переполнявших чувств.

— Тогда ты знаешь, что должен сделать, сынок.

— Нет! Нет, нет!.. я убью двоих, пока они отвлекутся, мы успеем... — он, жарко говоря, вытер перепачканное взмокшее лицо, вновь направляя оружие то на одного Волка, то на другого.

— Давай, черт возьми!! Трус!!

Они кинулись разом, отталкивая друг-друга огромными лапами. Мик развернул пистолет, целясь ему в голову. Яркие синие глаза глядели в самую душу. Одними губами, он прошептал:

— Спасибо...

Выстрел гремел и гремел у него в голове... он слышал, как упало бездыханное тело его последнего друга. Не успевшее остыть дуло прижалось к его виску. Снова выстрел... и снова... и снова... почему он слышал их? Почему звук не умолкал? Почему ни одна тварь так и не настигла их?..

Капитан заставил себя разомкнуть глаза. Все они лежали у его ног. Сломанными манекенами, с посеревшими лицами. Места, где вошли пули, все еще дымились.

— Бросьте оружие! Поднимите руки над головой!

Голоса? Люди?.. Только тогда он понял, что так и держал пистолет прижатым к собственному виску, так и не нажав на курок.

Приходя в себя, он уже различал силуэты в черной форме, показавшиеся среди развалин. Он слышал треск раций, он слышал человеческие голоса... они все-таки дошли... они смогли... горький, полный отчаяния крик его разорвал эхом умолкшее здание. Горячая влага застилала зеленые глаза, стекая по измученному лицу, в первый и последний раз, в своей человеческой жизни.

— Покойся с миром...

Мик прижал куртку к лицу, прячась от всего мира. Ханна, оставаясь в стороне, видела, как подергивались его плечи, в беззвучной агонии.

— Столько лет прошло, малыш... когда же ты перестанешь себя терзать?

Придя в себя, молодой человек обернулся в сторону дорожки к дому, но она была пуста.

— Ханна... — он взглянул на свою старую одежду.

Темные пятна складывались в различимый отпечаток его ладони. Он так отчетливо был запечатлен в его памяти, что виделся ему даже сейчас, спустя столькие годы, ярким, алым. То, что тогда привело их в западню, в этот раз могло помочь вывести из нее. Именно на эти пятна он и рассчитывал, искренне надеясь, что Крешнику этого хватит для анализа.

Креш с благоговением смотрел на протянутую ему ветхую куртку.

— Брат, где ты откопал эту вещицу? Ей цены нет... — он проворно потянулся к одежде длинной узловатой рукой, но Мик вовремя выхватил форму, едва не разорвав хрупкую ткань.

— Я ее не для твоей извращенной коллекции принес! Где то, что оставила девушка?

Его друг, скорчив обиженную физиономию, полез в свои многочисленные ящички и коробки. Он извлек прядь волос, заботливо уложенную в небольшую коробочку.

— О Боже, Креш! — Мик только скривившись, покачал головой, — мне нужно, чтобы ты провел анализ.

— Не понял?

— Просто сравни ДНК на этой куртке, с волосами, что остались у тебя.

— Зачем?

Он вовсе замучил его своими вопросами. Мик развернулся к нему, сверкая глазами, голос его, рыком раздался в небольшой комнате:

— Делай свое дело, Креш! Пока я окончательно не вышел из себя!

— Походу, ты туда не часто навещаешься... — ученый вырвал одежду из рук друга, и посеял в свою крошечную лабораторию. Вожделенную прядь, он бережно положил в глубокий карман своей безразмерной рубашки.

— Сколько тебе нужно времени?! — Мик прокричал ему в след, когда тот скрылся, не удосужившись дослушать.

— Уходи! Я свяжусь с тобой, когда закончу! — противный голос раздался, словно из другого света.

— Мне нужно примерное время, Креш! Меня интересуют пятна крови на рукаве.

— Образец даже навскидку потянет не несколько десятков лет! Думаешь все так просто, в моих ограниченных условиях?! Я сказал — уходи!

— Черт тебя дерь, Креш... — Мик покинул хижину, не найдя себе места. Он так желал этого результата, что не мог сосредоточиться ни на чем.

Крешник уложил одежду на свой стол, и, потянувшись за приборами, глянул на панель на стене. Большим скоплением ярко-зеленых точек, высвечивалась часть карты, отображавшаяся на одном из горевших экранов.

— Мик!! — ученый засеменял обратно, надеясь догнать друга.

— Мик!!!! — стоя на крыльце, он голосил, как на поминках. Птицы снялись с верхних веток, вторя своими голосами его крику.

— На мосту как-то слишкомлюдно!!!!!! — прокашлявшись, Креш решил, что достаточно, и, учитывая слух его товарища, он сделал все, что смог.

— Ты идиот, Креш! — Мик на ходу развернулся, устремляясь к черневшему под небесами мосту. Что могло заставить людей собраться там? Нехорошее предчувствие одолевало его всю дорогу.

* * *

Она бежала, из последних сил. Взмокнув до последней нитки, она, задыхаясь, упала на

колени под огромной тенью, отбрасываемой высоким мостом. Схватившись руками за высохшую траву, она восстанавливала дыхание. Она уже слышала приближение машин наверху. Оранжевая пыль и ржавчина оседала на ее спине и косах.

— Как... как успеть... как успеть?!.. — ее хрипкое дыхание резало горло. Виктория подняла голову, прикрывая глаза, слезящиеся от пыли и солнца. Или от бессилия.

— Поднимайся.

Она повернула голову, пытаясь понять, кто оказался рядом. Она даже не заметила, как он подошел. Высокие ботинки нетерпеливо пинали старую сваю. Мик глянул на нее, неподвижно сидящую на земле, разглядывающую его через завесу спутанных волос.

— Вставай!

— Не могу... — ватные ноги и вправду не слушались ее. Это было странное раздражающее чувство. Она привыкла, к тому, что в ней словно ядерный реактор работал на износ. Похоже, он отработал свой срок.

— Это пройдет.

Он будто читал ее мысли.

— Это просто нервы. Успокойся и вставай. Он не должен увидеть тебя такой.

— Что ты делаешь здесь Волк? — она тяжело поднялась, подхваченная им под руку. Молодой человек, убедившись, что она устоит сама, отпустил ее, отступая на шаг.

— Я не Волк.

— Твои зубы говорят об обратном!

— Твои тоже!

Виктория только сейчас почувствовала, знакомую помеху во рту.

— Я чудовище...

— Как и я, собственно.

Они замолчали, словно впервые видя друг друга. Мик первым очнулся, остановив взгляд на цепи, обмотавшей ее шею.

Сейчас тебе нужно идти. Но ты должна вернуться в Пустошь, как только закончишь. Ты не сойдешь с этого моста, больше никогда. Я помогу, если ты дашь мне слово.

— Я не могу дать тебе его. Я должна сдать.

— Тебе нельзя возвращаться в город. Я совершенно не понимаю, что происходит, но точно знаю, что ты не должна попасть к этим людям. Ты подвергаешь их смертельной опасности.

— Меня просто расстреляют и все кончится!

— Ты так легко готова умереть?!

— А сколько я еще должна убить, чтобы быть готовой? Трех не достаточно?

Мик замолк, не веря своим ушам.

— Моего друга обвинили вместо меня в том, чего он не совершал. Я должна передать ему прибор, чтобы ни я, никто другой не попытался навредить ему... потом, все должно закончиться.

— Дай мне один шанс. Есть человек, который может попробовать разобраться во всем. Он сейчас этим занимается. Пусть он скажет свое слово.

— А потом?

— Ты сама сделаешь свой выбор.

— Ладно. Ты сказал, что можешь помочь. Я не успею вовремя.

— Я подброшу тебя. Там, наверху есть перегородки, за которые можно ухватиться. Ты

поднимешься по ним.

Она подняла голову, глядя на железную конструкцию, о которой говорил Мик.

— Это слишком высоко...

— Не для тебя. И не для меня, — Мик присел, подставляя ей свои руки.

— Поспеш!

Виктория положила руки ему на плечи, ставя пыльный ботинок на его ладони.

— Давай! — она взлетела, словно гравитация была над ней более не властна. Ржавые перегородки едва позволили ее рукам зацепиться, грозя рассыпаться в прах. Виктория, прищуривая глаза, от жгучей пыли, подтянулась, пытаясь найти ногами опору. Оставив все мысли позади, она приказала себе не останавливаться, и не смотреть вниз...

Мик стоял, прижавшись к ржавой свае, в полном смятении.

Происходящее там, высоко над головой, так больно напомнило ему казнь, свершившуюся почти сто лет назад.

Он, как никто другой понимал лейтенанта, в этот самый миг, становившегося отвергнутым, поруганным беснующейся толпой.

— Ублюдох!..

Он помнил каждое слово, кинутое ему в след, каждый камень.

— Черт, время идет — люди не меняются...

Она соскочила с высокой решетки на широкую бетонную дорогу, как раз в тот самый момент, когда конвой подвел его к краю. Она видела, что сопровождавший его Южный патруль, как мог, сдерживал людей. Она мигом заметила знакомую шляпу. Хавьер, из последних сил терпя, пытался устоять на месте, и не дать им приблизиться к заключенному.

— Димка... — ноги ее задрожали, но она побежала, раскидывая орудия горожан, ненавистных ей в этот момент. Ее не волновало, упал ли кто, или не сломала она в пылу чью-то руку или ногу, а лучше — шею... неудержимая ярость и обида заполонила ее сознание.

— Димка...

Оттолкнув конвойного так, что бедолага отлетел и ударился о сваю, она, наконец, настигла его.

— Димка...

Она не замечала, приближения нескольких машин, перегораживающих дорогу. Хавьер кричал ей уходить, но она не слышала слов друга. Сейчас для нее существовал только он.

— Курсант Вереск, вы арестованы по обвинению в убийстве...

Она не слышала.

— Зачем ты вернулась, Вик! Ты с ума сошла, они ждали тебя... — Дмитрий в отчаянии смотрел ей за спину, на направленное на них оружие, которое она так напрасно игнорировала. Ее руки сняли прибор, и тяжелая цепь с холодом обвила его шею.

Она с силой одернула тяжелое украшение. «Отчуждение» было активировано. Он был защищен от неразумных хищников, остались те, кто называли себя людьми. С ними все сложнее. Нет прибора, очищавшего души.

Виктория прижала руками его голову, к своему лбу, и быстро прошептала ему, добраться в лес к Ведьме. Она должна по ее мнению знать, где прячется Черный Волк.

— Ты должен найти его, обещаю мне, обещаю!

Левин видел, как луч парализатора скользнул по ее спине. Комом в горле застряли слова. Он потянулся, пытаясь поддержать ее, падающую к его ногам, но скованные руки не

давали толком помочь ей.

— Обещаю...

Он видел, как Видаль кинулся к ним, но был остановлен прибывшими сотрудниками ВСБ. Он одними губами повторял и повторял, чтобы он ему доверился. И это все, что у него было сейчас, доверие к чужаку из южан.

— Не подведи...

— Уводите! — конвойный махнул коллегам у приборной панели. Прибывшие на машинах, оттесняли толпу, заставляя их покидать эту часть моста. Уровень его стал понижаться, склоняясь к выжженной земле. Дмитрий бережно опустил ее на дорогу. Тот час же получив прикладом по голове, заставившим потерять сознание. Последнее, что он видел, это перевернувшееся линияное небо над ним. Его мир погас.

Мик все слышал. Он понял, что ее поджидали и увозят в Купол.

— Проклятие! Чертова девчонка! Нужно было покончить с этим еще в лесу!

Он хотел остановить их, но единственный выход был использовать капсулу, крепившуюся на поясе. Он не мог в такой толпе.

— Проклятие...

Он почувствовал сигнал вызова на своем коммуникаторе. Достав прибор, он зло ответил:

— Сейчас не до тебя, Креш!

— Ты должен немедленно явиться сюда! Это вопрос жизни и смерти!! Не вздумай задержаться, чертова псина!

— Я сверну твою тощую шею, Креш, если ты не замолкнешь!

Мик ясно видел человека, лежащего в двухстах метрах от него. Он был ранен, но это все, что он мог понять с такого расстояния. Удивление не оставило его в покое, пока он не подошел к офицеру вплотную. И сейчас, ничего. Только глянув на прибор, висевший на его шее, Мик понял в чем дело.

«Отчуждение», своеобразный блокатор данных. Применяя его, невозможно считать какие-нибудь данные с человека. Его физические данные, температуру тела, сердцебиение, запах, все блокируется. Он становится словно невидимым, и его только слышат. Поэтому Волки, которые охотятся только на живых, не видят этого человека. «Отчуждение» — редкая штука. Они использовались солдатами ВСБ в 12 году, во время зачистки в Пустоши, как средство защиты от Волков и прочих тварей. Сейчас их практически не осталось, так как проект «Звероформа» был закрыт и засекречен. Мик присел и рукой проверил пульс. Осмотрев рану, он понял, что жизни лейтенанта ничего не угрожало.

Понимая, что пока все не уберутся с моста, и не снимут наблюдения до самого вечера у края платформы, он тут бессилён.

— Прости, я должен оставить тебя, лейтенант. Окажи любезность, сделай так, как просила твоя девочка. Не заставляй меня еще раз идти сюда за тобой.

Мик поднялся, направляясь к хижине.

* * *

Черный броневик несся по дороге укрываемой почти непроглядной завесой поднятой пыли. Ветер на этой высоте, был словно безумный.

— Капитан, позвольте мне сесть за руль! — Пат тщетно попытался воззвать к нему.

— Они едут к Куполу! Пат!!

— Мы не можем их остановить, капитан! За эти несколько минут вы ничего не придумаете, прошу, остановитесь!

— Я должен придумать... они не должны пересечь пост...

Офицер в очередной раз перебрал варианты, глядя через лобовое стекло.

— У нас не больше четырех минут, капитан. После, преследование придется прекратить.

— Не говори мне, что я должен прекратить! Черт... — Хавьер зло отер вспотевшее лицо. Испарина вновь покрыла его. Глаза его, до сих пор были чисты. Сыворотка еще не успела подействовать, так он спешил успеть попасть в сопровождение. Боли в спине преследовали его с самого утра. Благодаря удерживанию беснующейся толпы, ломка усилилась.

— Капитан, что вы собираетесь предпринять, когда мы настигнем их? Вы же не собираетесь атаковать конвой северян?

— Именно это я и собираюсь сделать, Пат. Поэтому тебе лучше покинуть машину.

— Я в вашем экипаже, капитан. Но есть одна весомая проблема! — офицер указал за окно.

Хавьер глянул на небо, выругавшись. Два небольших дрона поравнялись с ними, сопровождая впереди идущую машину конвоя.

— Мы не можем ничего предпринять, пока эти птички ведут наблюдение!

— Можем... — Хавьер направил свое оружие на коллегу.

— Прыгай!

— Вы с ума сошли!! — Пат отодвинулся к дверце.

— Прыгай, я сказал!!! В рапорте укажешь, что машина была неисправна! Ты слышишь меня?!

Молодой человек в ужасе замотал головой.

— Я не позволю вам...

Выстрел оглушил его, пуля прошла совсем рядом с ним, застряв в сидении.

— Следующая останется в тебе, друг... прошу последний раз, дай мне сделать, что задумал...

Не глядя, открыв дверцу, Пат не сводил с него испуганного взгляда. Он еще на миг задержался. Так и не найдя слов, и заставил себя покинуть машину. Адской болью загорелось тело, врезавшись в бетонную дорогу. Сквозь туман застилавший глаза от боли и пыли, он глядел на обреченную машину, черной стрелой мчащуюся вслед за машиной северян. Еще несколько бесконечно долгих секунд, и она, врезалась в него на полном ходу, срывая напрочь задние двери, следом слетая с моста...

Мощи корпуса броневика оказалось достаточно, чтобы выполнить его задачу. Оставалось только надеяться, что она сумеет выбраться и его жертва не была напрасна...

Алый закат опрокинулся у него перед глазами, оставшись последним, что он запечатлел в памяти, когда машина врезалась в иссохшую землю, взметая клубы пыли и мелких камней...

* * *

Машина, развернувшись от удара, едва не слетела вниз, остановившись у решетки. Она, скованными руками ухватилась за край развороченной крыши, пытаясь сообразить, где небо, а где земля. Водитель и его коллега были без сознания, но живы. Виктория почуяв, что они дышат, обошла машину, соображая, что могло стать причиной аварии. Парализатор усыпил ее ненадолго, оставив наркотическое опьянение. Ее вело в разные стороны. Подойдя к разбитой решетке, она глянула вниз.

Черный броневик, рухнув набок, дымился. К ее безмерному ужасу, она не видела и

единого человека около нее.

— Что ты наделал капитан?.. — ее алые глаза, засияли углями. Она с диким ревом разорвала оковы на запястьях, повисшие изогнутыми звеньями. Ветер поднял ее косы, черными крыльями трепетавшие за спиной. Она перегнулась через край платформы, и заставила себя разжать руки, пролетев несколько метров, затем успела ухватиться за ржавые балки. Глянув вниз, поняла, что теперь можно не свернуть себе шею, вновь разжимая пальцы...

Она приземлилась в траву возле самой машины. Наручники, тихо звякнули о землю. Ей показалось, что это звук, от ее сломанных рук. Боль обожгла ее тело, ударившееся о сухой грунт. Она подорвалась, забираясь на броневик, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь сквозь грязное стекло. Он был там, она чувала его. Она слышала биение его сердца, и это был самый желанный звук для нее в этот час.

— Хавьер! — Виктория дернула ручку двери, но та не желала поддаваться. Она уперлась ногами, и, ухватившись обеими руками, дернула со всех сил. Сорвав ее с петель, она рухнула вместе с ней на землю. Дверь ударила ее, разбивая лоб железным краем. Девушка зло столкнула ее с себя, поднимаясь. Кровь из раны стекала, раздражая, и мешая смотреть. Она растерла ее рукавами, надеясь не испугать его своим видом. Он не должен бояться ее. Почему он оказался в сопровождении сегодня? Почему пришел? Он должен был запомнить ее такой, какой она была... человеком, не монстром...

— Капитан! — она забралась внутрь кабины, стараясь не навредить ему своими действиями еще больше.

Система безопасности сработала, но ему это мало чем помогло.

— Хавьер... — она осторожно потянула его за руку, услышав его тихий стон.

— Потерпи немного, я тебя вытащу... — она снова склонилась к нему, оттирая кровь с его лица.

— Не нужно... — его голос, скорее шепот, был едва слышен. Он приоткрыл глаза, пытаясь удержать взгляд на ней.

— Необходимо подождать... пока...

— Пока что?! — она разбирала панели, и сломанные сиденья, освобождая место.

— Пока она сработает... иначе вы сломаете последние, что уцелели... — он замолчал, исчерпав последние силы.

— Она?.. — Виктория осторожно убрала мокрые пряди волос с его глаз.

— Карие... ты не принял сыворотку. Глупый капитан! Ненавижу тебя!

— Погодите... должна подействовать...

— Ты с этим расчетом таранил конвой, да? Сумасшедший! Ты сумасшедший, зачем ты это сделал?!

Взгляд его теплел, потихоньку загораясь. Еще минута, и золото вновь озарило его глаза. Он молчал, она тоже, глядя, как затягивается рана на его щеке, не оставляя и следа, только засохшую кровь.

— Не могу привыкнуть к твоим превращениям, капитан... так ты не собираешься умирать?

— Скажу точно, когда мы выберемся отсюда... мне нужно на ровную поверхность, Виктория... у вас хватит сил?..

Она схватила его, вытащив на свет Божий, словно невесомую куклу, осторожно опустив на землю.

Он судорожно дышал, не имея больше сил выносить боль от сломанных костей.

— А теперь, отойдите... отойдите... не желаю, чтобы вы это видели...

Она отвернулась, больше всего желая в этот момент, чтобы слух покинул ее, и она не слышала, представляя в собственном воображении, что он испытывал сейчас. Его крик раздирал ее голову. Кости срастались, становясь на место, пытая его. Не выдержав больше, она вернулась к нему, сев рядом на землю, и сжала в своих руках, его горячую ладонь. Он притих, сипло дыша, взмокший от жара охватившего его, и от слабости, истратив на регенерацию последние капли силы.

— Скоро сюда приедет патруль. Вам нужно бежать, — он приподнял голову, встречаясь с ее взглядом. Она слышала, как часто забилося его сердце. Он видел, какими стали ее глаза. Он видел, как она исцарапала собственные губы, острыми клыками, но ни один мускул не дрогнул на его бледном лице.

— Я больше никогда не перейду этот мост.

— Есть много иных путей, Виктория...

— Ты ослеп после аварии, капитан?! Ты не видишь, что возле тебя чудовище?!

Он сплел пальцы своей руки с ее рукой, крепче сжимая ее.

— Я вижу только тебя. Здесь нет чудовищ.

— Ненавижу тебя...

— Это пройдет.

— Не хочу, чтобы проходило... хочу говорить тебе это снова... и снова... хочу...

Что это? Горячая влага текла по ее щекам, плечи ее дрожали, от тихой истерики. Он так хотел подняться к ней, но проклятые силы не возвращались. Дернув ее руку, как мог, он добился того, что она склонилась к нему, и опустил ее голову к своей груди. Она горько мочила его рубашку, а он, молча, гладил ее спутанные косы.

— Я уйду с тобой...

— Нет! — ее слезы мгновенно высохли, — нет! Ты должен вернуться в город. Твое здоровье такое хрупкое... я...

Она четко расслышала шум приближающихся машин.

— Это, за тобой. Прощай, Хавьер.

— Я не собираюсь прощаться, сеньорита...

Она, молча, коснулась его губ, остановив его речи. Затем, заставив себя оторваться от него, побежала прочь. Подальше от моста, от людей, от этого мира...

— Ты не сказал мне, что эта форма принадлежала тебе, Мик.

— И что это меняет? Я тебя не об этом просил! — сейчас он не готов был слушать стенания друга.

— Ты как-то забыл упомянуть, что носил, эту одежду почти век назад! Ты не хочешь мне ничего объяснить, друг? — теребя полы рубашки, Креш вышагивал по комнате, выводя из себя Мика.

— Просто расскажи, что ты нашел. Остальное потом.

— Я буду ждать это «потом», запомни, Мик.

— Сначала я жду твои результаты, — Мик пытался сосредоточиться, но мысли неслись к Куполу.

— Это одна кровь.

— Ты хочешь сказать, что они родственники? — молодой человек присел на край стола, отодвинув гору приборов.

— Нет. Я хочу сказать, что это один и тот же человек.

— Но как это может быть?

— Одной пробе лет семьдесят-восемьдесят, Мик. Вторая — свежая.

— Кто-то клонировал полковника, — Мик почувствовал, как зашумело в ушах. Он встал, вцепившись руками в край стола.

— Полковника? Значит, это его кровь? Но это не все. Пусть эта девочка действительно, модифицированный клон. Другой факт заставил меня гнать тебя через всю пустошь. Состав ДНК поражен.

— То есть? — он предчувствовал эти слова, но так хотелось ошибаться.

— Я обнаружил в крови мутации, схожие с теми, что ты представлял по 12 году.

— Это абсурд! Купол больше не пользуется этой сывороткой! Последствия тебе известны! — Мик пытался взглянуть в записи сделанные ученым, но они были для него инопланетным языком.

— Тем не менее, в этой крови ген Волка.

— Зачем кому-то клонировать и заражать человека подобным образом? Она разгуливает там, среди людей, как бомба с часовым механизмом! Черт!! Я не должен был отпускать ее...

— Возможно, ее не создавали бомбой, Мик.

— И? — он нервно ерошил черные волосы, не находя себе места.

— Возможно, инфицированное ДНК было использовано по другим соображениям.

— Его не осталось, брат. Он был похоронен... Я не пойму, как все это возможно вообще! И почему женщина? Не проще ли было полностью воссоздать?

— Возможно, повторяюсь, но что, если все не то, чем, кажется на первый взгляд? Возможно, мотивы несколько отличаются от наших с тобою догадок. Возможно, пытались скрыть не мутации, а саму принадлежность к носителю ДНК.

— Мужчина был бы слишком схож с ним...

— Верно, другое дело-девица!

Мик почувствовал прилив паники. Не важно, в чем были причины происходящего, он понимал, что ему придется остановить Викторию, пока она не обратилась и не стала убивать людей. Волки не тронули ее, потому что почуяли единственную самку. Вот ответ... Но Боже!

Почему именно этот человек?! Почему?! Все, что он чувствовал, все, что она будила в нем, все это было не сумасшествием. Он чуял его. Словно тот был рядом. Жив. И можно было дотянуться до него. Словно небеса даровали ему второй шанс. Но теперь он должен убить его снова... Точно так же, как убил, почти сотню лет назад. История повторялась, словно его проклятие. Нужно срочно вернуть ее, вытащить из города! Но как?! От одной мысли оказаться среди шумных людных улиц, вызывало у него спазм. Больше никогда! Лейтенант! Точно, он должен найти его! Он поможет решить эту проблему... только как найти человека, который исчез со всех твоих радаров, приятель?!

— Проклятое «Отчуждение»!

* * *

Он пришел в себя уже ночью. Голова раскальвалась. Едва он смог приподняться на коленях, как приступ тошноты заставил его бедный желудок буквально вывернуться наизнанку. Закашлявшись, он попытался разглядеть окрестности. Оттерев лицо рукавом, Дмитрий попытался подняться. Его шатало из стороны в сторону, но он устоял.

— Черт... темно-то как...

Не видя ничего на несколько метров вперед, он потянулся рукой за спину. Его любимый бумеранг привычно лег в ладонь. Он активировал его, запустив над головой. Пролетев приличное расстояние, он, не найдя своей добычи, возвращался к хозяину, слабо освещая окрестности синей молнией. Но и этого было вполне достаточно. Остаться здесь он не мог, нужно было просто идти вперед, припоминая маршрут патруля. Видаль говорил о скалах. Пожалуй, он был прав. Там безопасней. Потом он отыщет то, что просил его напарник.

— Вик... — безграничная тревога и страх за нее, не давал ему сосредоточиться. Что Видаль предпримет? Что он сделает? Поможет или нет?

— Черт!!!! — он заорал на всю пустошь, вновь запуская оружие.

Он должен дождаться капитана, должен получить от него вестей, иначе сойдет с ума.

Небо у горизонта алело, говоря о том, что он потратил почти весь остаток ночи, в бесполезных блужданиях по высохшей земле. Черные скалы уже виднелись впереди, теперь уже различимые. Он отключил свое оружие, по-прежнему держа его наготове.

Земля под ногами стала каменистой, мелкие острые камни, кашей, мешали быстро идти, словно кто специально их сюда насыпал. Он остановился перевести дыхание, но четко услышал, что камни продолжали осыпаться. Обернувшись, он понял, что теперь не один.

— За тобой, значит, она пришла... — Мик медленно обходил его кругом, не сводя глаз. Дмитрий крепче сжал единственное оружие, так же сверля незнакомца взглядом.

Мик оскалился, увидев бумеранг, обнажив белоснежные клыки. Загоревшись, синим огнем, оружие немедленно было направлено на него.

— Ты такой же! Ты не человек! Кто ты?.. — лейтенант невольно отступил, чувствуя, как под сапогами осыпались мелкие камни, не давая стать устойчиво.

— Она просила тебя прийти к хижине! Какого черта ты забыл у скал?! Знаешь, сколько я времени потратил, чтоб тебя найти, с этой проклятой штуковиной?! — он ткнул пальцем в медальон.

Левин словно впервые вспомнил о нем, висящем на его шее, и ставшим таким тяжелым

в этот миг. Он, не совсем поняв смысл слов незнакомца, потянулся к груди, и одним движением стянул его с себя.

— Не смей! — Мик кинулся к нему, желая вернуть прибор на место, но притормозил. Теперь он мог учуять его, почувствовать, понять. Человек перед ним, едва стоял на ногах. Черт, да он едва был жив!

— Поверни голову, лейтенант! — он попытался развернуть его к себе нужным боком, но получил достаточно чувствительный удар в живот.

— Не трать зря силы, идиот! Мы на одной стороне, наверное... — Мик повторил свою попытку.

— Я осмотрю твою рану, не дергайся. Твоя девочка просила тебя найти меня, ей-то ты можешь доверять, приятель? Она бы не послала тебя к врагу...

Глядя на него угрюмо, Дмитрий немного остыл, но бумеранг по привычке перевел в боевой режим, и только тогда подпустил его к себе. Тонкое лезвие оружия снесло бы голову за секунду, так что он мог ощущать себя в некоторой безопасности, хотя и очень паршиво ощущать. Голова раскалывалась, его тошнило, словно он не слезал с карусели.

— Хорошо тебя приложили...

Кровь, засыхая, залила всю шею, вымочив куртку. Рана была глубокой, и этот удар был для него достаточно серьезным. В этот момент он пожалел, о том, что регенерация была неведома этому человеку. Сейчас бы она пригодилась.

— Нужно отвести тебя в хижину. Твою рану нужно обработать, иначе ты свалишься с ног.

— Я ни куда не уйду, приятель! Я с места не сдвинусь! — Дмитрий еще дальше отступил от него к скалам.

— Во-первых, одень обратно прибор. Он слишком дорого обошелся твоему другу, поверь.

— В чем смысл?! Зачем?! Он вернет ее?! — голос лейтенанта, охрипший сорвался.

— Этот прибор не вернет ее, но он защитит тебя.

— От кого?!

— От Волков, от прочих плотоядных тварей, от меня... от нее... — Мик замолк.

— Что ты несешь?! Это украшение?! От нее?!

Господи, он слышал, только это...

Мик покачал головой. Подойдя к нему вплотную, молодой человек вырвал из руки Левина «Отчуждение» и зло нацепил обратно на его шею.

— Никогда не смей снимать его в Пустоши! А сейчас, ты идешь со мной! Мне нужно вытащить твою подружку из города. И ты мне поможешь, пока не случилось бед!

— Ты хочешь забрать ее? Почему? — Левин дернул его за рукав, заставляя остановиться.

— Ты сказал, что я такой же. Такой же, как и она, ты это имел в виду? Ты видел, что она изменилась, лейтенант?

Дмитрий не ответил, опустив голову.

— Эта девушка не такая, как я. Я был рожден, как и ты. Я был человеком когда-то. Она — модифицированный клон, зараженный вирусом, который называли «Волк», в начале этого века. Проект «Звероформа» основан на этой дрянной технологии, которой сейчас пичкают Южный патруль! Она была создана Волком, лейтенант. Она уже убила, и будет убивать дальше. Если она переродится в городе, это окажется катастрофой.

Он мотал головой, отмахиваясь от Мика, словно от сумасшедшего. Он понимал его чувства, и не мог сейчас на деле доказать своей правоты. Этот человек никогда не сталкивался с монстрами, живущими в здешних болотах, и никогда не был в его шкуре. Он был просто человек.

— Ты можешь не верить мне, не слушать меня, но ты знаешь, что я говорю, как есть...

— Я вообще не разбираюсь в таких вещах, но у нас постоянно берут анализы. Ты хоть представляешь, какую проверку мы проходим? Как скажи ради Бога, эту штуку в ней не заметили?!

— Это ты мне скажи лейтенант. Кто у вас этим занимается?

Розевски... Левин в тихой истерике рассмеялся, поняв, каким идиотом был все это время. Мик глядел на него, не понимая причины странного горького веселья. Резко замолчав, Левин серьезно глянул на него.

— Мне нужно вернуться в Купол. Ты можешь это сделать?

— Я, по-твоему, волшебная фея? Я думал, что ты знаешь способ! — они оба смолкли.

— Совет утвердил план по объединению городов. Единогласно, — София глядела в окно, держа в руках высокий бокал, — скоро здесь станет намного просторней, Леандро. Все идет, как и планировалось, так что не хмурьтесь, прошу вас.

Старший Видаль не собирался следовать ее предложению. Его сейчас интересовал совсем другой вопрос. Он ждал продолжения ее речей. Глава Южного города так некстати продолжал свое лечение. Он устал наносить эти визиты, вместо него.

— Что скажите, профессор? — Глава Вереск глянула на Ссона, расположившегося в соседнем, от южанина кресле.

Леандро перевел свой тяжелый взгляд на беловолосого мужчину в безликом сером костюме.

— Как вы уже и заявляли ранее, я полностью поддерживаю намерение упразднить подразделения Патруля. Территория обозначенная в проекте, вполне пригодна для обитания, и не представляет того уровня угрозы, который несла даже и десятка лет назад. Когда начнется воздвижение новых стен, контролировать эту площадь станет еще проще. С этим справятся Внутренние силы безопасности.

— Это чушь! — Видаль поднялся со своего места, сам не осознавая, что собирался предпринять.

— Дорогой мой человек, я же не сказал, что мы собираемся уничтожить их в физическом смысле, подразделения будут лишь расформированы, и личный состав переведен на другие должности.

Производство сыворотки будет приостановлено, это может создать дополнительные проблемы.

Видаля кинуло в жар. Он, одернув свой дорогой пиджак, заставил себя смолчать, и дожидаться окончания этой встречи. Сейчас он никак не мог повлиять на ситуацию. Лихорадочно соображая, как поступит дальше, он пытался вслушаться в голоса говоривших. Но мысленно был уже далеко.

— ИЛом был предоставлен подробный отчет, по проведенным изысканиям в усовершенствовании проекта «Звероформа». К сожалению, по последним данным, Бета — образец должен быть уничтожен. Но, как я уже успел доложить на Совете, у меня есть хорошие новости. Крайне неожиданно, но Альфа — образец показывает прекрасные показатели. Скоро он будет доставлен в Купол. На его основе можно будет добиться прекрасных результатов. Более стабильного образца не существует, он полностью интегрирован в общество, свободно находясь среди людей. Более того, люди благосклонно относятся к нему. Самоконтроль — превосходен.

— Как вообще получилось, что Альфа оказался более стабилен? — Видаль в этот раз слушал внимательно. Возможно, это могло стать его оружием против сидящих около людей.

Он паниковал. Он понимал, что сыворотка перестает быть доступной для него, и жизнь его брата под угрозой.

— Это было более тридцати лет назад. Я тогда только начинал свою карьеру в Белом Куполе.

Тогда много о чем говорили, времена были не спокойные. Я услышал эту историю. О двух офицерах, пытавшихся пробраться к новому сектору, через Мертвые города. Они попали

в ловушку. Чтобы не дать Волкам сожрать себя заживо, они приняли отчаянное решение — убить себя. Только вот оружие было одно. Один офицер застрелил другого, но сам не успел нажать на курок. Их обнаружил отряд Северных войск. Они успели спасти второго офицера, но он был осужден за убийство. Горькая история. Тронула меня до глубины души. Я стал искать. И я нашел то, что хотел. Его личное дело. Там была нужная мне информация. Я нашел номер «Усмирителя», что был на нем в день казни. Мое удивление было безгранично, когда проверив данные, я понял, что он до сих пор действует. Сигнал спустя столько лет был устойчив. Я отследил его. Все последующие годы я наблюдал его, изучал. Все больше восхищаясь. Но, в старой части Хранилища, было еще кое-что. Нами были найдены криокамеры с солдатами, и в одной из них было тело того самого полковника, Александра Ставрова. Их использовали, как материал для исследований.

— Вы использовали ДНК одного из убитых офицеров, для создания Беты?

— Решение пришло само собой. Я решил использовать в проекте его ДНК, надеясь присутствовать при моменте, когда эти двое встретятся лицом к лицу. Но очевидное сходство пришлось исключить, ввиду опасности срыва проекта. Тогда была создана женщина. Первая в своем роде. София Вереск, достойно похвалы, согласилась принять участие в столь сложном деле, получив возможность лично наблюдать за развитием образца.

— И когда вы поняли свою ошибку, профессор?.. — голос Видаля опасно понизился, но Ссон, воодушевившись воспоминаниями, не почувствовал этого.

Леандро нервно стянул галстук, удушавший его. Мой Бог, он лично беседовал с ней... он самолично отправил это существо к родному брату...

Понимая собственную роль в проекте, он еще никогда не чувствовал себя большим глупцом. Он наверняка достаточно позабавил их, позволяя манипулировать собой. Но довольно! Вы уничтожите Бету, но и Альфу вы не получите...

— Все пошло не так. Бета — образец был полной противоположностью второму объекту исследований. Этот печальный факт удалось подтвердить только спустя годы наблюдений.

Коммуникатор в его кармане подал сигнал так неожиданно, что его снова кинуло в жар. Леандро достал прибор, включая его. Сообщение передал дворецкий. Присутствующие видели, как побелело его смуглое лицо, как он вскочил с места, и, не говоря ни слова, покинул кабинет Главы Северного города, а затем и сам город. Известия об аварии были последней каплей сегодняшнего дня.

Он подъехал к госпиталю, нетерпеливо дожидаясь, пока медленный лифт поднимет его на нужный этаж.

Медики, узнавая его, вежливо кланялись, говоря слова сочувствия, раздражая и отвлекая. Один из них, додумался указать нужную палату, в которой Видаля скрылся от назойливых глаз. Едва закрыв за собой двери, он повернулся к нему. Брат, молча, глядел в окно, не реагируя на его присутствие. Дозатор с пустой капсулой из-под сыворотки, не убранной медсестрой, лежал на столике, и Леандро облегченно выдохнул. Значит у него еще, есть время, и шанс.

— Зачем ты здесь? — бледным призраком Хавьер, наконец, обернулся к нему. Золотые глаза обожгли его. Чего он ожидал от мальчишки? Объятий? После всего, что было?

— Есть разговор.

— Нам не о чем говорить! Убирайся! — капитан, слабо опираясь на руки, поднялся с койки, — убирайся!

— Учитывая повреждения, и время действия сыворотки, у нас дней пять от силы.

— О чем ты говоришь?! — Хавьер подошел к брату вплотную.

— Ты должен сесть и выслушать меня. Я буду говорить долго, и мои слова тебе не принесут ничего, кроме боли.

— Ничего нового, полагаю.

— Есть кое-что... — старший Видаль опустился на край койки.

* * *

Сначала она просто бежала. Для нее не имело смысла ни направление, ни расстояние. Только когда силы оставили ее, она остановилась, переводя дыхание. Хриплое, грубое, оно ненавистным звуком звучало в предрассветной тишине.

— Димка... — она не узнала собственный голос. Он вообще мало напоминал человеческий голос. Мелодичность его пропала, оставив в непонятное резавшее слух звучание.

Ей неистово захотелось отыскать его, бежать к нему, свернуться клубком у его ног, и, ухватив за штанину, не отпускать никогда. Никогда, никогда...

Но она горько понимала, что больше не сможет приблизиться к нему. Пусть он и был защищен от чудовищ вроде нее, но такой он ее не увидит. Ее рука поднялась к шее. Черным прямоугольником датчик блеснул на ее коже. Конечно же, он отключен. Он более не имел значения. Она яростно содрала его острыми ногтями, боль в разодранной шее немного отвлекла ее, кровь теплыми каплями капала вниз, а она просто стояла, глядя на мокнущую землю, до тех пор, пока рана не стала затягиваться, и боль оставила ее. Столь быстрая регенерация была не свойственна даже звероформам.

— Кто же ты, Вереск?!

Тот человек у моста, он был таким же? Он говорил, что есть кто-то, кто может помочь? Или на худой конец объяснить, что с ней происходит. Она оглянулась, поднимая голову, и вдыхая воздух, ища след.

Поток ветра подсказал ей, куда следовать. Скалы были достаточно близки.

Она почувствовала его присутствие. Это, несомненно, был Черный Волк. Виктория подошла к ним, со спины, но Мик немедленно развернулся, так же ощутив ее присутствие. Дмитрий сейчас же сбросил его руку, поддерживающую его и дававшую возможность быстрее передвигаться.

— Вик! — он шагнул к ней, она отступила в тень.

Ну почему он оказался здесь? «Отчуждение» не дало ей почувствовать его, без прямого зрительного контакта.

— Вик!

— Не подходи! Стой, где стоишь! — она предупреждающе выставила перед собой руки, не подпуская напарника.

— Прошу, не подходи... — голос ее совсем осип, как тогда, в Куполе. Левин притормозил, не зная, как поступить. Он просто ожидал ее дальнейших действий.

Она же глядела за его спину, на стоявшего молча Мика.

— Я должна спросить у тебя, кто ты такой?

— Я, капитан ВСБ Северных Сил, Микаэль Готьер. Имел честь служить под твоим командованием в 12 году при взятии Мертвых городов у границы Пустоши. Теперь тебе это время больше известно под «временем зачисток».

И Левин, и она, растерявшись, смотрели на него, словно на сумасшедшего.

— Ты офицер?! — Дмитрий изумленно оглядывал его, словно видел впервые.

— Что значит под моим командованием, Готьер?! Что за чушь ты несешь?! — Виктория подступила ближе, и Мик смог рассмотреть, как алым пламенем полыхали ее глаза. Дмитрий сжал губы, сдерживаясь, чтобы не кинуться к ней.

— Для твоего создания, по какому-то чудовищному совпадению, было использовано ДНК одного из командиров Северных Сил. Полковник Александр Ставров был моим командиром. Он... он был убит в 12 году на территории одного из Мертвых городов.

— Ты лжешь! Мой отец погиб, когда я родилась! У меня есть... вот!.. — она достала смятый снимок, который, не сохранившись даже в файле, совсем повредился. Мик протянул руку, беря ее драгоценность.

Развернув к себе лицом изображение, он только лишний раз убедился в правоте заявления Креша.

Как давно он не видел это лицо...

— Этому снимку больше девяносто лет, Виктория. Этот человек никогда не был твоим отцом. И женщина, зовущая себя твоей матерью, никогда ею не являлась. Ты никогда не была рождена, ты была создана искусственно, в лабораториях ИЛа, или Белого Купола, это уже не имеет значения. Ты и есть он...

Мик горько указал на пожелтевший снимок. Она бережно приняла его обратно, отрицая его слова, мотая темной головой.

— Это неправда! Ведь неправда?! Я не мертвый полковник! Я женщина! И я человек!!.. — она зашлась судорожным кашлем, и, не выдержав больше, Дмитрий подошел к ней, молча обняв. Он гладил ее по голове, привычно успокаивая, пока она пыталась вырваться. В этот раз, ему не удалось добиться обычного эффекта, девушка с силой, но бережно отстранила его, вновь отодвигаясь к тени скал. Словно призрак, прячась от рассветного зарева.

— Как могла такая женщина, как моя мать?.. — она оборвалась, не зная, как больше называть этого человека, и наконец, понимая причину ее холодного отношения.

— Чуть более двадцать лет назад, Купол впервые применил сыворотку по отношению к офицерам Южного города. Когда этот проект был утвержден, прошло совсем немного времени, и София Вереск удобно заняла кресло главы Северного города. И вдруг, появилась ты, девочка с печальной историей, которая так нравилась избирателям, а затем и гражданам города. Отец — герой, безвременно погибший, мать Глава города. Тебе было уготовано достичь больших высот, Виктория. Если бы не тот факт, что кому-то безумному взбрело в голову инфицировать ДНК вирусом Волка.

Она стала, словно статуя, без движения, без сил. Она ведь знала, что он скажет что-нибудь вроде этого, но все равно оказалась не готова.

— Ты ведь тоже заражен им? — ее голос дрожал, вновь доносясь девичьим, живым звуком.

Мик кивнул.

— Тебя тоже создали, как и меня?

Отрицательный взмах головы.

— Я был заражен, примерно, как и остальные солдаты, добровольно согласившиеся участвовать в проекте «Звероформа».

— Ты добровольно позволил влить в себя эту дрянь?! — ее возмущению не было предела.

— Меня не спрашивали. В любом случае, моя ситуация отличается от твоей.

— Ты хочешь сказать, те твари, что напали на Южный патруль, были солдатами, под действием этой чертовой сыворотки?! — Левин схватил Мика за рубашку, окончательно потеряв возможность соображать, что происходит.

— Так и есть, лейтенант! — Мик оттолкнул его от себя.

— От вас скрывали этот факт все эти годы. Иначе бы им не дали продолжить проект, зная, о чудовищных последствиях. Годы прошли, и живых свидетелей тому уже не осталось. Так удобно...

— Безумие какое-то... — Дмитрий схватился за раненную голову, разболевшуюся от полученной информации, больше, чем от удара.

— Кто в ответе за этот эксперимент? — Виктория еще дальше отступала назад.

— Розевски должна знать. Я так думаю... — Дмитрий обернулся к ней, видя выражение ее лица. Сколько еще ударов ей нужно выдержать?

— С меня довольно... — девушка скинула куртку, вдруг мешавшую ей дышать. Вокруг стало слишком жарко. Она откинула спутанные косы, глядя на Мика.

— Теперь ответь на последний вопрос. Я стану таким же монстром, как они? Что дальше?

Он заговорил тихо, едва слышно, проклиная себя, заговорил:

— Я перебил почти всех Волков, и люди почти поверили, что возможна жизнь без их угрозы. Но в последнее время они обозлились безгранично. Получив тебя, они получают то, чего больше всего хотели. Возможность продолжения рода...

— Тогда ты знаешь, что нужно сделать... — она расстегнула кобуру, вытаскивая пистолет.

— Вик, остановись немедленно! — Левин понимал, что она специально отошла так далеко, что он не пересечет это расстояние до того, как она нажмет на курок.

— Послушай! Ты должна остановиться. Твой друг прав! — Мик попытался воззвать к ней.

— Но я не могу остановиться! Не могу! Это сжигает меня изнутри! Я не могу сдержатъ этого зверя... не могу контролировать его. Я не так сильна, как ты, Готьер...

— Мне понадобилось восемьдесят лет, для этого...

— У меня их нет... — она подняла оружие к виску, прижимая холодную сталь.

— Вик!! — Левин кинулся к ней, но выстрел эхом разнесся над скалами, а затем еще один.

Она изумленно выпустила пистолет из ослабевавшей руки, глядя, как на майке расплываются алые пятна. Кровь потекла из уголка ее обветренных губ, и она уже не в силах сказать что-либо, упала, подхваченная напарником. Сквозь плотный туман в голове, она слышала его голос, но не могла разобрать и слова, проваливаясь в небытие.

Едва выстрел прогремел, Мик кинулся в ту самую сторону, откуда он был сделан. Не разбирая дороги, он, рыча, летел, сметая все на своем пути. Он настиг его почти у дороги, где его ожидал покрытый оранжевой пылью старый броневик. Кабина была пуста. Охотник был один. Схватив мужчину на бегу, Мик со всей силы швырнул его на землю, ногой подальше отталкивая упавшую винтовку. Человек в ужасе глядел на своего преследователя, а Мику сейчас было не до осторожностей. Его дикое рычание сотрясло окрестности. Узнав военного, он зло оскалился. Этого человека он видел на записи, что хранилась на накопителе Виктории. Ник в страхе попытался отползти к машине, подальше от чудовища, следовавшего за ним.

— Ты прекрасно мог убить одним выстрелом! Так почему стрелял в спину?!

— Приказ был не стрелять в голову!

Мик все понял.

— Ну, конечно же! И ты так легко его исполнил!

— Она беглый преступник! Всегда была чокнутой! Я говорил Левину, что она его до беды доведет! И вот теперь он в таком дерьме! Из-за нее!

— Убирайся!! — он вновь отшвырнул его, едва офицер поднялся, велел убираться поскорее, и поспешил вернуться назад к Левину.

— Вик... ты слышишь меня?!! Не смей закрывать глаза, слышишь! Не смей...

Дрожащие пальцы его больше не ощущали пульса на ее шее, но все его сознание, отказываясь принимать очевидное. Он лихорадочно стирал кровь с ее бледного лица, расправляя бесконечные, спутанные косы.

— Вик... что же ты... как же ты...

Тошнота волнами накатывала на него, путая все перед глазами. Голова пульсировала болью, при каждом вздохе.

— Я что-нибудь придумаю... я придумаю...

Мик достиг края леса, не смея ступить и шага далее. Запах крови, ударил, словно взрывной волной, едва не лишив самообладания. Он узнал его в то же мгновение.

— Левин!

Тихое рычание достигло его слуха. Горящие глаза распахнулись, неистово озираясь.

— Беги!!!

Мик махал ему руками, но его не слышали. В последний миг он успел подлететь к нему, и, хватая за куртку, с силой оттянул назад, спасая от смертельных когтей, мелькнувших перед самым его лицом. Цепь на его шее оборвалась, зазвенев медальон, упал в камни.

— Отпусти меня!!! Отпусти!!! — Дмитрий вырывался, но зверь за его спиной, все увлекал его за собой, не вникая его просьбам, его силы были смешно малы по сравнению с его мощью. Кольца его рук ему не разомкнуть.

— Не смотри, прошу... — Мик оттащил офицера к камням, на расстояние, которое позволяло немного приглушить крики и рычание, эхом терзавшее слух там внизу.

Трансформация была чудовищной... поскольку его не слушали, Мик просто закрыл ему глаза ладонью, не давая Левину, мотавшему головой, сорвать его руку. Сам же не смог отвести глаз. Он помнил все, каждый свой крик, каждую сломанную кость, после первого раза. Всю боль, весь собственный ужас. Тогда он был один. Сейчас он не отвернулся, и не ушел. Он был здесь, для того, кто умирал и рождался, срывая одежды, падая в жухлую траву и иссохшую землю.

— Я должен идти к ней! Отпусти... — он немного успокоился, устало пытаясь отдышаться.

Когда все стихло, Мик все так же стоял, держа его. Ладонь его опустилась, больше не заслоняя свет.

— Ты должен это видеть, чтобы смочь понять — все окончено. Здесь и сейчас.

— Вик!.. Вик... — он кинулся вниз, камни россыпью сыпались из-под его сапог. Он спустился, остановившись на поляне. Огромный черный волк глядел на него алыми глазами. Он опустил голову, издав скулящий звук. Левин понимая, что наверняка сошел с ума, сделал шаг вперед. Мик предупреждая ее атаку, направил пистолет ровно в черную лохматую голову. Волк, почувствовав угрозу, посмотрел на него, и словно поняв, подошел к лейтенанту.

— Вик... — Левин протянул трясущуюся руку, касаясь огромной головы. Заскулив, зверь ткнулся в него мордой, словно толкая назад.

— Я не уйду, не бойся... я с тобой...

Волк снова толкнул его, видя, что человек сопротивляется, он привстал на задние лапы,

передними завалив его на землю. Что-то звякнуло рядом. Левин повернул голову и увидел разорванную цепь и потерянный им медальон. Взяв цепь в зубы, зверь опустил его на грудь мужчины.

Громко зарывав, он отпрянул, и бросился прочь, уносясь к темневшей полосе леса.

— Вик!! — Дмитрий поднялся, держа «Отчуждение», — Вик!!

Он ошеломленно направился следом, но Мик спустившись, остановил его.

— Ты не можешь сейчас идти следом! Я сказал, что все кончено!

— Она мой напарник!

— Это существо больше не твой напарник! Такова реальность!

— Должно быть лекарство!

— Его нет, Левин. Иначе я бы уже давно испробовал его на себе!

— Оно должно быть! Раз вирус есть, должен быть антидот!!

— Он мог бы быть, лейтенант. Но беда в том, что твой случай, как и мой, как и тех тварей, что уже больше ста лет воют тут по ночам, обречен.

— Но почему?!

— Антидот можно приготовить на основе живого образца крови.

— Но ведь можно взять! Они же бегают... Ты!!! Ты же жив!!!

Мик, оскалившись, покачал темной головой.

— Что?!!

— Это не так.

— Ты стоишь передо мной! Черт тебя дери!!!

Он встряхнул его за плечи. Мик яростно скинул его руки.

Острые как лезвие клыки сверкнули на смуглом лице.

— Я уже почти век как подох, лейтенант! Ты знаешь, как казнили предателей во времена Зачистки, Левин?

— Как?

Мик развел руками.

— Им пускали пулю в лоб. Но мой случай был особенным... в грудь пальнули... опустив перед этим пулю, в зараженную капсулу!

— Зачем?..

— Так, по их мнению, было справедливо.

— Проклятье...

— Проклятье, когда позади, захлопнулись врата Купола. Когда тебя вышвырнули, как нечто непереносимое... Я обратился после смерти...

— Что же ты натворил? В чем твое преступление?

Мик проигнорировал его вопрос.

— Она мертва, Левин. Ты слышишь меня? Никто не должен быть выброшен, за эти чертовы ворота. Но обратно пути у нее нет. Я покончу с этим!

— Нет! Я найду способ!

— Где ты возьмешь кровь, Левин? Или ты хранишь с пол литра про запас?

— Я придумаю, что-нибудь... я решу это... почему ты не превратился в одного из этих монстров? Как ты контролируешь это?

— На шее у меня, вовсе не украшение, Левин, — Мик рукой разорвал тонкую замшу, обматывающую кольцо вокруг его шеи. Металлом оно блеснуло на свету.

— Смертникам одевают «Усмиритель», перед казнью, чтобы особо не дергались. Когда

меня пристрелили, то так обрадовались, что забыли его снять. Я бы уже давно деревья помечал, и махал хвостом, лейтенант. Только эта штука меня останавливает. И если однажды, я перейду черту, она...

— Кольцо сожмется, ломая шею.

— Верно, больше сорока лет, я прятался по лесам, не имея возможности войти в город. Потом мне помогли. Она тогда была совсем маленькой девочкой. Жила с бабкой в старой хижине на болотах.

Не испугалась меня. Все Волком называла. А потом смастерила шапочку, красную такую... кормила меня в лесу, и все приговаривала, что конец любой сказки можно переписать... даже теперь, спустя столько лет заботится... пироги у нее отменные...

— Я хочу переписать свою сказку, Мик!

— Но я не знаю, как...

Молодой человек, уставший и опустошенный, сидел словно окаменевший. Небритый, осунувшись, он выглядел стариком. Креш принес ему огромную железную кружку с каким-то успокаивающим варевом, но тот не был способен даже пить, и ученому пришлось буквально вливать в него содержимое.

— Предлагаю, всем остановиться и хорошо подумать, — Креш, глядя с опаской на гостей, нервно поставил недопитую кружку на стол.

— Нужно что-то придумать. Как пройти через пост?! — Мик, тяжело вздохнул, глядя на офицера.

— Нужно связаться с Южным патрулем... — тихий голос лейтенанта отвлек его. Дмитрий, опьянел с голоду, от первой же кружки.

— Что ты добавил в кружку, проклятье?! — Мик сердито глянул на Креша, затем перевел взгляд на Левина.

— Найди способ связаться с Южным патрулем...

— Зачем? Нам нельзя выходить на связь с Силами. Нас засекут! — Креш взволнованно, заглядывал им в лица, надеясь переубедить.

— Тогда я возвращаюсь к скалам! — Дмитрий поднялся, успев удержаться за стол, голова закружилась. Повязка Креша облегчила боль, но слабость никуда не делась.

— Зачем?! — Креш звонко опустил старую бутылку со своим зельем, — чего тебе нейдет, глупый солдат?!

Левин снял медальон, бросив его на исцарапанную металлическую поверхность стола.

— И что это за жест?! — Креш бережно поднял прибор, явно считая сумасшедшим стоящего перед ним лейтенанта.

— Знаешь, эта штукавина мне не может помочь.

— С ума сошел?!

— Я тут подумал.... так уж сложилось, что друзья у меня со странностями. Ни один из них, меня не может почуять с этим прибором. Возьми его, он мне не нужен.

— Сейчас не время предаваться чувствам, лейтенант, — Мик попытался остановить его, но Дмитрий горько улыбнувшись, открыл старые двери, выходя во двор.

— Сейчас, самое — то, Готьер. «Потом», может не наступить. Если нет возможности выйти на связь отсюда, я сделаю это по-своему. Но это все равно не даст мне возможности пройти пост. В отличие от тебя, мне дали пинка не так давно. Нужно обмануть систему распознавания, или ты пойдешь один, Волк.

— Нужно что-то придумать... — Мик оглянулся на Креша.

— Нет, нет и нет! — ученый лихорадочно прижал к груди «Морок», — и почему я должен это делать?!

Сбоку раздалось тихое рычание.

— Иди, Левин. Когда вернешься, у меня будет пропуск для тебя...

Офицер покинул старую хижину, оставив тревогу в душе у Мика.

— И зачем ты его сюда притянул? Это может очень плохо кончиться, Мик!

— Последнее время, ты мне не нравишься, приятель! Что за черт в тебя вселился?! — молодой человек сердито вглядывался в полосу леса, где исчез его новый знакомый. Еще один, кто заставлял его беспокоиться по своему поводу. Когда он был один, было проще.

— Ты сможешь и один пройти через пост.

Мик, холодно обернулся к хозяину дома. Зеленые глаза тихо вспыхнули.

— И что мне там делать, Креш? Что мне делать, когда я попаду туда? У меня нет причин, лезть в Купол! Зато есть тысяча, чтобы бежать по ее следам!! — голос его звенел в нависшей тишине. Креш опасливо попятился.

— Так почему бы тебе не сделать то, что должен?

— А что я должен? Что я должен, по-твоему, делать? — Мик в отчаянии развел руками.

— Ты всегда мечтал остановить их всех. Всех, до последнего. Ты так близок. Чего же медлишь? Ты изменился.

— Изменился? — он не верил собственным ушам, — и в чем же это?!

— Тебе никогда не было жалко их! — Креш возмущенно вышел вслед за другом на свежий воздух, — а теперь, ты жалеешь это существо!

— Это существо — мой друг, Крешник! — Мик зло оттолкнул ученого, выходя из себя.

— Твой друг умер, восемьдесят лет назад! Эта девочка — не твой друг!! Она даже не человек!!

— Мне нужно пройтись...

Он торопливо пробирался через цепкие ветви деревьев, углубляясь в лес. Креш не остановил его, это было облегчением. Он просто должен был уйти от этого странного разговора. Так и до драки недолго... этого еще не хватало! Он и сам не понял сразу, куда свернул. Ноги сами понесли его по различимому теперь следу.

* * *

Черный, одинокий броневик южан, припадая пылью, ехал, все дальше удаляясь от стен Купола. Хавьер вел машину к скалам, как они и уговаривались с Левиным. Небо затягивалось рваными тучами. Он перевел взгляд на дорогу, или жалкое подобие ее. Впереди виделась внушительная россыпь камней, перегораживающая проезд, и ему пришлось сворачивать, объезжая эту гору, сошедшую с очередным камнепадом. Земля в этих местах была совсем не стабильной. Рядом с ним, на сидении, укрытая его шляпой, лежала аккуратной стопкой новая форма, припасенная для лейтенанта. Она принадлежала южному подразделению, и он надеялся, что его друг не откажется принять ее. Дальше, были разбросаны свертки с едой и медикаментами. Он скидал все, торопясь, действуя скорее автоматически, как машина. Откровения брата, время, проведенное с ним в палате, действительно причинили боль, гораздо более мучительную, чем при падении с моста. Он скорее предпочел бы еще раз спрыгнуть, чем все это принять...

Снова приходя в ярость от вопросов, на которые не имел достойных ответов, он продолжал сжимать руль побелевшими пальцами, продолжал ехать, голоса же до сих пор звучали в его голове:

«Глава совсем слаб сейчас. Сами вы ничего не добьетесь. Не сможете противостоять обороне ВСБ, или Силам Безопасности южан. Вам нужно слово сверху, и я вам дам его...»

Он почти не слышал его слов. Они были глухим гулом в его голове, шумевшей от других мыслей. Он поднялся, подойдя к окну, отворачиваясь от брата, а хотелось отвернуться от всего мира и в отчаянии, он просто ухватился за голову, стараясь заглушить все голоса, что так громко звучали вокруг.

— Необходимо обнародовать информацию о проекте «Звероформа». Правда покончит с исследованиями Купола. Совету просто придется проголосовать против Главы, они иначе не смогут сохранить доверие граждан. Они сыграют свою роль. Я сумею воспользоваться ситуацией, и если не отменю решение об объединении и возведении новых стен, то хотя бы удастся приостановить его, и выиграть достаточное количество времени! Ты меня слушаешь, Хавьер?!

— Кого они послали в Пустошь?..

Леандро прикрыл усталое лицо рукой, поняв, что зря сотрясал воздух.

— Я не знаю. Что мне сказать, чтобы облегчить тебе тяжесть от принесенных известий?

— Что он промахнулся...

Золото в его глазах плавало в непрошенной влаге, горячей и полной ненависти.

— Что ты думаешь о конференции?

— Поступай, как знаешь.

— Все, что тебе потребуется, я подготовлю. Но ты должен торопиться.

— Я знаю! Какого черта, ты скрывал от меня?! — Хавьер зло захлопнул окно.

Леандро поднялся, не отвечая. Возле дверей, открывая их, он все же проговорил:

— Все, что понадобится. Мне нужен точный список.

Дверь хлопнула, и он дернулся, в машине, от подобного звука, словно вернулся в тот миг.

Звук повторился, и он понял, что мелкие камешки летели из-под колес, ударяясь по стеклу. Но добавилось еще что-то. Он почуял присутствие, и притормозил, вглядываясь сквозь пыль, ржавыми ошметками носившуюся сухим ветром. Он опустил стекло, чувствуя, как пульс в висках начинает бешено стучать, и как только порыв ветра ворвался в кабину, выбивая дыхание, он облегченно порывисто выдохнул, распахивая двери броневика и спрыгивая на землю. Отойдя от машины, он оглядывался, ища, надеясь. Ветер ерошил его волосы, срывая короткое расстегнутое пальто, и услышав приближающиеся шаги, он остановился, медленно опуская руки.

Так же медленно, припадая на передние лапы, пригибая огромную голову, черный зверь подступил на шаг, боязливо следя за его реакцией. Рука Хавьера непроизвольно остановилась на поясе, у кобуры, но очнувшись, он убрал ее, боясь испугать гостя. Волк, заскулив, осмелился подойти ближе, и, остановившись у его ног, опустил на землю, положив тяжелую морду на его сапоги. Хавьер осторожно опустился рядом, трясущейся рукой коснувшись мягкой шерсти на спине зверя. Тот лишь снова заскулил, рая слух.

— Вы любите заставлять людей волноваться за себя... — он опустил голову, прижимаясь губами ко лбу невероятного существа, наконец, давая чувствам волю.

Он специально выбрал место, где сильный ветер дул ему в спину, прямо в направлении обитаемых секторов. Так, ему казалось, отыскать его станет легче. Дмитрий сел на холодный огромный камень, отлично видя дорогу внизу, и надеясь, что машина покажется именно оттуда.

Но ее не было. И он даже не представлял, сколько ему придется ждать, и правильно ли он поступал, но что он мог, с голыми руками?

— Хорошее место. Я бы и сам лучше не выбрал.

Левин потер лоб, едва не сорвав повязку. К неожиданному гостю он не повернулся, но все-таки едва улыбнулся, поняв, что скорее рад, чем сердит.

Мик, довольный, словно дворовый пес, которого не прогнали, удобно приземлился рядом, чувствуя, однако, как околеваает на ледяном камне. Он хмуро поглядел на отрешенного офицера, не найдясь, что сказать, и глянул на дорогу, вслед за ним.

— Ты чувствуешь, что-нибудь, Готьер?

Мик мотнул растрепанной головой. Ветер не давал хорошего обзора, кидая черные пряди в глаза. Он окинул их назад, но без толку.

— Что ты собираешься делать, лейтенант?

— Собираюсь найти одного человека, и требовать с него объяснений!

— Ты рассчитываешь на помощь этого человека?

— Очень...

Он почуял. Моментально, словно оцетинясь. Быстро поднявшись на ноги, Мик вытащил пистолет из кобуры, обходя и заслоня собой сидящего человека. Точно также, появившись у подножья каменных завалов, Хавьер, держа оружие наготове, нацелился на него.

Словно два диких зверя, они, сверкая глазами, медленно приближались друг к другу.

— Хозяин «Солнца», я полагаю. Наконец-то встретил вас.

— Что ты здесь забыл, южанин?

— Это ко мне... — Дмитрий потер затекшие ноги, поднимаясь.

Хавьер указал дулом на его шею.

— Где ваша защита, Димитрий?

Левин махнул кружившейся головой в сторону Мика.

— Вот... с ней, не так одиноко...

Мик же не сводил глаз с капитана. Тот, тихо усмехнувшись, сдался.

— Как я мог надеяться, скрыть вас друг от друга?..

Огромная тень показалась за его спиной. Полы пальто скрывали обзор, но им и так было ясно.

— Вик... — Левин подался вперед, но зверь рыкнул, отпрыгнув в тень. Он не давал к себе приблизиться, мотая головой, и отступая, оставаясь на расстоянии.

— Димитрий, я вынужден просить вас, сдерживать свои чувства. Я понимаю, как такому человеку как вы, сложно это дается.

— Вы нашли ее, Видаль!

— Она сама нашла меня. Хоть тело ее и претерпело подобную чудовищную трансформацию, смею утверждать, что сознание не оставило ее, — Видаль повернулся к Мику, — с горечью должен признать, насколько он был прав. Вы действительно уникальны,

Готьер.

— Ты знаешь меня?! Как?! — Мик яростно двинулся на него, но был остановлен Левиным.

— Что вы узнали, Видаль?

— Патруль упраздняют, Димитрий.

Волк улегся позади капитана, будто отгораживая его от холодного вечернего ветра. Дмитрий кипел, от противоречивых чувств. Разум отказывался принимать то, что видели глаза. Он изумлялся, им двоим, полулюдям, полужверям, так естественно воспринимающим окружающее. словно она, живая женщина, подхватила простуду, а не превратилась в двухметрового волка.

Мик не опустил оружие, даже решив дать договорить южанину. Хавьер, убрав свой пистолет, холодно потребовал от него того же. Но Мик, лишь выбирая удобнее позицию, произнес, не выпуская из обзора черного зверя:

— Хотя бы кто-то из нас троих, должен трезво мыслить, капитан. И это буду я.

Волк положил голову на лапы, обижено глядя исподлобья на него, и внимая каждому их слову.

— Извини, но ты знаешь, что я прав.

Зверь сердито мотнул хвостом, но больше не пошевелился.

— Нам придется принять помощь Совета. Точнее, пока одного из членов Совета. Если мы даем согласие, получаем содействие. В противном случае, смею с полной уверенностью утверждать, что начнутся неприятные игры на верхах, и полетит масса голов. Мой брат намерен занять место Главы Южного города. Он тверд в этом решении. Наша ситуация ему на руку. Он использует ее в своих целях, мы получим свою выгоду.

— Что хочет предпринять твой брат? — Дмитрий подступил к нему, поежившись от противной погоды.

— Он обнародует факты проекта «Звероформа». Он будет закрыт.

— Он не будет закрыт, черт вас побери! — Мик цветасто выругавшись, махнул пистолетом, — в лучшем случае, он будет приостановлен! А что, скорее всего, произойдет, так это то, что вас всех в расход пустят! Если люди узнают, кто такие звероформы, вас первыми уничтожат, как угрозу! Нужно уничтожить то, что у них есть, все изыскания! Где гарантия, что Виктория одна в своем роде?! Что этим идиотам еще взбредет в голову?!

— Вы правы. Именно поэтому Южный патруль примет участие в этом вопросе.

— Но тогда они не смогут вернуться, Видаль. На что рассчитывают ваши люди?

— Они рассчитывают быть последними в своем роде, Димитрий. Хотят остановить это. Что же до возвращения, то расчет в том, чтобы убедить людей: Купол был атакован, в связи со своими преступными действиями, против граждан. Праведный гнев прощают. Солдаты защищали город. Как и полагается. Их не осудят. Совет позаботится об этом. За часть проекта, связанного с Викторией отвечал директор ИЛа, профессор Ссон.

— Розевски необходимо вытащить из города, — Дмитрий поднял воротник, застегивая куртку.

— Значит, все просто, заходим, все уничтожаем, забираем Розевски, и уходим... — Левин зло хмыкнул, — это не даст мне того, что мне нужно, Видаль. Я не уничтожу то, что может вернуть ей жизнь!

Волк яростно зарычал, словно споря с ним, поднимаясь на лапы, но лейтенант не слышал его.

— Если в Куполе есть средство, как «это» изменить, — он ткнул в волка пальцем, — я переверну там все!

— Я уже говорил тебе, лейтенант, что это невозможно! — Мик сердито пнул тяжелый камень, полетевший в темноту под его ногами.

Глядя на выражение лица Видаля, он остановился, предчувствуя неладное.

— У тебя есть, что сказать по этому поводу?

— Буду краток... — Хавьер выхватил бумеранг из крепления на спине друга, и, активировав, запустил его в направлении стоявшего перед ними Мика. Дмитрий похолодев, глядел, как к его изумлению, а затем и несказанному облегчению, бумеранг не коснулся молодого человека, рассекая холодный воздух около его темной головы. Он послушно возвратился в его руки. Левин отключил оружие, подальше отступив от капитана.

— У нас есть шанс, Готьер. Вы знаете принцип работы этого оружия?

Мик коротко кивнул, чувствуя при этом, что сейчас готов разорвать южанина.

— Полагаю, в Хранилище Купола есть то, что нужно извлечь на свет Божий...

— Значит, сделаем это.

Волк, поднялся, нервно разрывая камни, осыпавшиеся, под огромными лапами. Слово приняв свое решение, он взвыл, заставляя трех людей замолкнуть, и не давая им опомниться, убежал прочь, не оглянувшись.

— И что это?! — Левин смотрел на огромную грудь и длинные ноги.

— Ну, уж извините! Другого нет! Старушка не подойдет! — Креш скептически оглядел лейтенанта, — глупый солдат! Как ты себя держишь?! Вас раскроют!

Левин лишь покачал головой. Он постарался расслабить тело, придавая ему хоть какую-нибудь каплю женственности.

Мик в ужасе глядел, как он старается.

— Ты, видно действительно сильно ее любишь...

Рыжеволосая красавица лишь поджала пухлые губы, ничего не ответив.

— Если я еще раз скажу, что это жалкая затея, меня услышат?! — Креш, беспрестанно нарезал круги по комнате, окончательно смяв свою рубашку. Мик раздраженно вырвал края одежды из его рук, больше не выдержав.

— В этой одежде вы и двух метров не пройдете по Куполу.

— Не беспокойся об этом. Нам пора, — Мик положил руку на плечо друга, заглядывая в его лицо.

Креш закивал, отводя взгляд.

— Я буду ждать известий...

Мик нахмурился, но ничего не ответил. Они покинули хижину, направляясь по знакомой уже дороге к скалам. Через некоторое время, не выдержав, Дмитрий повернул свою непривычную рыжеволосую голову к нему.

— Ты долго собираешься молчать? Это раздражает еще больше, чем твоя болтовня!

— Он ведь и в самом деле, не поинтересовался, каков план? — Мик жевал губу, ранив ее клыками, и глядя на девицу, ожидающую его объяснений.

— Я не знаю твоего приятеля. Чем тебя озадачил этот чужак?

— Лейтенант... — черные брови молодого человека сошлись на переносице, он мучительно обдумывал что-то в своей голове, наконец, склонив ее привычно и посмотрев на него глазами обиженного щенка.

— Если все пойдет не так. Они не должны меня получить.

Левин покачал головой.

— Я позабочусь. Хотя если учесть мои шансы против твоих, Готьер, звучит неожиданно...

Мик так же хмурясь, прошел мимо него, выбирая дорогу проходимее. Ускоряясь, насколько это было возможно в компании раненного человека, Готьер вывел их к расчищенной тропе, ведущей в нужном направлении. Еще немного, и он учуял запах бензина, облегченно выдохнув, и указав Левину рукой в сторону оставленной капитаном машины.

— Должна быть там.

Покрытый пылью броневик, ожидал их, брошенный в тени огромных валунов. Левин провел рукой по ее боку, оставляя полосы на толстом оранжевом слое.

— Несколько часов уже стоит, — Дмитрий открыл дверцу, заглядывая внутрь. Две безупречные стопки одежды ожидали их. Фуражки, блестящие козырьком, лежали поверх одежды. Но это не была форма патруля. Ни южного, ни северного. Рядом, лежали два пропуска.

— Что это? — Мик заглянул через его плечо, — я не знаю этой формы. На ней нет опознавательных знаков.

Дмитрий поднялся, задумавшись, отстукивая ритм сжатыми в руке пропусками.

— Этот допуск, электронное устройство, просто подтверждающее разрешение, без идентификации личности. Он оставил форму Инспекции. Их данные — засекречены, чтобы никто не мог повлиять на их отчет. Сегодня Южный патруль проходит очередное обследование. Нам нудно быть там к одиннадцати, так есть шанс, что времени у нас будет больше, и не привлечем лишнего внимания.

— Этот допуск позволит нам пройти в Хранилище? — Мик взял из рук Левина один из блестящих металлом прямоугольников.

— Он-то позволит, если нас не пристрелят по дороге. Но у нас есть одна проблема, — Дмитрий, взъерошил болевшую голову, не зная, как лучше сказать ему. Но ничего не придумалось. Он просто кивнул на его шею.

— Ты должен снять эту штуку, Готьер.

— Ты с ума сошел? — Мик попятился, от растерянности вцепившись в свой потертый ошейник.

— Ты же не думаешь, в действительности, что это он сдерживал тебя все эти годы? Тебя нашли из-за него, ты словно меченый щенок в этом ошейнике. Я помогу снять его — Дмитрий протянул руки, Мик сердито зарычал, отпрянув.

— И как ты собираешься это сделать?! Если попытаешься его взломать, он свернет мою шею!

— Когда ты в последний раз проверял его, Мик?

Левин оторвал остатки обмотки с прибора и глянул на погасшие индикаторы «Усмирителя».

— Его заряда хватило, возможно, на несколько месяцев, дружище. Все эти годы, ты сам был своим «усмирителем». Этому прибору незачем служить долго. Его не носят всю жизнь. Его носят до казни...

Левин нажал на панель в приборе, освобождая друга от оков. Отшвырнув ошейник, он глянул на молодого человека, с ужасом не сводившего зеленого взгляда с валявшейся в пыли вещи. Светлая полоса кожи, ярко контрастировала с его загоревшим лицом. Мик словно задохнувшись, схватился руками за шею, чувствуя непривычный холод и потерю. Глаза его загорелись, но он, часто дыша, привычно успокаивал себя, не давая выйти из равновесия.

— Вот так, молодец... — Дмитрий тепло похлопал его по спине, — все будет хорошо. Ты справишься.

— Мне б твою уверенность...

— Переодеваемся! — Левин кинул Мику форму.

Тот поймал сверток, но глядя на одежду, вдруг ощутил головокружение. Шум в ушах нарастал. Последний раз он носил ее в прошлой жизни, и думал, что уже никогда не наденет. Он чувствовал, что просто не пересилит себя... Чертыхнувшись, он развернул одежду, неловко рассыпая ее по камням.

Руки дрожали, когда он пытался застегнуть куртку. Он, проклиная самого себя, стискивал зубы, чувствуя во рту вкус собственной крови.

— Да что с тобой такое?! Черт тебя дерит...

Левин мигом расправился с застежками, зло, одернув его, словно дитя малое, не способное самостоятельно обслужить себя.

Мик прикрыл глаза, и, лишь выровняв дыхание, удостоверившись, что не перегрызет горло своему соучастнику, догнал его у машины.

Лучше б они пришли голыми... Мик, проклиная «Морок», буквально волочил за собой рыжеволосую девицу, становившуюся центром всеобщего внимания, стоило им только появиться на одном из уровней громадного здания. Он, ухватив фуражку за козырек, опустил ее пониже на глаза. В этот момент он мечтал о забрале...

— Не тащи меня, черт! — Дмитрий вырывался, как мог, чувствуя, что его запястье скоро хрустнет в его руке.

Встречавшиеся им сотрудники, лишь выказывая должное уважение, коротко склоняли голову, торопливо продолжая движение. Инспекция. Одно их присутствие заставляло всех разбежаться по своим норам. При этом они явно создавали впечатление умалишенных, несясь по коридору.

— Все, довольно! — Левин таки высвободил руку, потирая синяк. Он одернул китель, оглядываясь.

— Все эти стены, они давят на меня... нужно поторопиться, лейтенант, — его друг задыхался, словно бежал марафон. Дело было плохо.

— Я больше не лейтенант! Хватит мне об этом напоминать, Мик, — он похлопал его по плечу, не зная, как можно было еще подбодрить этого странного человека — волка.

— Верно, Дмитрий, верно... я сейчас... один момент... — шумно выдохнув, Мик выровнялся струной, безмятежно улыбнувшись. На замученном лице это выглядело не очень хорошо, но Дмитрий смолчал.

— Ты можешь сказать, где он?

— Там, среди других, подобных себе, — Мик указал рукой через перила на обратную сторону здания. Там, на уровень выше, были расположены лаборатории проводившие обследование личного состава входившего в число звероформов. Видаль, выдержав последний допрос медиков, показался в коридоре, отойдя в сторону от группы товарищей. Он, держась за перила, глянул прямехонько на них.

— Хранилище, на три уровня ниже, — он проговорил медленно, одними губами. Левин кивнул, прочитав послание. Глаза же Хавьера расширились от удивления, и он, явно не понимая, что происходит, отпрянул от перил, направляясь к переходу на нижний уровень. Он настиг их быстрее, чем ожидалось. Дмитрий неловко сложил руки на пышной груди, приготовившись к допросу.

— Димитрий?.. — Хавьер замер от изумления, — что вы опять натворили?..

— Как вы узнали меня? — он удивился, не ожидая такого заявления.

— Я чувствую ваш запах. Глаза можно обмануть, но не обоняние...

— Долго объяснять...

— Но это же не...

— Не навсегда...

Над их головами послышались грубые возгласы, сменившиеся недовольным гулом.

— Что там происходит, Видаль? — Левин глянул на лаборатории.

— Моим товарищам сообщили, что они больше не нужны, Димитрий. Воспользуемся этим печальным фактом, и спустимся вниз.

— Так они это... — Мик ткнул пальцем в яростно обсуждавших сложившееся положение военных.

— Верно. Это представление для вас. Я не смогу пройти с вами. Мы тут пошумим немного. Нужно поторопиться.

Капитан подтолкнул их к выходу, сам направляясь назад, к своим людям. Дмитрий заметил Пата перевесившегося через перила и подмигнувшего ему. Он торопливо отвернулся, надеясь поскорее закончить этот маскарад. Они поспешили к ступенькам, не желая пользоваться комфортным лифтом, любезно распахнувшим свои двери при их приближении, но появившийся человек, не оставил им выбора.

Держа большую коробку с документами, профессор поприветствовал их, остановившихся в растерянности.

— О! Прошу за мной, господа! — Ссон элегантным жестом пригласил их вернуться и проследовать в один из просторных кабинетов.

Большая полукруглая комната, с окнами, занимавшими всю наружную стену, отгородила их от шума коридора. Пока Левин натянуто выдавливал улыбку, нервно перебирая кучу непонятных, прихваченных по дороге бумаг, Мик оттянул немного узел галстука, грозивший удушить его.

— Прошу, присаживайтесь. На сейчас, это самое удобное место, для спокойного, полноценного анализа. Какую сферу вы затронете сегодня?

Дмитрий, усаживаясь и неуклюже пытаясь пристроить бесконечные ноги, наблюдал за женщиной в белоснежном комбинезоне, с нашивками ИЛа. Раскрыв длинные ряды однообразных шкафчиков, она переставляла химикаты, которые горой коробок высились на нескольких столах. Сверяясь со списком, она направлялась то в один конец комнаты, то в другой. Знакомый лязг металла не ускользнул от его слуха.

— Это мой ассистент, Зои Розевски. Наконец удалось вытащить этот кладезь идей из города, и уговорить проводить больше времени здесь, — Ссон проследил за взглядом рыжей гостьи.

С грохотом коробки опустились на одну из металлических полок.

— Прошу прощения, — резкий голос раздался из угла кабинета.

— Оставь нас, дорогая. Закончишь позже.

Зои, кинув холодный взгляд на гостей, торопливо покинула кабинет. Мик тихо усмехнулся в кулак. От дверей она не отошла, он чувал, как сдерживает она дыхание, в смятении, не зная, что предпринять.

— Нам нужны данные по личному составу патрульной службы, за период последних тридцати лет, — Левин широко, белозубо улыбнулся, барабаня пальцами по изящным коленям, и не сводя глаз с профессора.

Тот кивнул, раздумывая.

— Эти данные, давно переданы в архив и хранятся в отведенном для подобной информации месте. Если уровень вашего допуска позволит вам пройти, вы сможете получить необходимое.

— Вы, кажется, чем-то недовольны, профессор? — Мик поднялся, одергивая безупречный китель.

Ссон встал вслед за ним.

— Ни в коем случае. Мой помощник отведет вас.

Мик услышал, как девушка за дверями поспешно отошла, скрываясь в коридоре. Незамедлительно ее настиг сигнал коммуникатора, требующий возвращения.

Она вела их, и Дмитрий едва сдерживался, глядя на ровную, словно струна спину девушки. Она была молчалива. Раскрасневшиеся глаза усиленно прятала за длинной челкой, не дававшей обзора. Наталкиваясь на прохожих, она упрямо шла дальше, словно робот, и стук металлической подошвы, только усугублял это ощущение.

— Еще один уровень. Прошу, — она пропустила их в пустой коридор. Однообразные серые металлические двери занимали его по всей протяженности. Пройдя по нему, они попали в одно из ответвлений, к которому вели ступеньки. Преодолев их, они остановились у входа.

— Прошу, — она сухо кивнула на панель, горевшую перед их лицами.

Левин достал пропуск, провел по ней, ожидая ответа. К его облегчению, доступ подтвердился. Мик повторяя процедуру, глядел на Зою. Он улыбнулся, получив в ответ презрительную ухмылку.

— Следуйте за мной!

Они изумились величине пространства, занимаемого Хранилищем. Левин видел, как Мик натянув фуражку еще ниже, прошептал проклятия. Им вовек не отыскать необходимое.

Они шли вперед, лавируя между бесконечных перегородок и рядов ящиков, уходящих к едва видимому потолку. Задрвав голову, Дмитрий пытался разобрать хоть что-нибудь. Тысячи ящиков и коробок. Тысячи шкафов...

— Здесь не музей! Можешь попусту не глазеть, дорогуша. Толку-то! Все единообразно! — Зою ускорила, заводя их в небольшую нишу, оборудованную стеллажами во все стены до потолка. Они блестели металлом, отличаясь лишь едва приметной маркировкой.

— Вот! Здесь хранится архив ВСБ. Файлы не разделены. Южный и Северный сектор: собраны по годам совместно.

— Она жива... — он и сам не понимал, как произнес эти слова.

Он видел, как дернулись ее плечи, но она не повернулась.

— Что ты сказала?

Левин, больше не выдержав, стянул неловкий прибор, отвечая ей уже нормальным, своим голосом.

— Она жива, Зою.

Девушка, задохнувшись, обернулась, налетев на него. Вцепившись в его китель руками, она изумленно оглядывала его, не веря своим глазам.

— Ты... как ты тут... оказался?... — Зою без сил ткнула его кулаком в грудь.

Мик остановился позади них, сложив руки на груди.

— Мы должны спешить.

— Розевски, все потом... нам нужны данные за 12 год. Вы с Викторией работали над ними. Где, скажи ради Бога, они находятся? — он схватил ее за плечи, встряхнув, заставляя очнуться.

— Она действительно жива, Левин?

Он, молча, кивнул.

— Так ты можешь помочь?

— Идемте за мной! — на этот раз она побежала. Шум ее шагов эхом отражался от стен

высокого помещения, и они спешили за ней. Нога противно заныла и, сжав губы, Зои заставила себя не останавливаться. Оказавшись перед очередной нишей, она включила освещение, проходя внутрь. Она оказалось в несколько раз больше прошлого.

— Время «зачисток»... начиная с 12 года... все здесь, — Зои прислонилась к стене, хватаясь за больное колено.

— Это все?.. — Мик, чувствуя себя, как в день приговора, снял фуражку, проходя внутрь и оглядываясь.

— А чего ты ожидал, дорогуша? Знаешь, сколько файлов нужно было обработать?!

— Только бумаги и электронные записи?

Мик обернулся к ней. В приглушенном помещении, глаза его горели зелеными углями. Он горько оскалился, глядя на ее замешательство.

— Только файлы? Левин, только файлы... — он сипло задышал, расстегивая пуговицы кителя и воротник рубашки. Одна пуговица сорвалась под пальцами, звякнув о пол, и покотившись к его ногам.

Дмитрий тихо вздохнул, с сочувствием глядя на спину друга.

— Зои, ты хочешь сказать, что образцы по годам зачисток...

— Их нет, Левин. Или я не знаю о них. Мне в руки никогда не попадался ни один.

Зои выровнявшись, подошла к Мику. Лицо молодого человека вновь покрылось испариной. Он, прижал, кулак к губам, учащенно дыша. Наконец совладав с чувствами, Готьер смог спокойно говорить.

— Значит, так тому и быть, Дмитрий, — удивительный зверь мягко улыбнулся, словно и не разбились его мечты, в одно мгновение.

— Мне жаль, Мик... — Левин закинул свою фуражку на стеллаж.

— Значит, это очарование, и есть пресловутая Альфа? — она глядела на него как на диковинное чудо.

— Но, как сработала защита оружия, я в толк не возьму! — Дмитрий не унимался.

— Видимо, ваши данные не были удалены из базы, и поэтому бумеранг не сработал. Живой образец для этой процедуры не требуется. Это лишь код. Мне очень жаль...

— Но откуда взялись образцы для опытов со звероформами?! Видаль говорил, что они здесь! — Дмитрий оглядывался, от бессилия приходя в ярость.

— Может, есть еще какое-то место, Левин. Но мой допуск рассчитан только на пребывание здесь. Боюсь, я бесполезна для вас.

— Помолчите, оба... — Мик прикрыв глаза, остановился в центре помещения, превратившись в сам слух. Они перестали дышать, умолкнув. Еле слышимый, едва различимый, он достиг его тонкого слуха.

Не говоря ничего, он подошел к одной из стен. Лихорадочно озираясь, он оглядывал ряды стеллажей.

— Проклятье... — он попытался отодвинуть один из них, но тот прочно был привинчен к полу. Ухватившись за него обеими руками, Мик вырвал металлические перегородки, швырнув их на пол. С грохотом, они приземлились у их ног.

— Что ты творишь, Мик?!

Не отвечая, он сокрушал остальные, освобождая стену. Когда варварские действия его были окончены, он некоторое время просто глядел на нее, ровную, казалось монолитную, не понимая, как мог ошибиться.

— Проклятье!!! — он, в тихой истерике смеясь, прислонился лбом к стене, прижимаясь

к ней ладонями.

— Я слышу... я же слышу...

— Я, кажется, тоже слышу... — Левин не успел схватить друга за китель, едва не повалившись вслед за ним. Как только Мик прислонился к стене, едва слышный тонкий писк раздался у стены, и скрытая панель в стене, считав его допуск, лежащий в кармане, просто отъехала в сторону.

— Прекрасно... — Зои протиснувшись вперед их, прошла в открывшийся проем.

Ровный гул, услышанный Миком через стены, оказался работающей аппаратурой. Поднявшись, Готьер глядел на несколько рядов одинаковых криокамер. Помещение имело округлую форму, и аппаратура располагалась полукругом с одной стороны. Огромный экран занимал часть противоположной стены. Здесь же была оборудована операционная, отделенная несколькими пластиковыми белоснежными перегородками. Металлические столы, уставленные приборами и десятками стеклянных емкостей, вызывали холод в позвоночнике. Дмитрий отвернулся, не желая даже предполагать, что здесь происходило, едва не врезавшись в один из столов. Звон наполнил помещение, отражаясь от куполообразного свода над головами.

— Вот, где все началось, Дмитрий.

— Я никогда не была здесь! Ссон даже не обмолвился о его существовании! — Зои негодуя, оглядывалась.

— Сколько их здесь... они живы? — Левин тихо прошелся вдоль рядов с криокамерами.

— Нет, я не чувствую ни одного из них. Кроме этого... — Мик подошел к одной из многочисленных камер, явно превышавших размеры остальных. Он неожиданно зло ударил по стеклянной панели.

— Вот он, волшебный ингредиент сыворотки! Ты только посмотри, Левин. Ты только посмотри!

Дмитрий торопливо подошел, глядя на огромное, покрытое темной бурой шерстью тело, укрытое металлом и стеклом.

— Волк. Живой? — Зои боясь прикоснуться к камере, склонилась над ним. Тварь была поистине отвратительной. Наконец, она могла видеть бесценный образец, который был так нужен ей все эти годы! Чертов профессор! Если бы она только могла догадываться об этих камерах! Все это время, они были, за ее спиной... это ужасало.

— Живой! Иначе произошла бы обратная трансформация. Как долго он здесь, одному черту известно.

Мик присел возле камеры, затем опустившись на колени, пачкая брюки, ища нужные провода.

— Что ты делаешь? — Дмитрий окликнул его, находясь у стола с горой насыпанных препаратов. Его внимание привлек старинный прибор, явно предназначенный для записи голосовых данных.

— Собираюсь отключить его! Нельзя оставлять это существо здесь, Дмитрий! Ты же это понимаешь?

Не дожидаясь ответа товарища, Мик выдернул все подводящие кабели разом, гася все данные на передней панели камеры. Зверь, более не подключенный к системе, не был способен на регенерацию, в таких критических условиях. Очертания его таяли, проявляя его истинную суть.

— Покойся с миром...

Левин нажал пару кнопок на небольшом устройстве, немедленно воспроизведшим последние сделанные записи. Знакомый голос зазвучал в помещении:

— Производство сыворотки, очень дорогостоящий процесс. Его невозможно продолжать бесконечно. Ее приходится вводить постоянно. К тому же желающие стать

подопытными редко соответствуют требованиям Сил Безопасности.

Идея о выращивании готового образца, не требующего постоянных инъекций, была поддержана обоими Главами и Советом. Илом было принято решение не подтверждать информацию о том, кто является бета — образцом. Ввиду возможного укрепления Севером своих позиций, будет преподнесен уже достоверно положительный результат.

Проект включал в себя полную интеграцию образца в социум. Планировалось провести несколько этапов. Но наш испытуемый проваливал их раз за разом. Создавались заведомо конфликтные ситуации, провоцирующие образец на агрессию. Изучалось его возможность самоконтроля.

Когда данный этап был провален, был запущен второй этап.

Его частью стал лейтенант ВСБ Дмитрий Левин. Нам нужен был человек, способный сострадать, человек способный на самопожертвование. И он, поначалу прекрасно оправдывал наши ожидания, но был упущен следующий фактор: сострадание и самопожертвование были переняты и испытуемым образцом.

Поэтому приступы усугубились. Неожиданным фактором стало появление еще одного человека, не запланированного, но внесшего большой вклад в наш проект. Но последствия этого «вклада» оказались не менее губительны для образца.

Вывод один: бета — образец не устойчив и подлежит уничтожению, ввиду необратимого дефекта личности — полной эмоциональной бесконтрольности...

Зои выключила запись. Левин долго молчал. Слов просто не было.

— Предупрежу твой удар, прояснив — я, всего лишь ученый. Выполняю свою работу. Как в прочем и ты.

— Ты не курсант...

— И никогда им не являлась. Я была приставлена к образцу... к Виктории.

— Неужели ничего не дрогнуло, Розевски?

— Я дрожу каждый Божий день, дорогуша. Не надо считать меня монстром. Эти четыре года, я каждый день дрожу, что он свяжется со мной и вынудит сделать то, на что я не буду способна! Я сделала для нее все, что могла. Была рядом, каждый день, и слушала искренне... просто быть рядом, это все, что я могла Левин. Я пыталась приготовить сыворотку, но у меня не получилось. Ничего не получилось. Лекарства нет.

— У меня есть то, что тебе нужно, Розевски. Просто сделай это, ладно? — Дмитрий положил руки на ее плечи, — сделай это...

Дмитрий, глядел, как его товарищ, направился к следующему ряду криокамер.

Найдя, наконец, нужную, Мик положил ладонь на стекло. Человек под ним словно живой, лежал неподвижно. Казалось, еще мгновение и он откроет глаза.

— Она слишком чиста по сравнению с другими. На стекле нет пыли... — он все водил и водил по ней ладонью, забыв о том, где находится.

— Кто-то навещал его? Нужно взять пробу, дружище.

— Для этого нужно отключить систему...

— И?

— И тогда я убью его во второй раз...

— Он погиб уже давно, Мик.

— Он не погиб. Я, убил его. Собственными руками, — он был так жестоко несчастен в этот час.

— Мик... — Дмитрий опустил тяжелую руку на его плечо, дружески сжимая его, — ты

знаешь, зачем мы здесь. Задержимся еще немного, и...

Грохот, чудовищный сотряс стены, заставляя дребезжать стеклянные приборы на столах.

— Что происходит?! — Зои, инстинктивно пригнулась, прикрывая голову руками.

— Тоннель перекрыт, — Мик поднял голову, словно предчувствуя, сигнал тревоги пронзительно взвыл над ними, оповещая об эвакуации.

— Что значит — перекрыт, Левин?! — Зои закричала, требуя разъяснений, но он потащил ее к камере, вручив пару дозаторов.

— Бери пробы, и мы уходим. Доступ к нижним гаражам отрезан. Силы Безопасности не смогут подступиться к Куполу некоторое время. Мы не должны допустить их сюда. Чем дольше тянем, тем больше людей может пострадать, Розевски!

Она в панике схватила приборы, опасливо оглядываясь на них, словно боясь повернуться спиной. Мик не стал ждать, пока она отключит камеру, он с силой сорвал стеклянную крышу, опустив ее бережно рядом.

— Дай мне! — он протянул руку Зои, требуя дозаторы. Она послушно опустила их в его ладонь, отступая. Мик активировав прибор, по очереди вколол их в плечо друга. Лицо его было скрыто прядями волос, оставляя его чувства лишь ему, уберегая от обзора присутствующих. Поднявшись, он кинул один из дозаторов Левину, спрятавшему сокровище в китель. Второй, к его удивлению, он отдал Зои.

— Почему? — она приняла прибор, в растерянности глядя, как он, так же осторожно накрывал камеру, укрывая лежавшее тело. Дрогнувшей рукой, он бережно вытер пыль со стекла, прекрасно осознавая, что через совсем короткое время, и эта камера, и это помещение обратятся в прах...

— Больше всего шансов у тебя. Дмитрий — всего лишь человек. Одна пуля — и он вне игры. Я — их цель. К тебе меньше всего внимания. Ты смогла войти, сможешь и выйти. То, что в твоих руках, может спасти твою подругу. Только эта маленькая вещь. Главное помни — таких только две...

Он оглянулся, в последний раз глядя на разломанную камеру.

— Покойся с миром, друг...

Уже отсюда, из коридора он чуял запах гари, грохот продолжавшихся более мелких взрывов. Стены Купола едва ощутимо содрогались, словно исполинское тело в судорогах.

— А южане с энтузиазмом подошли к вопросу!

— Их хорошо мотивировали, Мик, — Левин прошел вперед, подходя к ступеням ведущим наверх. Он на секунду остановился, перед тем как открыть широкие двери. Шум развернувшегося боя наполнил пустой коридор, впуская клубы дыма и крики людей.

Голоса были слышны над их головами, эвакуация медперсонала к платформам продолжалась. Они поднялись, выходя на открытое пространство широкой асфальтированной дорожки ведущей вдоль необъятного шумевшего парка. Зои видела, как пылали охваченные огнем верхушки деревьев у разрушенной взрывом площадки, служившей сценой еще совсем недавно.

— Я должен найти Видаля! — Дмитрий притормозил, намереваясь оставить их здесь внизу у парка.

— Капитан сам о себе позаботится, не дури, Дмитрий! Нужно идти к воротам! — Мик откинул полу кителя, показывая крепление на поясе. Последняя капсула «жидкого солнца» ожидала своей очереди.

— Он не станет, о себе заботится, Мик. Я иду, иначе он не выйдет, останется до последнего. Так, или иначе, я заставлю его убираться отсюда! Уходите, не ждите нас, мы догоним, — он побежал вперед, поднимаясь на первый уровень, и скрываясь в не осевшей бетонной пыли, поднятой многочисленными не умолкавшими взрывами.

— Что за человек?! — Мик возмущенно глянул на Зою, лишь молча мотнувшую головой, соглашаясь с ним.

— Идем! — он потащил ее, крепко схватив за запястье. Она едва поспевала за ним, пересекая разломанные перила и выбираясь к тени деревьев.

— Как ты намерен открыть ворота? Их не открыть без команды поста! — Зою старалась переорать окружающий шум.

Он хотел ответить, но остановился, на какой-то миг, подумав, что нюх обманул его.

— В чем дело?

Мик еще раз вдохнул горький воздух, понимая, что не ошибся. А это означало, что кто-то сошел с ума, оказавшись там, где его не должно было быть.

— Креш! Какого черта ты тут... делаешь?.. — Мик возмущенно повернулся, глазами ища друга, но его не было. Он чуял, в этом не было сомнения, но почему не мог видеть?

— Не отводи взгляд, Микаэль, — звучал знакомый голос, но принадлежал он совсем не тому, кому должен был. Сняв очки, профессор опустил их в нагрудный карман, потеряв уставшую переносицу.

— Какого черта тут происходит?.. — молодой человек, в конце, растерявшись, затолкал за спину девушку, озираясь на охрану, становившуюся полукругом от них.

С гулким звоном повисла в воздухе пара цепей, обмотанная вокруг руки Ссона. Мик задыхаясь от охватившей его ярости, глядел на два медальона, мерно качавшихся, ударяясь друг о друга. «Морок» и «Отчуждение», созданные тем, кого еще недавно он звал Крешником.

— Цена предательства... — профессор поглядел на руку держащую приборы, —

пожалуй, не так уж и велика, если учесть итог. С возвращением.

Ссон радушно распростер объятия.

— Все эти годы, наблюдая, я восхищался все более и более. Совершенство природы и науки... Идеальная форма жизни...

— Ублюдок... — чувства захлестнули его. Второй раз за день, его надежды и вера разбивалась вдребезги. Довольно! Дыхание прервалось, разразившись яростным рыком. Он, теряя остатки человечности, разорвал китель, мешавший свободному движению. Не глядя, Мик отшвырнул, словно куклу Зои, приземлившуюся на мягкую землю парка.

— Беги! — его голос больше не походил на человеческий.

Она в ужасе глядела, как он кинулся вперед, сметая все живое на своем пути.

— Только ранить! — голос Ссона был едва слышен в грохоте.

Не желая знать, чем все это закончится, она тяжело поднимаясь, и проклиная болевшую ногу, побежала через парк, пробираясь к воротам. Звон и грохот от ломающихся перегородок заглушал собою все вокруг. Она, вскрикнув, укрыла голову руками, когда внушительный кусок пластиковой двери врезался в землю едва ли не перед ее лицом.

— Боже! Что вы творите?! — голос ее был заглушен очередями выстрелов, прорезавших листву деревьев над ее головой.

Она понеслась вперед, в панике больше не соображая, где земля, а где небо. Добравшись до одного из лестничных пролетов, она подняла растрепанную голову, пытаясь разглядеть происходящее наверху. Впереди проход был полностью завален, и она вспомнила слова лейтенанта о том, что нижние подземные гаражи были перекрыты. Там ей не пройти. Оставались эвакуационные платформы на верхних ярусах. Но именно там охрана Купола пыталась справиться с сопротивлением восставших подразделений южан.

— Посмотрим, какова твоя удача, Розевски... — девушка, пригибаясь и держась за шатавшиеся перила, стала подниматься вверх. Она вспотевшими от напряжения руками проверила сохранность дозатора.

— Давай Розевски, только вперед! — она, пригибаясь, выглянула за угол, проверяя, нет ли угрозы, и убедившись, что сможет пройти, побежала по искореженному коридору, то и дело оборачиваясь. Впереди, в клубе дыма мелькнули черные силуэты. Один из них на ее беду остановился, оборачиваясь с оружием.

— Нет, нет, нет! Только без глупостей, дорогуша! Я вам не враг! — она подняла руки, пригибаясь в надежде, что шанс быть не убитой у нее все же есть.

— Поднимайтесь выше! На следующем этаже лестница чиста! Вы сможете пробраться к лифту! — мужчина в черной форме энергично махал ей рукой в перчатке, зовя следовать по указанному маршруту. Подняв голову, Зои смогла разглядеть золото в его глазах.

— Патруль...

— Вперед! Пока эвакуация еще возможна! Торопитесь! — он подтолкнул девушку не решавшуюся, наконец, убраться с этого места.

Лязг протеза противным холодным звуком раздавался у нее в голове, отвечая болью в измученной ноге. Еще немного... лифт был совсем рядом. Она видела зеленую панель, говорившую о том, что техника продолжала работать.

— Тебе просто везет, Розевски... — она, усмехнувшись, пошла к заветной двери, услышав за спиной рык, заставивший все похолодеть в груди.

— Ну почему я?.. — она развернулась, отступая к перилам. Огромная стеклянная панель, скрипя, наклонялась, грозя сорваться вниз, и мешая обзору. Зои осторожно

выглянула, пытаясь понять, что там внизу происходит.

Он справился уже со столькими, но их только прибавлялось... Профессор отступал назад, оставаясь за рядами тех, кто пытался остановить черноволосого зверя.

Сердце сжалось от вида окровавленной одежды на нем. Они не стреляли на поражение, они хотели остановить его, только терзая и раня... Он подступал, лишь нарываясь на следующую пулю.

— Проклятье! — она отпрянула от края, и, отойдя на приличное расстояние, разбежалась и, приложив все силы, ударила металлической подошвой протеза по стеклянной перегородке. Поддавшись, она, скрипя, перевесилась через перила, полетев прямо вниз, вонзаясь в землю, перед его лицом, отгораживая от направленного оружия. Огонь прекратился на несколько мгновений, затем возобновившись смертельным градом, но броня стекла не пропускала ни одной пули, трескаясь, но служа щитом.

— Давай, дорогуша! Мои идеи исчерпались!!

Мик поднял горящие зеленым огнем глаза, и она не могла понять, увидел ли ее, понял ли, в таком состоянии. Отступив, он яростно ударил кулаком по стеклу в том месте, где вдали виднелась фигура профессора, вынужденный отступить на этот раз, скрываясь среди деревьев парка.

— Уводи людей, Пат!

— Капитан... — офицер снова вынужденный покидать его, на этот раз навсегда, не мог заставить ноги двигаться.

— На площадку! Бегом, Пат! Это приказ!! — Видаль поднялся, упрямо глядя в золотые глаза своего помощника, — эвакуация должна быть завершена. Иначе они погибнут!

Очнувшись, молодой человек, стащил зубами одну перчатку, и, приложив ко лбу, задержал на мгновение кулак на груди, у сердца.

Хавьер, молча улыбнувшись, повторил ритуал прощания. Теперь он глядел, как продолжая сдерживать охрану, его люди пробирались к верхним этажам, давая медперсоналу возможность подняться с двух открытых площадок, на которых ожидала эвакуационная техника.

Левин вновь запустил бумеранг, поняв, что патроны кончились, он просто выбросил мешавшее оружие. Синяя птица взметнулась, поражая мишени, но полосы на ее поверхности внезапно погасли. Вернувшись в его руки, он еще раз заискрившись, вспыхнул.

— Черт! Заряд... — охраны только прибавлялось, теперь им не на кого было отвлекаться, и весь огонь обратился на них. Дмитрий обреченно запустил свое оружие, понимая, что на такой открытой площади, скрыться и вернуться просто невозможно. Он всего лишь человек...

Несколько пуль едва задели его, следующая оказалась точнее. Удар ее окинул его на землю, и адская боль обожгла живот.

Бумеранг не пролетел и половину пути, потеряв свой заряд. Упав раненой птицей, он больше не мог вернуться к хозяину.

— Дмитрий!! — охрипший голос Хавьера донесся до него через весь громаднейший зал, но его друг не мог успеть. Стрелявших было слишком много, оставался небольшой выбор. Он просто побежал, молясь, что успеет достигнуть его. На ходу, он вскинул свой арбалет и едва оказался рядом с лейтенантом, выстрелил, активируя щит. Синее зарево надежно укрыло их, выкроив для них некоторое время. Склонившись над другом, Хавьер понял, что его почти не осталось.

— Дмитрий... — Видаль разорвал собственную рубашку, пытаясь сделать хоть какую-нибудь повязку.

Левин был белым как полотно, дыхание его еле ощущалось, пульс едва был различим. Кровь заливала его одежду и пол под ним. Хавьер понял, что пуля прошла навывлет.

— Проклятье, Дмитрий...

— Не бросай... — Левин прохрипел, едва приподняв окровавленную руку, — не бросай...

— Я вас не брошу, Бог мой...

— Ее, не бросай, Видаль... — кровь струйкой потекла из уголка его губ, и он более не мог произнести и слова. Без сил, его голова упала на каменный пол.

Шум вокруг... крики... стрельба... грохот... все исчезло, для него в этот миг. Хавьер, молча, вытащил нож с ножен, закрепленных на высоком сапоге. Зубами, оторвав пуговицу на рукаве рубашки, закатал его повыше. Лицо покрылось испариной от волнения, капитан скинул окровавленную повязку с живота лейтенанта, и разорвал майку в месте ранения.

Поднеся свою руку к ране, он стиснул зубы, и, прикрыв глаза, полоснул лезвием по запястью.

Алая кровь хлынула, впитываясь живой водой в раненное тело офицера.

— Ну же, ну же... Димитрий! — перед глазами потемнело, Хавьер успел опереться второй рукой о пол, пытаясь почувствовать лежащего рядом человека.

Наполняя его, кровь начала творить свое волшебство. Хавьер, от головокружения едва различая изображения перед собой, глядел, как принялись затягиваться края раны, регенерируя, исцеляя...

Щит над их головами меж тем бледнел, не справляясь с атакой, обрушивающейся на него. Надолго его не хватит.

Капитан без сил опустил свою раненую руку, чувствуя, что кровь к счастью остановилась, но он перестарался, торопясь, и слишком глубоко прошелся ножом, перерезав сухожилия. Рука больше не слушалась его, и оставшейся в его теле сыворотки было недостаточно для дальнейшей регенерации.

Дмитрий вдохнул судорожно, открывая глаза, и они впервые вспыхивая, загорались золотым светом.

Он едва приподнялся, опираясь на руки, и в панике переводя взгляд с себя, на капитана.

— Что вы наделали, Видаль?! — он смотрел, как глаза капитана медленно гасли, обращая его в человека.

— Вы сказали, не бросать ее, Димитрий... а она без вас никуда... вы идете в комплекте...

Оглушительный звон наполнил все вокруг. Сверкающими льдинами стекла посыпались с искусственного неба над их головами. Рассыпаясь хрустальными брызгами, они падали к их ногам. Люди разбегались, укрывая головы. Один из огромных кусков, зацепил угасающую стрелу щита, отключая его. Огромные звери приземлялись на свои чудовищные лапы, круша ими остатки стекол. Дикий рык их заглушил даже шум выстрелов, раздававшихся с нижних уровней. Чудовищные когти разрывали на части, тех, кто осмелился встать у них на пути, сокрушая все живое. Лишь когда все умолкло, и последняя винтовка гулко коснулась земли, один из Волков вышел вперед. Остальные, послушно остались позади. Зверь склонил голову, оглядывая группу людей. Встретившись своими алыми глазами с лейтенантом, волк издал жалобный вой, больше похожий на тихое скуление.

— Вик... — он узнал бы ее даже в таком облици.

Волк подошел, осторожно ткнувшись огромной мордой ему в плечо. Дмитрий едва сдержал стон, от такой ласки, коснувшись ладонью черного меха на голове зверя. Так же участливо, зверь коснулся капитана, и хрипло взыв на весь рухнувший Купол, отступил, развернувшись к профессору.

Тряхнув головой, а затем и всем огромным телом, играя блестящей черной шерстью, зверь, содрогаясь, обращаясь, трансформируясь, превращаясь в человека. Еще несколько мгновений, и она подошла к профессору, обсыпанная своими косами, скрывавшими ее наготу.

— Как тебе удалось?! Как тебе удалось контролировать процесс?! — профессор в своем безумстве, не ощущая опасности, изумленно обходил ее вокруг, оглядывая, словно вселенское чудо.

— Я так зла... — голос едва слушался ее, и ей пришлось прикладывать еще больше усилий, чтобы он снова звучал, — эта ярость течет по моим венам, разливаясь ядом, не давая

зверю овладеть этим телом... это чувство сильнее вашего зелья, профессор.

— Уничтожив здесь все, вам не остановить проект. Пока вы живы, он будет существовать.

— Верно. Не в один миг, и не в один день, но однажды, он будет остановлен. Наша суть не станет более оружием. Пока она будет служить нашим Щитом...

— Вы не устоите против целого мира!

— Мир начинается за стенами города, профессор. И это жители должны осознать, пока не поздно. Они должны решиться открыть ворота.

— И этот мир сожрет их!

— Иначе они сожрут друг-друга... эта клетка стала им слишком тесна...

— Тебе не заговорить меня, ты сама не понимаешь своих слов! Вам не выйти отсюда!

Он был так откровенно рад, что все выходы были перекрыты. Ей не хотелось разбивать его иллюзии раньше времени. Зои должна была выйти из Купола, пока они отвлекали его.

— Закругляйтесь, пожалуй...

Она деловито прошагала, мимо чудовищных монстров. Один из волков оскалился, глядя на нее.

— Есть что сказать, дорогуша?!

Зверь отвернул морду, отступив назад, подальше от этого странного человека.

— Как ты намерена действовать, Розевски? Двери изолированы! — голос профессора звучал у нее за спиной, но она лишь подернула плечами, продолжая идти.

Чудовищный взрыв сотряс стены, едва давая им устоять на ногах. Ворота дымились, деформировавшись. Остатки огня догорали, давая подойти ближе. Мик, использовал последнее «солнце», подарившее им шанс на побег. Прислонившись к горячей стене, он махнул головой Зои, веля уходить. Проход оказался узким, и, обжигая плечи и спину, Зои протиснулась наружу, осторожно прижимая к груди свою бесценную ношу. Свежий ветер ударил ей в лицо, сбивая с ног. Она поторопилась к броневику, ожидающему их.

— В протоколе безопасности защиты Купола, состав сыворотки «Звероформа» указан как биологическое оружие. Естественно, ДНК личного состава Южного патруля было внесено в исключения, как предполагаю и мои данные, профессор. Поэтому вторжение Волков, система распознала бы, как присутствие зараженных на территории. Как эпидемию. Как опасность, верно?

— Это домыслы!

Виктория махнула рукой, давая команду волкам, рассредоточится по уровням.

— Это вам ничего не даст! В случае эпидемии, и угрозы биологического оружия, происходит полная изоляция, чтобы предотвратить дальнейшее распространение инфицирования...

Они почти одновременно подняли головы вверх.

— Проклятье... — профессор глядел на расколотое небо над головой.

— В случае если изоляция невозможна, профессор, включается система самоуничтожения.

Взвыли сирены, они оглушали своим воем. Отсеки и уровни, изолируясь, запечатывались.

— Ваши изыскания окончены, профессор...

Система, не справляясь с полной изоляцией, перешла во второй режим. Верхний уровень взорвался, грозя завалить тех, кто оставался внизу.

Они по очереди протиснулись через узкий проход, образовавшийся после взрыва ворот. Мик поддерживая Дмитрия, помог ему перебраться наружу. Хавьер, остался ждать у стены, глядя, как Виктория выбралась последней, убедившись, что не остался никто, из их маленькой группы. Ссон хотел было последовать за ними, мечась между падающими обломками, но рычащие звери, бешено колотя своими хвостами по разломанному полу, преградили ему дорогу...

Машина ожидала, и Розевски нетерпеливо подгоняла их, видя, что происходит за их спиной.

На полной скорости они неслись к скалам, оставляя позади оседающий хрустальный «дворец».

Один за другим, уровни вспыхивали, разлетаясь яркими осколками, оседая вокруг. Еще немного и оглушая округу на многие сектора, Белый Купол пал. А вместе с ним обрушился и старый Мост, соединявший города. Теперь, чтобы сделать шаг навстречу, им предстояло открыть ворота, и обрести свою свободу.

Волк бежал рядом с машиной. Хавьер, приложив слабую ладонь к стеклу, опустил его, желая хотя бы так быть ближе. Он протянул здоровую руку, касаясь теплой, нагретой солнцем черной шерсти. Тихий звон наполнил его слух, он глядел на алую ленту, обвившуюся вокруг лапы зверя. Его огромные алые глаза, встретившись с ним взглядом, остывали, словно гасли в них адские угли, и они, очищаясь, вновь наполнялись небесной синевой.

— Я люблю тебя... — он произнес одними губами, боясь быть услышанным посторонними.

Волк, ткнувшись головой в его ладонь, умчался вперед, обгоняя машину. Затем снова возвращаясь, словно подгоняя их.

Она никогда не была раньше в Пустоши, и никогда вживую не видела столько открытой земли, столько зелени. Зои осторожно присела на траву, глядя ее руками. Запах ветра и чувство неизвестности пьянил ее. Мик подошел, останавливаясь рядом. Глядя на ее растерянность, он улыбнулся.

— Сейчас, я не могу утверждать, что справлюсь, я столько раз пыталась!

— Твои возможности были ограничены, — снова улыбаясь, он, шутя, толкнул ее плечом в плечо, усевшись рядом.

— Хочешь сказать, что сейчас, я могу себе ни в чем не отказывать?! Я в лесу! В одних штанах! Как мне работать?! — она глядела на него, сердясь не на шутку.

— Идем со мной. Я покажу тебе кое-что... — Мик поднялся, протягивая ей руку.

Она скептически глядела на нее, из-под своей длинной челки, затем осторожно протянула свою ладонь. Легко, словно она и ни весила ничего, Черный Волк поднял ее на руки, и, не обращая внимания на полившиеся ругательства и кулаки, понес через дебри в гущу леса.

— Дорога здесь не позволит нам быстро идти, если ты пойдешь своими ногами, Зои. Позволь, я просто ускорю дело!

Она протестовала, но он просто шел вперед. Только достигнув нужного места, он осторожно опустил ее, тот час же получив болезненный удар кулаком в живот. Сипло выдохнув, он оскалился, улыбаясь.

— Мы пришли, собственно...

Молодой человек указал на старую хижину.

— Этот дом никогда не пустовал, — Мик оперся о подоконник, и тот с хрустом отломился под его рукой.

— И никогда не ремонтировался! — Зои с отвращением оглядела разваливающуюся хижину.

— Это можно поправить... Ведьма всегда жила в нем, и помогала местным жителям...

— По-твоему я похожа на ведьму?!

— Времена меняются...

— А ты, значит, Большой волк?

— Разве я похож на волка?

Она многозначительно оглядела его, заявив:

— На этот вопрос я смогу точно ответить только после тщательного осмотра. Только факты, дорогуша!

Зои осторожно остановилась на скрипящем пороге. Рукой она толкнула покосившуюся дверь, впускающую ее внутрь странного дома. Хижина была полна запаха трав, висевших у потолка, связанными небольшими пучками. Она коснулась одного из них, наблюдая, как он качается на грубой нити. Один из волков, тот, что помоложе, подошел к ней, коснувшись мордой ладони. Зои провела рукой по серебристой спине.

— Хорошее место, чтобы творить великие дела.

— Тебе некуда спешить.

— Я должна ей помочь.

— Я об этом и говорю... Ее любовь живет, пока она остается зверем.

Зои задумалась, опуская руки.

— Она не примет антидот.

— Никогда.

— Никогда...

Старое маленькое здание практически расколосось, словно гнилой орех. Разбирая ставшие негодными доски, Мик схватил с добрый десяток, и, взвалив на свое плечо, отнес, скидывая в огромный темный овраг. Вернувшись, он склонился, за следующей горой трухлявого дерева, но запах свежей древесины остановил его. Одна из сломанных досок смогла привлечь его внимание. Отряхнув руки о штаны, он перебрался через горы хлама, подбирая то, что так заинтересовало его.

Мик долго крутил в руках одну из тонких досок, затем, чему-то улыбаясь, пошел к рядом растущим деревьям. Вскинув голову, он вглядывался в высокие толстые ветви, и, найдя подходящую, стал еще довольнее. Зеленые глаза заискрились задором. Прихватив толстую веревку, он разорвал ее на равные куски, продолжая мастерить. Перекинув края через ветку, он закрепил оставшиеся концы. Проверив прочность своего незатейливого творения, он убедился, что прочность достаточна, чтобы выдержать вес человека. Хитро ухмыльнувшись, он повернул голову, ища взглядом возмущенно ворчавшую Ведьму. Зои пнула металлической ногой трухлые бревна, и те рассыпались в прах, еще больше ее зля.

— Это никогда не кончится! — она горько поджала губы, вспоминая свою уютную комнату в городе.

— Сеньорита Розевски простит наше неумение? Мы стараемся изо всех сил... — Хавьер вытер пот, закатанным рукавом рубашки, плаваясь под палящим солнцем. Его очаровательная улыбка не попала в цель.

— На меня ваши чары не действуют, капитан! О-о-о!!! — она вдруг просто взлетела воздух, и едва поняла, что произошло.

Подхватив ее, Мик потащил ее к деревьям, укрывавшим часть дворика вековой тенью.

— Немедленно отпусти меня, чудовище! — она ловко вывернулась, но тут же приземлилась на твердую, шаткую поверхность.

— О Боже, что это?! Оно движется!! — Мик отцепил ее руки от себя, сомкнув их на прочных шершавых веревках.

— Расслабься, тебе ничего не угрожает, — он тепло коснулся ее макушки.

— Что это? Эта скамейка сломана! Она движется, черт!! — она в ужасе закрыла глаза, а он тихонько толкнул, раскачивая. Раз, еще раз... легко взлетая, и опускаясь, она словно парила, набираясь незнакомого восторга и наконец, осмелившись приоткрыть глаза.

— Это качели, Зои... в моем детстве их еще помнили... — он склонил голову набок, глядя, как осторожная улыбка расцветала на ее губах.

* * *

Левин опустил тяжелую раму, чувствуя, как огнем загорелась спина. Хавьер немедленно принял ее, кидая на влажную землю.

— Вы упрямо игнорируете мои слова, Димитрий! Не стоит быть таким беспечным, вы всего лишь...

— Человек?.. — Дмитрий перевел дыхание, уперев грязные руки в колени.

— Мы должны беречь вас...

Хавьер не договорил. Опустив перепачканные руки, он повернулся в сторону болот.

— Обед на подходе, полагаю... — Дмитрий довольно потянулся, забросив работу.

Хавьер, как и всегда, в такие моменты просто переставая слышать и видеть что-либо вокруг, перемахнул через завал досок, безошибочно направляясь туда, откуда должна была появиться она.

Огромные черные лапы поднимали фонтаны брызг, разлетавшихся по поверхности болот. Все, ускоряясь, нетерпеливо, чувствуя, зная, волк летел из последних сил. Еще мгновение, и он перелетел через заросли малинника, представ перед ним. Стряхивая воду с длинной черной шерсти, он вымочил всю его одежду, даря прохладу. Хавьер не смог сдержать улыбки, глядя, как болтался в огромных зубах зверя увесистый сверток, приготовленный Ханной и заставлявший своим ароматом возмущаться пустой желудок. Зарычав, зверь выпустил свою ношу, приближаясь к нему. Огромная голова его коснулась его груди, и спустя мгновение, черные косы, бесконечными потоками укутали его. Она подняла мокрые руки, молча улыбаясь, и перекидывая алую ленту ему на шею. Притягивая его за концы украшения, она как всегда тонула в теплом золоте его глаз.

— Я люблю тебя... — теплый ветер подхватил ее косы, скрывая их от всего мира, и только тихий перезвон серебра в ленте нарушал тишину, различимый только ими двоими...

Больше книг на сайте - Knigolub.net